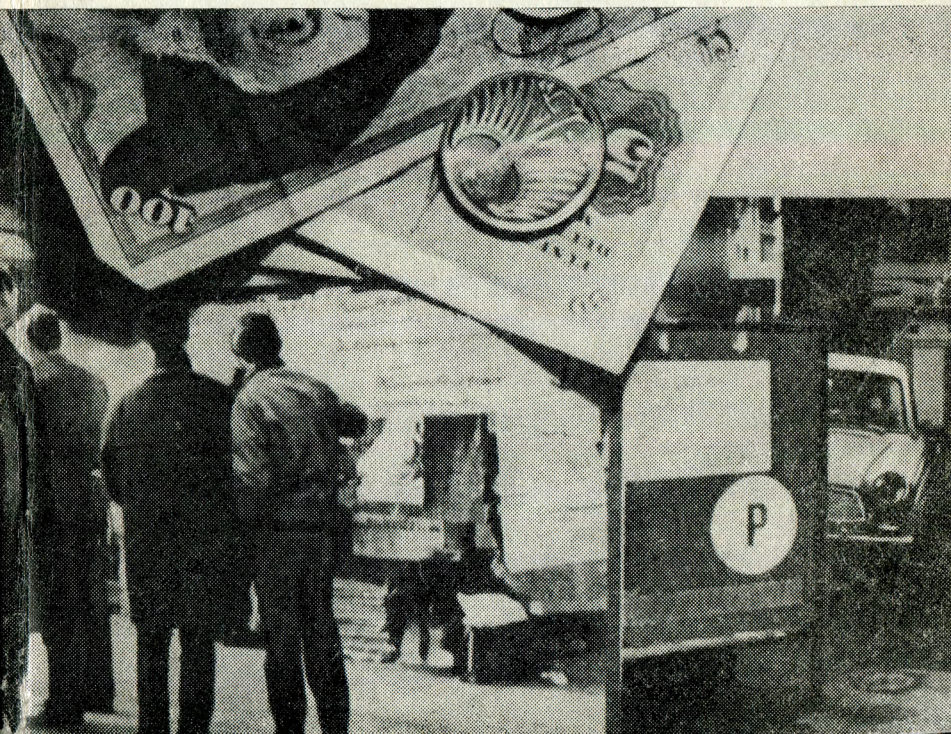

ПРОЧТИ, ТОВАРИЩИ!

ЛЕВ СТРЖИЖОВСКИЙ

деньги-господа

ДЕНЬГИ- ГОСПОДА

ЛЕВ СТРЖИЖОВСКИЙ

**Издательство «ЗНАНИЕ»
Москва • 1974**

Стржижовский Л. Ф.

- С85** Деньги — господа. Изд. 2-е, перераб., доп. М., «Знание», 1974.
160 с. (Прочти, товарищ!).

Настоящая книга представляет собой переработанное и дополненное издание книги «Встречи на Рейне» (выходила в 1971 году), которая рассказывала о ФРГ, о борьбе прогрессивных сил против реваншистских настроений и возрождения фашизма. С тех пор в «политическом климате» ФРГ произошли серьезные изменения, открывающие перспективы для разрядки напряженности в Европе и установления добрососедских отношений между ФРГ и странами социализма. В новом издании книги рассказывается об этих изменениях, о визите Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ФРГ и его благотворных последствиях для дела мира.

С $\frac{11105-005}{073(02) - 74}$ 168—74

Изд. 2-е, ПЕРЕРАБ., ДОПОЛН.

© Издательство «Знание», 1974 г.
С изменениями.

Звучит божественная мелодия хора. Я открываю глаза и сразу не могу понять: сон это или явь. В окно бьет зимнее солнце. Его лучи льются в комнату вместе со звуками органа. Музыка становится все громче. Ей вгорят мужские голоса, чужие, непонятные. От этого исчезает ощущение сказочности, все — солнце, музыка, комната — становятся реальным миром. Календарь «Люфтганзы», заботливо вывешенный на стене, сообщает: «Мюнстер, Западная Германия».

Прошлое громоздится рядом и мешает воспринять настоящее. Нарастающим крещендо на экране памяти снова прокручиваются дневной перелет Москва — Копенгаген — Брюссель — Кельн, путь поперек Западной Германии от Бонна до Мюнстера, переезд от вокзала до Янсен-колледжа. Отныне я — кандидат¹ (если придерживаться западногерманского табеля о рангах) Института публицистики Вестфальского университета им. Вильгельма в городе Мюнстере, а жильем мне определен колледж, носящий имя святого Янсена.

Арнольд Янсен — католический деятель. (В Мюнстере все связано с религией и историей, которые зачастую переплетаются). Его звучное имя ажурно просвечивает на грубой бетонной доске у входа в здание. Сквозь вязь букв видны соседние общежития (здесь их называют колледжами), также носящие имена святых. Они формально относятся к университету, но практически здесь всем управляют монашки. Церковь дает небольшие дотации на студенческое питание и местное «культобслуживание»: задаром

¹ Кандидат — окончивший вуз специалист, пишущий научную работу по избранной теме.

крутят фильмы, прославляющие прямо или косвенно ее миссионерскую деятельность.

Это сочетание религиозного начала с наисовременным материализмом кажется мне, приехавшему из другого мира, нелепым и искусственным. Безукоризненный с архитектурной точки зрения бочонок под моими окнами оказывается домовою церковью. Расписание божественных служб на доске объявлений в коридоре соседствует с перечнем экскурсий. В читальне журнал «Шпигель» лежит вместе с архикатолической прессой. Оправдывает ли себя эта политика в глазах церкви, не знаю, но ни один из студентов-католиков так и не смог объяснить мне, за что Арнольд Янсен сподобился причислению к лику святых.

Наш колледж построен недавно специально для иностранных студентов из Азии, Африки и стран Латинской Америки. Здесь живут студенты из Парагвая, Южно-Африканской Республики, Индонезии и других стран.

Центр — визитная карточка университета — отделан великолепно. В четырех зданиях, соединенных между собой галереями, есть все, что может понадобиться студенту, живущему вдали от родины. Даже кухня — национальная. Даже музыкальный салон (звуконепроницаемые стены, стереофоническая аппаратура) с полным набором народной музыки. Поначалу все это напоминало мне наши московские общежития. Сравнение отступило однажды вечером. Выйдя в кухню, я обнаружил, что отличная электроплита включается не штепселем, а десятипфенниговыми монетами.

В этом новейшем городке не было не только библиотеки, но даже сносного читального зала. Библиотеку заменяла маленькая комната с несколькими десятками книг религиозного характера да журналы, которые не полагалось выносить — читать их можно было только здесь. Ежедневные газеты лежали на другом столе в актовом зале. Зато сам актовый зал был оснащен хорошо: бар, раздвижная мебель, киноэкран.

Подобные или схожие порядки существуют и в других университетских колледжах. В основе их лежит политика, которая проводится в высшей школе: жесточайшая экономия во всем.

Со временем я перебрался в Коллегиум марианум, католиче-

ский колледж, поближе к университету. Здесь тоже работали монашки, и католическая община поддерживала бюджет. Бросались в глаза чистота и регулярность церковных служб. Юбервассеркирха, находившаяся напротив, одна из самых посещаемых и чтимых в Мюнстере, громогласно будила нас своими колоколами в шесть часов утра. Затем следовала ранняя месса в церкви колледжа. Не знаю, как мои немецкие коллеги, но я так и не смог привыкнуть к колокольному звону. Теперь любой зрительный ряд воспоминаний в моей памяти накладывается на перезвон колоколов.

Я пишу обо всем этом не потому, что какие-то правила и обычаи, установленные в колледжах, мне мешали (я приехал заниматься, все остальное трогало мало), а потому, что без них не понять той атмосферы постоянного недовольства, в которой живет подавляющее большинство западногерманского студенчества. В первую очередь его не удовлетворяет система образования, недостаточное число преподавателей, нехватка помещений, авторитарная структура организации кафедр, всего учебного процесса.

Из учебных журналистских центров ФРГ Институт публицистики, входящий в Мюнстерский университет, безусловно самый солидный и авторитетный. У нас в Советском Союзе он известен благодаря книге его первого руководителя профессора В. Хагеманна «Пресса уходит в отставку?». В ней затронута многое из того, что составляет сущность современной капиталистической печати. Продажность, зависимость журналиста от издателя, потеря здравого смысла, погоня за рекламой — по этим и многим другим вопросам Хагеманн высказался первым из ученых ФРГ. Этого оказалось достаточно, чтобы его начали травить. Через два года Хагеманн был вынужден покинуть институт и переехать в ГДР, где продолжал педагогическую деятельность. Хагеманна сменил профессор Хенк Пракке, который стал моим научным руководителем. В рекламных проспектах, врученных мне в первый же день, книга В. Хагеманна даже не упоминается.

Исчезновение книги В. Хагеманна оказалось не случайным. Забыта не книга, а похоронено главное направление в исследовании современной западногерманской прессы, преимущественно прессы монополий. Переворот совершен достаточно тонко и даже

для многих студентов неприметно. Осенью 1947 года Хагеманн выпустил свой учебник «Основные черты публицистики». Спустя двадцать лет книга вышла новым изданием, но уже вместе с автором на титуле значилось имя Пракке, с микроскопической пометкой «издатель». Так Пракке как бы духовно объединился со своим предшественником (В. Хагеманн, умерший несколько лет назад, до сих пор пользуется заслуженным авторитетом как ученый). Одновременно в институте постарались похоронить все, чем занимался Хагеманн. Основным учебным пособием в институте стала книга Пракке «Коммуникации общества». В ней нет ни слова о социальных и общественных задачах прессы и речь идет лишь о печати, радио, телевидении как о средствах массовой информации. Так, стремление избежать столкновения с действительностью в любой форме, остаться над партиями и над событиями якобы во имя абстрактной чистой науки пришло на смену критическому направлению прежних исследований школы Хагеманна.

Занятия в институте строятся по схеме лекция — семинар. На протяжении всего обучения студенты проходят последовательно три ступени (младшую, среднюю и старшую), где слушают курсы лекций по главному предмету — публицистике и нескольким побочным учебным дисциплинам и одновременно занимаются в различных семинарах. При переходе с первой ступени на вторую сдается экзамен. На третью попадают лишь по личному приглашению профессора. Все это достаточно сложно и обусловлено рядом оговорок, имеющих решающее значение для конечной цели обучения, сдачи магистрского экзамена или представления работы на соискание степени доктора философии. В первом случае необходимо регулярное посещение лекций в течение шести — восьми, во втором — десяти семестров с соответствующими семинарами.

Заветный титул «доктор» во многом способствует профессиональному успеху. Иностранцу порой бывает трудно понять эту игру в приставки перед фамилиями; наивное подчеркивание очевидных вещей. На визитных карточках, в объяснениях, даже надписях на дверях кабинетов непременно указано: «дипломированный» инженер или библиотекарь. Доктор относится свысока к магистру, тот, в свою очередь, к специалисту без степени. Доктора тоже

бывают разные. Считается, что в общественных науках заработать степень труднее, чем в медицине. А потому «доктор медицины» произносятся с этакой ухмылкой. Происхождение всего этого кроется в извечном преклонении перед мундиром, военными знаками стличия. Степени символизируют строгую иерархию в штатской жизни и сразу определяют (как погоны или нашивки) положение человека на служебной лестнице.

Подготовка публицистов (к ним относятся работники прессы, радио, телевидения и кино) в Западной Германии резко отличается от системы, принятой в нашей стране. В университетской программе прямо утверждается, что Институт публицистики вовсе и не ставит своей задачей готовить профессиональных журналистов. «Институты не предлагают никакого практического журналистского обучения». В них дается только общее образование. Ни один из практических предметов, разбирающих жанры и формы журналистики, организацию работы редакции, не входит в учебную программу. Не предусматривается и никакой практики в редакциях газет, радио, телевидения. Примечательно, что сами студенты чувствуют потребность в такой подготовке и устраиваются на время каникул в редакциях стажерами. Словом, в институте готовят специалистов широкого профиля, меньше всего обращая внимание на профессиональное мастерство. В университете нет даже студенческой газеты — извечной колыбели каждого газетчика. Свое начало институт ведет с 1919 года и в соответствии с традициями мало меняется. С позиций современности, как и многое в высшей школе, вызывающее гнев студентов, подобная ситуация выглядит архаичной.

Первое время я особенно интересовался процессом обучения. Вместе с другими студентами, которые приняли меня очень радушно (многие из них стали впоследствии моими друзьями), слушал лекции. Для студента обязательно посещение главного курса лекций (который имеет право читать лишь ординарный, заведующий кафедрой профессор, в данном случае Пракке). В зимний и весенний семестры таких обязательных курсов было два. Первый курс Пракке посвятил своей теории, второй — истории публицистики. Относительно самого термина «публицистика» не следует заблуж-

даться. Он употребляется в ином смысле, чем это принято, скажем, в советской журналистике, где публицистика — один из профессиональных жанров.

В институтском варианте публицистика не что иное, как попытка совместить, выяснить общие закономерности всех средств массовых коммуникаций: печати, радио, телевидения. И хотя всячески подчеркивается, что «газеты и журналы стояли в центре научной работы лишь в тридцатые годы», на самом деле они остаются и сегодня основой новой науки. С полным правом можно утверждать, что история публицистики в подавляющем своем объеме есть история журналистики. В свое время мне пришлось прослушать такой курс в МГУ, тем больший интерес вызвал он в Мюнстере.

...Новая аудитория отведена специально под чтение главных курсов. Великолепная акустика, удобные скамьи — все с учетом требований современности. Начало лекции в 10 часов, но никто не спешит на место. Это пресловутые немецкие «кум темпора» — пятнадцать минут, которые даются на сборы то ли лектору, то ли студентам. С таким опозданием (по нашим понятиям) начинается лекция профессора Пракке из цикла «История публицистики». Она посвящена раннему периоду этой истории. Студенты старательно записывают то, что, не отрываясь от текста, достаточно выразительно читает профессор. Римская философия и история вдруг обретают неожиданные черты. Оказывается, Геродот, Цезарь, Цицерон, Марциал и другие занимают почетное место в журналистике, ибо каждый из них является основоположником нового жанра. Лектор дает каждому характеристику, обосновывая их принадлежность к публицистике. Геродот — автор путевых дневников, Цезарь — записок и мемуаров, Марциал — эпиграмм и так далее. Список дополняют Плутарх, Сенека. Все это иллюстрируется смесью истории с публицистическими рассуждениями.

Я привожу одну из лекций в качестве примера методологии обращения с материалом. Если идти по этому пути, то, отдав все места в Пантеоне «газетной» науки древним, ничего не остается на долю современных профессиональных журналистов. Правильно ли это? Можно ли утверждать, что профессиональная публицистика возникла в столь древние времена, а главное закономерно ли это

с точки зрения науки?.. Думаю, что, с позиции профессора Пракке, это вполне закономерно. Такая расплывчатая история соответствует общей тенденции смазывания действительности, превращения конкретной журналистики в некую абстрактную науку. Можно смело утверждать, что именно такая аморфная история более согласуется с теорией, разрабатываемой в институте, и уж никак не вяжется с книгами В. Хагеманна.

Удивленный столь широкой трактовкой истории публицистики, я решил, что более конкретные положения публицистики преподносятся студентам на других лекциях. Курс «Журналистика как профессия» показался мне интересным, тем более что в МГУ такого курса нет. О его авторе, докторе Г. Штоле, уже приходилось слышать. Выпускник института, он редактировал издающуюся в Вестфалии католическую газету и олицетворял собой преуспевающего молодого журналиста. Курс не являлся обязательным, но младшие студенты предпочитали его другим.

Внешность доктора Штоля контрастирует с манерой говорить: за кафедрой стоит энергичный молодой английский клерк и вещает тихим вкрадчивым тоном пастора. Тема лекции захватывающе интересна: проблема журналистики и ее место в обществе. На этот счет у лектора есть своя теория, которую он предлагает студентам. Суть ее сводится к следующему. Журналист-медиум является своеобразным посредником, проводником идей. Лектор цитирует литературные произведения, в которых действуют журналисты и описывается работа газет. По характеру своей деятельности журналисты делятся на ряд категорий, систематику которых и предлагает доктор Штоль. Политический журналист — человек, относящийся критически к политике. Ярчайший его представитель — лауреат Нобелевской премии Карл фон Осецкий.

Моральный журналист — борец за общественную мораль. К ним прежде всего автор относит Марка Твена. Далее следует меркантильный журналист... Нравственный...

Схема на первый взгляд достаточно проста и убедительна. Действительно, фон Осецкий — национальный герой Германии, страстно боровшийся против фашизма, Твена читает весь мир. Двойное дно вскрылось на следующей лекции, когда каждая кате-

гория была поделена лектором на жанры: репортер, фельетонист и пр. В подобной схеме наряду с журналистами типа Херста нашлось место и для издателей «Новой Рейнской газеты». Карл Маркс (охарактеризованный буквально двумя словами) был отнесен к разделу «сознательных» журналистов. За окном бьют колокола, и трудно понять, в каком веке живешь. Словно и не было французской революции, Великого Октября, будто и не открыт классовый анализ общества.

И все же хочется еще раз подчеркнуть, что Институт публицистики в Мюнстере в своем роде самый серьезный и авторитетный в ФРГ. К сожалению, план моей поездки не предусматривал посещения других подобных центров. (Всего их насчитывается 23. Это ассоциативные учреждения, занятые изучением всех средств массовых коммуникаций.) Дело тут не только в тех прекрасных материальных условиях, в которых находится институт (например, аналогичный институт западноберлинского университета, насчитывающий 500 студентов, до недавнего времени имел всего одну аудиторию на 24 места), сколько в превосходной библиотеке, собранной многолетними трудами. Здесь необходимо воздать должное профессору Пракке, который не так давно ушел в отставку. Если как ученый он сознательно сторонился современности, то талант администратора позволил ему превратить институт в научный центр, где созданы все условия для плодотворной работы.

В первый же день я пришел в институтскую библиотеку. Ни с чем не сравнимое чувство охватывает тебя, когда ты видишь столько книг, нужных книг. Думается, что здесь собрано наиболее полно все, что написано о немецкой прессе, радио и телевидении на всех языках мира. 10 тысяч единиц, систематизированных, подобранных по разделам, хранятся в образцовом порядке. В подвале на 650 метров тянутся стеллажи, на которых лежат еще 8000 комплектов газет и журналов 750 названий. Ранние из этих изданий относятся к XVI веку.

Полгода, проведенные в ФРГ, я рылся в книгах и читал все, что мог достать в университетской и институтской библиотеках. Все студенты института по-своему старались помочь мне. Прежде всего хочу назвать Зигфрида Кессемейера — архивариуса и его

жену Карин, супругов Ингрид и Альфонса Длугош. Они помогли мне не только заниматься любимым делом, но и увидеть Западную Германию. Зачастую наши оценки существующего расходились, но коллеги по институту много сделали для того, чтобы помочь мне понять, чем дышит и живет западногерманский бюргер.

А разобраться в этом несведущему человеку, особенно иностранцу, было нелегко. В общественном мнении страны происходит размежевание: все больше трезвых политиков начинают понимать что давно пора признать сложившееся послевоенное статус-кво в Европе. Растет число людей, требующих отмены запрета Коммунистической партии Германии.

...20 миллионов ежедневно... Полторы тысячи названий. Таков газетный рынок ФРГ. Я читал и читал эти газеты. Читал книги об этих газетах и их владельцах. О них рассказывает моя диссертация — «Современная пресса ФРГ». Здесь же я пишу лишь о том, что сам узнал, сам почувствовал за эти полгода. Личные впечатления советского человека об этой стране, относящиеся к началу 70-х годов. С тех пор в политической жизни ФРГ произошли определенные изменения. Трезвая политика и здравый смысл одержали верх в ряде важных проблем и прежде всего в вопросах внешней политики. Об этом я скажу ниже.

ТРИ ЦВЕТА НА ПРЯЖКЕ

Фрейлен Эдит Бергмейер (дипломированный библиотекарь) внимательна до предела. Я могу читать, брать домой и получать из университетской библиотеки на адрес института любые книги. Необходимо только заполнять огромные формуляры, по размерам напоминающие наши аккредитивы. Кроме того, фрейлен снабдила меня адресами всех мюнстерских книжных магазинов.

Я же чем могу стараюсь помочь институтской библиотеке. Русского языка здесь не знают, книг русских не имеют. Наша пресса представлена всего двумя журналами — «Советская печать» и «Журналист». На первых порах мне приходится иметь больше всего дела с фрейлен Эдит (она называет меня Лёва, с немецким о-умлаут).

Обстановка в институте самая непринужденная. Кроме преподавателей, есть еще добрый десяток научных сотрудников — самих студентов. Они дежурят в читальне, подбирают материалы для занятий, ведут картотеки и подшивки, работают в архиве. Они же и цементируют студенческий коллектив. (Наши понятия в данном случае трудноприменимы, так как студенческая среда здесь достаточно разнородна, и прежде всего по своему социальному составу. Необязательное посещение семинаров и некоторых лекций, право свободно переходить из одного университета в другой, растянутый срок учебы — едва ли все это способствует сплочению.) Регулярно по праздникам — общественным и религиозным — в библиотеке собираются за чашкой чая (и не только за ней) студенты. Фрейлен Эдит в таких случаях держится особняком, принимая минимальное участие в разговоре. Все ее радушие как рукой снимает. Высказываемые суждения категоричны и ортодоксальны. Она говорит так, словно ей известно нечто, скрытое от других, некая вещь в себе. Позиция странная. Как правило, прямота и терпимость в разговоре характерны для студентов. В том относительно узком молодежном кругу, с которым приходится иметь дело (а фрейлен Эдит, бесспорно, принадлежит к нему), она, видимо, олицетворяет какую-то пока мне не известную определенную группу. Какую?

Однажды в библиотеке навстречу мне поднимается вежливый, донельзя корректный молодой человек. Фрейлен Эдит знакомит нас:

— Мой друг Ганс-Иохим.

Лицо Ганса дышит радушием, и весь он, вручая визитную карточку, исполнен внимания. Он стоит рядом с фрейлен. Оба они похожи, как две фарфоровые статуэтки: чистенькие, облитые лаком. Молодые люди, приятные во всех отношениях, говорят о приятных вещах. Ганс-Иохим — кандидат философии, студент уни-

верситета, хотел бы встретиться с русским, показать ему Мюнстер. Разговаривая, он округло помогает себе руками, полы пиджака распахиваются и в глаза бросается изящная корпорантская пряжка, пристегнутая к поясу.

«Бурш!» — восклицаю я мысленно.

Человеку, знакомому со страной по книгам да газетам, пребывание в самой Западной Германии представляется цепью открытий. Но вот наступает момент, когда контуры терра инкогнита совпадают с границами известного, и все оказывается именно таким, как представлялось раньше. Ну конечно же, корпоранты, неременная часть немецкого студенческого цветника, иронически воспетые Гейне, монументально изображенные Фединым, процветают и сегодня. До сих пор с ними не приходилось встречаться. Но дома, в Коллегиум марианум, у меня хранится рекламное письмо одной из корпораций. Такие письма рассылаются обычно первокурсникам, поэтому они достаточно дипломатичны и осторожны.

«Ведущий принцип нашего союза,— предупреждают бурши (так называют себя члены корпорации),— тесные дружеские отношения между членами, которых мы называем братьями по союзу». Цель этих отношений излагается завуалированно, но однозначно: «в тесном дружеском общении» будущим буршам предлагается «направить свои взгляды на разделенную Германию». Пока только взгляды, а там будет видно. Важно найти единомышленников. «Со студенческим союзом, таким, как наш, можно познакомиться только лично. Мы приглашаем вас. Посетите нас в нашем Доме, и вы получите информацию...»

К письму прилагалась обычно карточка с уже готовым текстом. Надо было только поставить крестик против одного из двух предложений: «я хотел бы поговорить с представителем корпорации» или «я хочу получить программу союза». Ни то, ни другое в свое время сделано не было.

Ганс-Иохим был первым буршем, с которым мне пришлось познакомиться. Встречи с ним (он часто заходил в институт) объяснили мне многое и в поведении фрейлен Эдит: оба они принадлежали к определенному клану и, видимо, там, среди «своих»,

чувствовали и держали себя нормально. Разговор наш несколько раз откладывался, но вот однажды Ганс необычно торжественно спросил меня, не хочу ли я посетить праздник его корпорации. Уже по тону было ясно, какое значение придается мероприятию, и это только раззадоривало любопытство.

На следующий день я получил по почте официальное приглашение. Само оно заслуживало внимания. На его лицевой стороне был нарисован герб корпорации цоллеров: щит с изображением льва, лошади и орла, увенчанный панцирем, короной и орлиными крыльями, обвивали мифические листья традиционных цветов цоллеров: красного — фиолетового — белого. Кроме того, несколько маленьких щитов с поперечной черно-красной полосой были разбросаны по гербу. Сложное сооружение как бы подчеркивало древность и респектабельность союза, основанного еще в прошлом столетии, его приверженность императорской династии Гогенцоллернов. К приглашению прилагалась программа, подписанная сеньором. Любопытно, что деловая часть праздника проводилась без дам.

...Главный зал танцевальной школы Гребе (где учится танцевать весь студенческий Мюнстер) рассечен столами. Кое-где цветы, никакого иного убранства. В дверях приглашенных встречает сам сеньор. На нем корпорантская шапочка, белый мундир с такой же, как шапка, лентой и золотыми бранденбурами, сапоги со шпорами. Сбоку шпага с цветами союза. У Ганса-Иохима и его друзей те же отличия: шапка, через плечо под пиджаком узкая ленточка. Всюду, где только можно, красно-фиолетово-белые цветы. Мне торжественно вручается красная гвоздика. Все рассаживаются за столами.

Как всякая церемония подобного рода, происходившее рассчитано на то, чтобы прежде всего поразить непосвященных. Я думаю, это вполне удалось. Ритуал разработан до тонкостей и повторяется ежегодно, шлифуясь и совершенствуясь. Помпезное появление сеньора с ассистентами, в сопровождении эскорта, приветственные делегации от других союзов (те же мундир, сапоги, шпага, но иные цвета), вынос знамени, приветственные речи... Наконец, само размещение буршей: стол президиума — поперек

лежат шпаги, мундиры, свечи; сбоку еще стол — для делегаций от других союзов, снова блеск шитья и мерцание шпаг; в торце к ним — места для остальных членов.

Добавьте к этому стихи Шиллера — о дружбе, верности, товариществе, которые в перерывах между речами акапелльно поют бурши, — и исторический фон праздника будет безошибочен. Конечно же, к нему присоединяется и национальный колорит. Пиво, которым обносят официанты, сигарный дым, заполнивший все к концу вечера, двусмысленные шуточки, когда молодые бурши то и дело просят у хозяев разрешения (таков ритуал) отлучиться.

Но кроме двух цветов — национального и исторического, на празднике, как на корпорантской ленте, был еще и третий, современный. В зале сидели молодые люди, одетые по последней моде, собранные, энергичные (если бы не шапочки и шпаги, вечер вполне бы мог сойти за собрание акционеров преуспевающего общества). Они делали все, что полагается согласно традициям, но ни на миг не забывали о своих делах и сегодняшнем дне. Старые корпоранты, уже преуспевшие в жизни (один из них оберштудиентрат — высшее звание для школьного учителя — подписал мне приглашение), с такими же лентами на манишке, наблюдали за юнцами.

В одну из пауз, после пения стихов Шиллера, на трибуну, вполне современную, хотя и украшенную корпорантским флагом, поднялся человек и начал читать доклад. Это было необычно — в сигарном дыму, под стук пивных кружек, но кругом приутихли, и я понял, что бурши умеют слушать. Герихтсреферендер Й. Нешен говорил о современном положении высшей школы в Западной Германии. Проблема эта давно вышла за рамки студенческой и стала общенациональной. Тем интереснее было слушать, что же думают о ней корпоранты. Достаточно энергично и выразительно обрисовав положение, докладчик признал, что причины нынешних «беспорядков» в отсутствии демократизации высшей школы. «Разумеется, это беспокоит всех», но, как выяснилось дальше, по разным причинам. Также энергично и аргументированно докладчик обрушился на правительство, на правящие партии, на ректоров за то, что они не в состоянии понять происходящее.

Можно только удивляться чутью референта, суммировавшего свое мнение так: «Отношения привели к тому, что растущие беспорядки через высшую школу прокладывают свой путь к мятежу».

Эти беспорядки и волнения, организованные левонастроенными студентами, вызвали особенные нападки, ибо они направлены «против существующего строя». Поэтому предлагалось немедленно устранить причины недовольства, «демократизировать» высшую школу и тем самым лишить «левых» решающих аргументов. В этом он видит «зеленый свет для быстрейшего движения вперед всего общества». Словом, следовало ценой малых реформ избежать больших изменений.

По сей день в корпорации сохраняются средневековые обычаи. Выборные лица носят пышные титулы сеньора (председатель союза), фуксмайора (руководитель младших), консеньора (заместитель председателя), кассирера (кассир), шриффтюрера (руководитель отдела прессы). Избираются и различные референты, как, например, герихтсреферендер (судебный советник). Насколько безошибочно действует эта система и сколь сплочены и единодушны бурши, показал доклад. Он вызвал полное и явное одобрение, сеньор стучал по столу шпагой, гости и ассистенты тоже, им подстукивали в зале. (Стук согнутым пальцем по столу — высший знак одобрения у немецких студентов.) Доклад как бы покончил с традиционными формальностями и позволил перейти к текущим делам. Фуксмайор представил собранию несколько новичков, рассказал, кто за них поручился. Их торжественно приняли в члены союза, нацепив ленты через плечо. Старые корпоранты поздравили новых. От выпитого пива поток разговора разбился и потек по ручейкам.

Ганс-Иохим и его друзья — гостеприимные и вежливые хозяева. Думаю, что русский для них (я говорю о русском человеке вообще, гражданине моей великой Родины) — в определенной степени дань моде, как и русские песни, книги, пластинки в сегодняшней ФРГ. Поэтому мы поначалу говорили только об общеизвестных фактах: СССР и Америка, соревнование двух стран, Америка и Европа. Высказывались общие оценки, из которых можно понять, что корпоранты разделяют точку зрения, не раз слышанную мною.

Советскому Союзу и США необходимо, по их мнению, как двум великим сверхдержavam, поделить между собой весь остальной мир, оставив Европу европейцам. Они, дескать, здесь сами разберутся.

Надо отметить две особенности рассуждений корпорантов. Они мало знают о Советском Союзе (еще меньше о нашей экономической системе), но прекрасно ориентируются в американском образе жизни: многие бывали в Штатах и восторгаются ими. Преклонение перед Америкой придает эмоциональность их рассуждениям, которые хотя и выглядят внешне безобидно, но далеко не так наивны, как кажется на первый взгляд. Европа для европейцев — эту же формулу отстаивает и Штраус. Расшифровывая ее в своей книге «Проект для Европы», он поясняет, что Европа для европейцев означает прежде всего Европу под эгидой ФРГ. Бурши — дети зажиточных классов. И их позиция в этом вопросе отражает мнение западногерманской буржуазии: опередив других в экономике, она требует для себя того же места и в политике. Словом, прежняя песня «Германия превыше всего» положена на новые ноты.

Чтобы покончить с официальной частью (а в тот вечер была еще и неофициальная), надо добавить, что корпоранты обсуждают откровенно политические проблемы лишь в своем тесном кругу, среди братьев по классу и сторонятся других студентов. Обычно они организуют закрытые серьезные дискуссии в своих Домах. Куда активнее (и это показал сегодняшний доклад) участвуют они в жизни высшей школы, в выборах в студенческие парламенты. Здесь их позиции консервативны и ограничены традиционными рамками «возможностей».

Казалось, что торжества закончились, однако компания и не думала расходиться. Во главе с сеньором все отправились в Дом цоллеров. (Я видел потом такие Дома корпорации во многих городах. При всем внешнем разнообразии они очень похожи: буфет, кегельбан, зал танцев, комната, нечто вроде читальни, обязательно номера, где приезжие бурши могут провести день-два). Мюнстерский Дом, старинный, витиеватый, набит цоллерскими реликвиями, безделушками, деревянными изделиями. Он немного

тесноват и оккупирован по преимуществу старыми буршами. Здесь все чувствовали себя как дома. Исчезла церемонная дипломатическая вежливость, пропали нейтральные темы, и я уже стал не гостем, не «модным» русским, а русским среди западных немцев.

...Мы сидим втроем за столиком: фрейлен Эдит, Ганс-Иохим и я. Четвертое место было вакантным, и его по очереди занимали люди, желавшие поговорить «с этим русским». Не помню их имен (не записал в свое время), да, думаю, что это и не суть важно. Все они типичнейшие бурши и, судя по числу пряжек на поясе (обычай таков, что бурши обмениваются с товарищем в знак дружбы пряжкой с инициалами), уважаемые в своем кругу люди. Разговор шел о демократии, о послевоенной Европе и, естественно, о «судьбах Германии». Надо отдать должное, многие мои собеседники соглашались с тем, что запрет КПП — нарушение демократии и партию следует восстановить в правах. (Другое дело, может ли официально корпорация подтвердить этот тезис в своих документах, выступить за разрешение КПП.) Но теми же аргументами — нормами демократии западного общества — оправдывали они и существование неофашистской партии.

...Он пришел со своей кружкой пива и сел напротив меня. Молодой, но уже лысеющий человек, с цветной розеткой в петлице, с глазами, полными младенческой пустоты. Он заговорил о Германской Демократической Республике, выражаясь его языком, «зоне». (Мы так и толковали об одном и том же, но в разных выражениях.)

— Так дальше быть не может, — говорил он. — Германия должна быть объединена. Мое отечество разорвано. Представьте себе, если б Гитлер занял Россию до Урала, разорвав ее пополам...

Он громогласно обрушился на русских, обвинив их во всех бедах мифического «Германского государства». Разумеется, в границах 1937 года. Иначе он и не мыслит себе Германию. Мне вспомнилось наше хорошее народное выражение «залить зенки». Его «зенки» постепенно заливала ненависть, из них уходила младенческая пустота. Его взгляд был красноречивее всяких слов: как хотел бы он свести счеты с русскими. Стоило больших трудов сдер-

живаться и внешне спокойно объяснять ему, кто привел Германию к катастрофе. Аргументы действовали на него как мулета на быка. Розовое лицо с лишаями красноты надвинулось на меня, заслонив все вокруг. Это было слишком явно для окружающих. Его кто-то одернул, бросив что-то скороговоркой. Он залпом допил свою кружку и ушел, вызываяще усмехнувшись напоследок.

Говорить с другими после этой встречи было трудно. Поняли это и сами хозяева. Смешавшись, все поднялись из-за стола. Но у гардеробной нас перехватил старый цоллер, по его словам, только что вернувшийся из Москвы. Он был радостен, шумен и хвалил русских. Он жал мне руку, источал радушие и громогласно требовал пива. На его жилете в такт восклицаниям позвякивали пряжки тех же цветов, что у моего недавнего собеседника. Да, все цоллеры носят эти цвета...

Много раз потом мне приходилось встречаться с корпорантами в разных университетах и из разных буршеншафтов. (В ФРГ насчитывается более 150 корпораций.) Они не уклоняются от любых проблем, вежливо и непринужденно готовы «фехтовать» с вами, всегда держатся в определенных рамках. И каждый раз я невольно вспоминаю нашу первую откровенную встречу: сколь велика дистанция между тем, что вежливо говорят и что порой думают на самом деле эти люди.

ЗАТЯНУВШАЯСЯ БОЛЕЗНЬ

Провинциальный Мюнстер ложится спать рано. После десяти редко кого встретишь на улицах, а в одиннадцать вообще выключается свет, и город погружается во тьму. Лишь перезвон церковей (колокола бьют каждый час) оживляет мертвые кварталы. По нашим московским понятиям, наступает самое лучшее

время для прогулок. Мой путь повторяется изо дня в день: от Коллегиум марианум через весь город до железнодорожного вокзала и обратно. Чтобы не заблудиться, я придерживаюсь постоянного маршрута. На этот раз неизменную тишину вдруг нарушает... мелодия «Интернационала». Ошибиться невозможно, еще и еще раз повторяется мотив. Его профессионально насвистывает высоченный парень, что идет впереди.

— Интернационал?— удивляюсь я вслух.

— Он самый,— оборачивается парень.— Пусть они слушают не только колокола.— Он царственно поводит вокруг рукой.

Интернационал звучит в моем сознании. После стольких месяцев чужой жизни, чужой речи, чужих людей я словно слышу перезвон Кремлевских курантов. Трепетное чувство гордости застилает глаза, у меня непроизвольно вырывается:

— Я русский!

Парень в рукопожатии поднимает руки над головой. Он говорит быстро-быстро, акцент усиливается, можно только разобрать: «Москва... Кремль... Метро!» Он буквально хватает меня и, несмотря на возражения (скоро двенадцать), тянет с собой. Он волнуется, говорит все быстрее, и от этого речь становится непонятнее. Наконец, я улавливаю, что мы идем в кафе, где собираются студенты — члены социалистического союза (ССНС).

Добропорядочный немец произносит это слово шепотом. Правая пресса сумела внушить ему, что союз — некая секта, выступающая против основных принципов морали: миролюбия, любви к ближнему, уважения порядка... Следуя традициям геббельсовской пропаганды, газетный король ФРГ Шпрингер в своей прессе вырабатывает устойчивый стереотип студента: грязный, нечесаный молодой человек, пренебрегающий не только личной, но и общественной гигиеной. Его обвиняют во всех смертных грехах и прежде всего в «беспорядках ради беспорядка».

В Мюнстерском университете, как и всяком другом, есть своя ячейка — коллектив союза. Красные с черным объявления социалистического союза висят повсюду, а сами студенты будоражат университет своими проектами и идеями.

Кафе оказывается недалеко от Коллегиум марианум. Оно со-

стоит из нескольких залов, где за обширными столами каждый занимается, чем он хочет: читает, играет в карты, дискусирует, пьет. Одновременно это и клуб, и закусовая, и пивная. За столом, у окна, мюнстерские активисты союза. Кое-кого я видел на дискуссиях и докладах: Клозе, Стояновича, Франке. Их манера вести себя, открыто выступать против существующих порядков вызывает симпатию. Нынче вечером (точнее говоря, уже ночью) настроение мирное. Многие слышали, что в Мюнстере есть русский, и теперь рады встрече. Несколько студентов, в том числе и встреченный мною, только что вернулись из туристического путешествия в СССР. Это модно и недорого. Туристические агентства организуют специальные двухнедельные студенческие туры. Как противоречат их впечатления тому, что пишет ежедневно шпрингеровская пресса об СССР. Соревноваться с ней левой и либеральной печати невозможно: тиражи не те.

Потому мне так понятны их удивления и восторги, их радость по поводу того, что на самом деле все оказалось иначе, чем они предполагали. Конечно, они смогли увидеть немного за две недели. Их впечатления строятся на чисто внешнем восприятии нашей страны. Как бы изменилась их позиция, имей они возможность поглубже узнать нашу жизнь. Но и виденное потрясает. На бумажных салфетках появляется план Москвы, наносятся Красная площадь, музеи, линии метро. Сидя в мюнстерской пивной, мы говорим о Москве, о ее людях, улицах, домах, и я чувствую, какое уважение питают студенты к моей Родине. В какой-то степени это сказывается и на их отношении к русскому: меня называют словом «товарищ». Обращение это принято среди членов союза.

Кафе закрывается, Бернард Франке приглашает к себе в гости. Так я впервые увидел, как живут немецкие студенты — не те, что ходят к утренней мессе в юбервассеркирхе, и не те, что приглашали нас, иностранцев, на рождество. А те, кому не хватает мест в общежитии, семейные молодые пары.

Дом стоит на окраине города. Наружная лестница ведет на третий этаж. Его трудно назвать этажом, по нашим понятиям, это чердак или мезонин. Скошенные потолки и стены, так как снаружи они же — крыша. Окон в прямом смысле слова нет: в потолке

вделаны стеклянные форточки. Все мизерных размеров. Стационарное отопление отсутствует, но есть газовый камин со счетчиком. Стоит такая, с позволения сказать, однокомнатная квартира (их делают в чердаках специально в расчете на студентов) почти месячную стипендию. Чуть ли не половину суммы составляет плата за газ, отопление, свет. Сделано это достаточно «демократично»: нет денег — сиди без света и в холоде.

Простуженная, больная жена Бернарда лежит под грудой одеял. В честь прихода гостей включается камин. Стало тепло и оживленно. Сверху, со скоса стены-потолка, на нас смотрят чуть прищурившись Ленин, насмешливо Че Гевара, внимательно Ульбрихт. С другой стороны висит набор советских открыток: семейство Ульяновых. Галерея, необычная для Западной Германии и нигде больше мною не виденная. (Правда, бывшие лидеры ССНС, братья Вольф, обычно фотографировались на фоне портрета Мао Цзэ-дуна.) Бернард посматривает, какое впечатление произвели портреты на меня. Дома он другой, чем в кафе: ершистый, быстрый. Таким увидел я его первый раз, когда он спорил после лекции с тогдашним федеральным министром по делам семьи и молодежи Е. Хеком. Меня усаживают в центр к столу, и Франке бросается в бой.

У моих собеседников эмоциональное явно преобладало над рациональным. К сожалению, студенты, даже левонастроенные, считающие себя социалистами, плохо знают марксистскую литературу. Сплошь и рядом, как в данном случае, они бьются над проблемами, давно решенными и открытыми. Надо только знать, где прочесть, откуда взять. Это не вина их, а беда. Она — одно из последствий антикоммунизма, усиленно насаждаемого в стране определенными кругами.

Так рассуждают активисты, которые участвуют в дискуссиях и выступают теоретиками движения в университетском масштабе. Кто и каким методом в состоянии свергнуть капиталистическую систему — на этот счет в головах членов союза царит туман. Игнорируя опыт классовой борьбы, они объявляют «оппозиционную интеллигенцию незаменимым фактором каждого революционного движения». Всячески подчеркивается роль студентов в истории.

XXII очередная конференция ССНС сочла необходимым даже уточнить в своей резолюции о высшей школе, что определенные проблемы студенты излагают «раньше и острее, чем другие социальные группы». Иначе говоря, в полном соответствии с теориями американского философа Маркузе, только студенчество объявляется выразителем революционности, главной силой оппозиции.

На опыте Франции студенчество вскоре убедилось, что идеи престарелого американца имеют мало общего с действительностью. Но в то время, после его доклада «Пересмотр концепций революции» на симпозиуме ЮНЕСКО, посвященном 150-летию со дня рождения К. Маркса, леваки из союза буквально упивались Маркузе. Под влиянием его идей и троцкистских концепций они рассматривали рабочий класс не как субъект классовой борьбы, а в лучшем случае как объект «революционного воспитания со стороны студенчества», хотя история давно доказала, что рабочий класс — главная революционная движущая сила общественных преобразований. Но, как уже говорилось, это скорее не вина, а беда студенческого движения, испытывающего на себе все изощренные формы буржуазного влияния.

Приход к власти правительства Брандта — Шееля, ратификация восточных договоров, приведшая к расширению контактов с социалистическими странами, в корне изменили политическую атмосферу в студенческом движении. В университетах произошла идеологическая поляризация. Максималистски настроенный ССНС, изолированный от рабочего класса, утратил свою авангардную роль и вместе с ней и позиции в среде университетской молодежи. Однако еще некоторое время ему удавалось сохранять влияние в федеральном руководстве Объединенных немецких студенческих организаций (ОНСО). Здесь эсдезовцы пытались проводить свою прежнюю линию. Под лозунгом «Долой буржуазные аппараты!» они хотели ликвидировать заодно и другие студенческие организации. Против подобной политики решительно и принципиально выступили студенты-марксисты, создавшие в 1969 году союз «Спартак», а также организации прогрессивных студентов социал-демократов.

Это был поворотный пункт в развитии студенческого движения Западной Германии. Весной 1970 года социалистический союз

немецких студентов объявил о своем самороспуске и, лишившись своих идеологов, ультралевое движение резко пошло на спад. Правда, прежние идеи союза еще бытуют кое-где. Время от времени они дают о себе знать всплесками экстремизма и провокационных демонстраций вроде той, что прошла летом 1970 года в Гейдельберге. Демонстрация была организована против власти и вселилия монополий, а закончилась спровоцированным экстремистами трехчасовым столкновением с полицией. Многие демонстранты были ранены.

История доказала, что избранный активистами ССНС путь объективно неверен. Подавляющее большинство студентов осуждают методы и средства, к которым он прибегал.

ПОД ЗВУК ОЛИМПИЙСКИХ ФАНФАР

Фон Таддена я не слышал, хотя он и приезжал в Мюнстер. Афиши с извещением о митинге не успели просохнуть, как были сорваны ребятами из социалистического союза студентов. Они же устроили демонстрацию и настояли на своем: ректор отказался предоставить обещанный было университетский зал. Тряхнув мощной, местные неонацисты срочно сняли помещение в одном из отелей. Деньги пропали зря. Те же парни, предварительно не пустив в зал никого посторонних, деловито и вполне профессионально устроили такой концерт, что фон Тадден не смог и рта открыть. Стоя напротив, я видел, как он, перейдя тротуар, с ожесточением хлопнул дверцей машины и отвалился на заднее сидение.

«НДП в Мюнстере не пройдет!» — ликовали студенты. Но через несколько месяцев все убедились в обратном.

...Откуда он взялся?

Похоже, что не только я задаю себе этот вопрос. Л. Шретер, президент студенческого самоуправления, разглядывает нового депутата с недоумением. Впрочем, в зале так шумно, накурено и, мягко говоря, непринужденно, что не сразу понимаешь, о чем идет речь. Левые шумно празднуют свою внушительную победу. На выборах в 11-й студенческий парламент университета «демократические левые» (блок прогрессивных студенческих организаций) вместе с «левыми независимыми» получили 18 мест из 27. Парламент — АСТА — сегодня принадлежит левым, которые и будут заниматься студенческими делами целый год.

Прежде это были лишь хозяйственные проблемы: каникулярные путешествия, заботы о студенческих детях, жизнь в общежитиях, спорт. Но сегодня АСТА впервые в послевоенной истории немецких университетов вмешивается в политическую жизнь страны.

АСТА не скрывает своих симпатий. «Мы не будем нейтральными, ибо представляем левых», — заявил Шретер. Уже принята резолюция в поддержку Вьетнама. Собраны деньги для родственников убитого в Мюнхене студента. Проведен «тич-ин» и митинг, от которых мюнстерские обыватели долго не могли прийти в себя. Об этом доложил сегодня Шретер. По давней традиции заседание АСТА является открытым, и на нем могут присутствовать все желающие. Сегодня в зале набралось человек двести. В центре стол, за ним члены парламента. Рядом стол поменьше, с референтами. Их только что представил присутствующим председатель. И вдруг неожиданно страдальческий крик:

— Я не могу сидеть за одним столом с НДП!

Тишина... Принадлежность к неофашистской партии для большинства студентов — тяжкое обвинение. Однако человек, к которому оно относится, спокоен. Он медленно поднимается из-за стола, надменно, из-под очков посматривает на зал. Я узнаю его: Е. Эссенс, член национально-демократического союза студентов высшей школы (НДСС). Предвыборная платформа — отказ от политической активности парламента, устройство яслей для детей студентов. Лозунги никого не обманывают. Всем известно, что национальный союз связан с НДП. Спокойно, чуть насмешливо Эссенс

поясняет: да, он член парламента, ибо другой депутат отдал ему свои голоса (возможно и такое!). Зал взрывается. Эссенс возвращается на место, и теперь видно, что он не один, за его стулом таким журавлиным клином сидят люди. Впереди здоровенный парень, похожий на вышибалу в здешнем студенческом шинке (я сразу же окрестил его «боссом»), дальше человек 10—12 в одинаковых куртках.

Шретер похож сейчас на дирижера: он машет руками, пытаюсь сдерживать зал, унять крики: «Позор!», «Вон фашистов!». Особенно неистовствуют студенты из социалистического союза. Их понять можно: этакая ложка дегтя, да еще какого, в левой АСТА. Постепенно устанавливается порядок, однако стоит Эссенсу подняться или взять слово, снова вспыхивает недовольство.

Что предпримут правые в этой явно неблагоприятной атмосфере? Теперь я наблюдаю только за ними. АСТА отчитывается в своей деятельности за минувший месяц. И по каждому вопросу кто-то от имени национального союза выступает. Со стороны это похоже на кукольный театр, где каждая кукла надета на руку «босса». Он что-то шепчет, рассылает записки, удаляется в коридор покурить, совещается там с другими. Нет, они еще ничего не могут противопоставить АСТА, однако их тактика ясна: мешать, срывать, отвлекать. Бесконечные вопросы, дискуссии, запросы. Наконец, независимый, вежливый Шретер срывается: «Вы должны знать, что у нас новая АСТА, которая имеет политическую позицию. Были выборы, и мы получили большинство. Дискуссировать нечего».

Время близится к полуночи. Последний вопрос — выборы председателя в университетский сенат. Студенческие организации называют своих кандидатов. Правые замешкались. Эссенса нет в зале. «Босс» нервничает, одна куртка, другая куда-то исчезают. Пропадает «босс». Через минуту несколько человек буквально волокут Эссенса к столу — потный, взмокший, он предлагает своего кандидата.

На следующий день — заседание шло до поздней ночи — я узнаю: голосовали трижды. Однако все попытки Эссенса сорвать выборы провалились. Так громко и — не побоюсь этого слова —

нагло заявил о своем рождении национал-демократический союз студентов в университете.

«Им не стыдно», «они уже не боятся» — так объясняют в АСТА поведение неонацистских молодчиков. Смысл происходящего я начинаю лучше понимать через несколько дней.

У западногерманского студента большой выбор. Его агитируют, зазывают, ангажируют добрый десяток буржуазных политических группировок. Все мыслимые и немыслимые средства пропаганды уже использованы. Кажется, уже невозможно найти в этой цепи не только свободное, но хотя бы просто слабое звено. А вот неонацисты нашли — они сделали ставку на спорт.

Во всех программных документах, принятых или одобренных партийными съездами — «Политика в наше время», «Программа НДП», «Манифест», — вновь и вновь подчеркивалось значение спорта. «Поддержка спортивного движения в целях оздоровления нации», «усиление преподавания спорта во всех школах», «всесторонняя поддержка спортивных союзов и спортивных занятий» — эти тезисы кочевали по всем документам. Другое дело, что они так и оставались на бумаге и служили демагогическим целям избирательной кампании. Но спорт популярен, и он привлекает студентов. Он служит общению, знакомству... и политике неонацистов.

...В студенческой столовой огромная реклама: «Фильм века», «Призы всех континентов», «Наша гордость». Национально-демократический союз студентов приглашает на фильм Л. Рифеншталь «Олимпия». Студенты с любопытством оглядываются. Фильм, сделанный в 1936 году, не известен нынешнему поколению. Правда, останавливает афишка на столе кассира: «Выручка идет в фонд союза». Но любопытство одерживает верх. Когда вечером я подхожу к аудитории, где обещан фильм, в фойе уже много народа.

Вместе с билетом (пришлось и мне заплатить полторы марки в фонд союза) вручают бесплатную студенческую газету «Мюнстер-ришер штудентенанцайгер». Под заголовком чуть ниже — «Независимый форум немецкой высшей школы». Характерно, что ни один студенческий союз ФРГ не имеет своих регулярных изданий — не по студенческому карману. А вот НДСС издает свою газету и вдобавок «бесплатно для всех студентов Мюнстера».

Любопытное дополнение к избирательной платформе нового депутата студенческого парламента. Здесь и не пахнет ни яслями для студенческих детей, ни самим парламентом. Вообще о делах высшей школы «независимая» студенческая газета не пишет. На четырех полосах преобладают политика и спорт. Политическое кредо газеты достаточно определено. Позже в одном журнале мне попался обзор этой газеты под выразительным названием «Мечтания у нацистских каминов». В нем язык и стиль издания характеризовались как праворадикалистские, заимствованные из времен третьего рейха.

Спорт в «Мюнстеришер штудентенанцайгер» был представлен рецензией на сегодняшний фильм. Конечно, в ней не было ни слова о том, что Рифеншталь — любимая кинорежиссер Гитлера, что фильм собрал все известные награды третьего рейха, что он пользовался особым вниманием и покровительством фюрера, так как до последнего кадра соответствовал духу и букве фашизма. Не упоминалось и то, что он был подвергнут одно время запрету, а разрешен к показу лишь с большими купюрами. Все это осталось за кадром. Рецензент писал об «истинно германском духе», который не в силах сломить никакие поражения, о здоровье нации, которое следует возродить, избавившись от «лишнего людского балласта», о завоеванных «позициях спорта», которые не сдают противнику, как не сдают врагу укрепленные окопы. Все это излагалось бодрим языком военных сводок и сопровождалось злыми карикатурами.

Неофашисты знали, что делали, раздавая газету бесплатно: зрители разнесли ее по студенческим общежитиям.

Так, постепенно наш вечер превратился если не в вечер мечты, то уж во всяком случае в вечер воспоминаний у «нацистских каминов». В свободной обстановке светского приема молодые люди с девушками (что редко на подобных вечерах), почтавав с вниманием полученную газету, потолковав о своих делах, не спеша прошли в зал. Уже известный мне «босс», успевший сменить традиционную студенческую куртку на элегантный костюм, обратился к присутствующим с приветствием. Вместе с одеждой изменились и его манеры. Доверительно обращаясь к залу, он от имени НДСС

задушевно напомнил «о той Германии, которой мы все гордимся». Особенно приятно было ему видеть, что именно этот фильм собрал столько зрителей и что, очевидно, они разделяют симпатии его товарищей из национального союза. Разумеется, никакие происки врагов «новой Германии» не в состоянии затемнить ее великое прошлое. Зал непринужденно заплодировал. Для студенческих собраний вообще характерна пестрота мнений, однако здесь собрались в основном единомышленники (и несогласных не было).

Известно, что фашисты сумели превратить спортивные состязания в политические демонстрации. Но в годы Берлинской олимпиады они были вынуждены заигрывать с мировым общественным мнением и не действовать напролом, в открытую. Если даже не знать обстановки тех лет (а все сегодняшние зрители родились уже после войны), все равно параллели напрашиваются сами собой. Вот они идеалы арийской расы, живая иллюстрация программы НДП: белокурые «сверхчеловеки», олицетворяющие «здоровье нации», несут факел по улицам Берлина. Ревущая, воющая, стонущая от восторга толпа, та самая, которую мне не раз пришлось видеть в различных пивных. Та же толпа, ненавидяще смотрящая, когда на гаревую дорожку выходит негр Оуэнс. И звенящий доселе голос диктора, вдруг падающий до хриплого шепота. И снова рев толпы, подбадривающей новых чемпионов.

Они, сидящие в зале, на глазах упивались этими победами и смаковали прошлое. Сейчас им было все равно, как были выиграны эти метры, секунды, удары. Торжествовал «немецкий характер», торжествовал «сверхчеловек», а ведь именно это и обещала в своей программе НДП. Она звала к прошлому, а здесь, на экране, это прошлое выглядело заманчиво. Спорт становился аргументом, фашизм казался не таким уж «плохим».

Молодые парни, куда моложе меня, не отрывают глаз от экрана. Понимают ли они, что примитивно-первобытное толкование человеческой мощи и красоты продиктовало и все художественные средства фильма? Картина подчинена одному: раздавить, подавить, заставить умолкнуть всех — спортивных соперников, зрителей, инакомыслящих. И хотя все кадры с Гитлером аккуратно вырезаны, кажется, как маленький паук в центре гигантской паути-

ны, он, теперь уже невидимый зрителю, дергал клейкие нити, заставляя людей бегать, прыгать, драться.

...Просмотр прошел с явным успехом. В конце «босс», притихший и торжественный, поблагодарил всех за внимание. Гости и приглашенные долго и выразительно стучали согнутыми пальцами по пюпитру, а это, как известно, означает высший знак одобрения.

Так я присутствовал при рождении новой ячейки национал-демократического союза. Они существуют в добром десятке западногерманских высших учебных заведений. Создана даже федеральная организация союза. Официальный орган НДП так охарактеризовал их цели: «Служить формированию политического сознания среди студентов в духе объявленных целей национал-демократии». Яснее, как говорится, не скажешь.

ЧЕГО ХОТЯТ СТУДЕНТЫ!

А олгое время Западная Германия не сталкивалась с проблемами молодежи. Казалось, молодые немцы были чрезвычайно благоразумны. Они быстро приспособлялись к законам общества и стремились делать карьеру. Тем разительнее контраст затишья первых послевоенных лет с масштабами и резонансом студенческих волнений, достигших в конце 60-х годов своего апогея. Сегодня студенческое движение отражает обостряющиеся противоречия и усиливающуюся поляризацию общественных сил, а также объективно меняющееся положение значительных групп интеллигенции. С исключительным положением студенчества покончено. Хотя высшее образование по-прежнему недоступно для трудящихся (лишь 5% детей рабочих обучается в университетах), интеллигенция все больше теряет свою кажущуюся «независи-

мость» и вынуждена работать по найму. Условия ее труда и жизни все больше приближаются к тем, в которых живут и работают подавляющие массы трудящихся.

Крупнейшие университеты ФРГ гордятся своей историей (старейший из них, Гейдельбергский, основан в 1385 году) и средневековой независимостью. Однако ректоры предпочитают не афишировать, что со времен ординарного профессора Гегеля не менялась и вся система научной работы, которая в XX веке выглядит анахронизмом. Ее трудно даже сравнить с тем, как она поставлена в других странах. Поэтому она нуждается в самостоятельном комментарии. Написав докторскую работу и закончив университет, что соответствует нашему диплому, молодой ученый должен выбрать себе патрона — профессора, которого ему и надлежит в дальнейшем обслуживать. Долгие годы предстоит ему ходить в ассистентах (должность практически без гарантий на будущее), пока шеф не даст (именно даст или назначит) ему темы для хабиляционной работы.

Первый настоящий шаг в науке дается нелегко. Молодой ученый безмерно счастлив: он получает возможность одновременно вести свою собственную научную работу и преподавать. Срок для завершения работы не установлен. Как правило, на это уходит до пяти лет. Представив наконец научный труд, хабилянт читает пробную лекцию и только тогда получает желанный документ, сохранившийся со времен средневековья, дарующий разрешение «читать лекции». Отныне он приват-доцент, потом неординарный профессор.

Но блаженствовать еще рано. Дело в том, что неординарного профессора могут пригласить, а могут и не пригласить в университет, и место его в науке также непостоянно, как у любого ассистента. Начинаются поиски места — кафедры. Переписка с факультетами, жестокая конкуренция завершаются после долгих мытарств приглашением, подлежащим непременно утверждению соответствующего министерства. Нужно ли говорить, что, пробравшись к концу своей жизни сквозь тернии к звездам, стал ординарным профессором (средний возраст ординариусов 53,6 года), некогда юный ассистент зорко посматривает с высоты кафедры на

коллег, видя в них нежелательных конкурентов. Что же касается студентов, то их попросту профессор не хочет и знать.

Вместе с научным авторитетом автоматически приходят и административные почести. На всех ступенях высшей школы (а иерархия эта выглядит примерно так: факультет, институт, университет, комиссия сената, сенат, ректор) всюду первенствуют ординариусы. Они выбирают ежегодно ректора, составляют большинство в сенате — органе самоуправления, куда входят выборные представители факультетов и студентов, председательствуют в комиссиях — финансовой, библиотечной и пр. Во главе институтов и их факультетов тоже стоят ординарные профессора, вознесенные даже над деканами. Словом, ординариусы административно, а главное экономически распоряжаются делами бесчисленных ассистентов, доцентов, оберассистентов, научных сотрудников, внештатных профессоров, научных и академических советников и так далее и тому подобное. Сладок урожай на ниве знаний для тех, кому удастся его собрать.

Поистине гигантским ожерельем, одновременно и украшающим и не дающим свободно вздохнуть, висят 5000 профессоров на шее западногерманской науки. Кроме того, в высшей школе насчитывается еще 3000 приват-доцентов без кафедр, 2000 ученых, находящихся в отставке, но продолжающих читать лекции, 1500 так называемых гонорарных профессоров, вроде Людвига Эрхарда. В платежных ведомостях государства эта группа занимает одно из первых мест, опережая епископов, министров, генералов. Их ежегодный доход колеблется от 70 тысяч марок (рядовой ординариус) до миллиона (дюсельдорфский хирург, профессор Дерра).

Эти люди, по существу, и решают, что изучать и исследовать, как учить и экзаменовать, кто может учиться в университетах. Как в свое время признался профессор Гефельс из Франкфуртского университета, «структура немецкой высшей школы — великолепный образец авторитарной общественной формы».

Думается, что само понятие «статус» весьма условно, ибо у западногерманского студента гораздо больше обязанностей, нежели прав. Студент, поступив в университет, вручает свою судьбу в руки всесильного профессора. Он может принять или не принять у

студента экзамен, перевести или не перевести в другой семинар, открывающий путь к докторской теме, дать или не дать хабилитацию — тему. Известны случаи, когда профессора заставляли ждать экзаменовавшихся по шесть-семь часов или попросту не являлись на экзамен.

Студенты, если хотят получить образование, должны терпеть все безропотно. Отметка за экзамен — разрешение продолжать учебу. Как известно, существующая в Западной Германии система социальных государственных стипендий, так называемая хоннеф-система¹, охватывает лишь незначительную часть студентоз. (В Мюнстерском университете государство субсидирует всего 14% учащихся.) Но решение о присуждении стипендии не является окончательным. Необходимо в процессе учебы показать «прилежание» и ежегодно подтверждать право на стипендию, сдавая хоннеф-экзамен все тем же профессорам.

Учение в университете связано и с большими материальными затратами. Общежитие, книги, учебники, библиотека стоят немалых денег. Кроме того, существует социальный налог, уплачиваемый раз в семестр. Вносится плата и за право посещения лекционных курсов (студент обязан записаться в течение семестра на три таких курса). Каждому студенту выдается на руки «Книжка налогов», в которой скрупулезно отмечается, когда, за что и сколько должен он платить. Все это оплетено такой паутиной бесконечных справок, документов, анкет всех цветов, что просто диву даешься.

У меня сохранились документы, которые приходится заполнять слушателю университета каждый семестр. Основная анкета — лимонного цвета, с 25 вопросами и 48 подвопросами (от места жительства до вида транспорта, которым вы пользуетесь). Белая анкета — студенческой больничной кассы, такой же листок религиозных общин, голубые — жилищная анкета и справочная карточка. К ним приложены: карта университета, где вы указываете, как ходите или ездите на учебу, и рекламный листок больничной кас-

¹ Названа по имени города Хоннефа, где было принято решение о ее присуждении.

сы. На все вопросы (например, пять раз — имя, фамилия, место жительства, временное, постоянное) предлагается «категорически ответить немедленно». Так как все анкеты надлежит сдавать в одну и ту же университетскую канцелярию, то их обилие и однообразие вызывают недоумение.

Таковы узаконенные (далеко не полные) обязанности студента. Конечно, они гарнированы словами о свободе, правах, эмансипации, украшены средневековыми традициями, вроде права свободно переходить из одного университета в другой или выбирать органы студенческого самоуправления. Теперь уже сами студенты поняли, что это не более чем декорация.

Студенческие парламенты, избираемые в каждом высшем учебном заведении и образующие АСТА (исполнительный орган на время действий парламента), по традиции, усиленно поддерживаемой правыми группировками, до недавнего времени совершенно не занимались политикой. Вся их деятельность ограничивалась хозяйственными заботами — спорт, путешествия, дела в общежитиях. Как говорят сами студенты, АСТА не имела политического мандата. В сенатах, определяющих научную и финансовую деятельность университетов, студенты почти не представлены. В Мюнстере всего 3 студента — члены сената. Давние традиции, усиленно насаждаемые профессурой, корпорациями (их объединяет в данном случае общая платформа), предписывают только учиться и не заниматься политикой как внутренней (высшая школа и прочее), так и внешней.

Цели и задачи, которые ставят перед собой западногерманские студенты, ясно и четко сформулировало Объединение немецких студенческих организаций (ОНСО) на заседании своего федерального совета в июле 1972 года. Эта сегодняшняя окончательная программа явилась последним звеном в цепи требований, условий, бесчисленных заявлений, с которыми выступали студенческие организации на протяжении минувшего десятилетия. Шесть пунктов этой программы, за которую ОНСО призывает бороться студентов в каждом университете, институте, семинаре, гласят:

Необходимо добиваться окончательной автономии высшей школы. «Студенты сами выбирают руководство учебного заведения и

формируют органы самоуправления. Подлинная автономия будет действенной лишь в том случае, если будут созданы предпосылки для собственного активного планирования всей деятельности высших учебных заведений. Свободу планирования учебного процесса и распоряжения собственным бюджетом».

Равноправное соучастие студентов, преподавателей и других сотрудников в обсуждении всех вопросов, связанных с учебным процессом. В связи с этим студенты отвергают принцип «конструктивного содействия», который выдвигается в некоторых проектах реформы высшего образования, представленных правительствами земель. Равноправное представительство во всех органах самоуправления не может быть заменено ничем другим. Только оно предусматривает действительно демократическое избирательное право.

Союз монополистического капитала и государственной власти делает необходимым, более чем когда-либо, создание студенческого объединения — ОНСО. Оно должно быть признано законным представителем всех студентов, отстаивающим их интересы перед университетской администрацией. За законное признание ОНСО с его независимыми органами, финансовой самостоятельностью и правом представлять и отстаивать политические интересы студентов.

Научная работа, проводимая в высшей школе, должна быть поставлена под общественный контроль. «Запрещение всех видов военных исследований, всех научных работ, связанных со средствами уничтожения, запрещение националистических, неокOLONIALИСТСКИХ, милитаристических программ». Научная деятельность высшей школы организуется и планируется с участием трудящихся и их организаций.

ОНСО выступает за последовательную интеграцию высшей школы. Она не может больше оставаться замкнутым учреждением, где получают образование лишь избранные. Университеты должны стать учебными центрами для взрослых, выпускников народных школ, словом, всех тех, кто желает учиться. Высшая школа — неотъемлемая составная часть общей системы образования. В этом смысле она должна быть интегрирована и вертикально (как надстройка над народной школой и гимназией) и горизонтально (право

поступления и выбор любой профессии). Все высшие учебные заведения бундесвера, так же как и все его семинары и школы, необходимо закрыть.

ОНСО отстаивает широкое современное научное образование, базирующееся на демократической основе. Покончить с политической селекцией при выборе профессии, с преследованиями прогрессивных преподавателей. Высшая школа нуждается в марксизме, как и в любой другой науке. «Предоставить равные права марксистской науке в исследованиях и в обучении, равные права и возможности марксистским ученым и преподавателям в высшей школе».

Если внимательно приглядеться к этой программе, то она выходит далеко за рамки профессиональных требований. Это политическая программа, содержащая в себе все те проблемы, которые волнуют сегодня ФРГ. Можно отметить даже больше. В ней нашла свое отражение позиция коммунистов, которую проводит и отстаивает студенческая организация ГКП в высшей школе — союз «Спартак».

Примечательно и другое. Два-три года назад такой единой программы вообще не могло существовать. Лишь основных студенческих группировок было пять. И хотя все они выступали за реформу образования, каждая вкладывала в эти слова собственный смысл. Не могли договориться между собой даже союзы, именующие себя социалистическими. Понадобился суровый путь совместной борьбы для того, чтобы прийти к общей единой политической платформе.

Без преувеличения можно сказать, что главный опыт политической борьбы передовое западногерманское студенчество приобрело в период кампаний за ратификацию восточных договоров. Новая восточная политика, улучшение отношений с СССР и странами социалистического лагеря явились той общей позицией, которая сплотила основные студенческие союзы. Эта кампания рождала новые формы борьбы, открыла перед студенчеством новых союзников. Сектанство и догматизм, почитавшиеся до этого за основные достоинства, были опрокинуты самой логикой борьбы. Огромное влияние оказали в эту пору наладившиеся контакты

с советской молодежью. Рост влияния Германской коммунистической партии завершил этот благотворный процесс. Эти важнейшие факторы помогают лучше уяснить смысл событий, происходящих сегодня в высшей школе. И если студенты говорят сегодня «капитализм должен уйти» — это значит, что речь идет уже о политических и классовых позициях. Требования реформы высшей школы теперь неотделимы от требований изменений характера всего общества — так понимают свою задачу левые студенческие группировки. Пришли они к этому не сразу, а на опыте пяти послевоенных студенческих поколений Западной Германии.

Первое поколение студентов, как и большинство профессоров, вернувшись из тюрем и с фронтов, требовало одного: покончить с господствовавшей при фашизме системой образования. Речь шла не о высших реформах, а о насущном хлебе. Первое и второе поколения получили «свободные университеты» (впоследствии оказавшиеся совсем иными, чем их представляли) и были благодарны за ту финансовую поддержку, которую общество им оказывало. Выше критики еды в столовой они не поднимались. Наступили годы «холодной войны». «Эра Аденауэра», окутанная «чудом» Эрхарда, опустилась на страну. В западногерманских университетах процветал антикоммунизм. Проблемы высшей школы не дискутировались, студенты принимали все, что внушало им общество. Третье поколение привлекло пристальное внимание разбогатевшего к тому времени государства. Студенты стали еще больше объектом определенной социальной политики. Была введена система хоннеф-стипендий, отстроен заново ряд институтов. Это диктовалось в первую очередь научно-технической революцией, местом и ролью, отводившимся в системе капиталистического рынка нарождающемуся поколению «белых воротничков». Перед лицом жесточайшей экономической конкуренции и возросшим авторитетом Германской Демократической Республики западногерманское капиталистическое государство хотело иметь опору в рядах интеллигенции, внушив ей принципы буржуазной демократии. В это время у студентов и обострился разлад с действительностью. Капитализм сам дает им наглядный урок, демонстрируя, сколь мало похоже то, что преподносится в университетах, на реальную жизнь.

Но только четвертое поколение сформулировало определенные требования, впервые придав им политический характер. Такие группировки, как социалистический союз немецких студентов, попытались дать им теоретическое обоснование, связав характер образования с капиталистической системой. Разумеется, буржуазное общество не приняло этих требований всерьез, способствуя тем самым росту студенческого самосознания. С тех пор, с начала 60-х годов, набирало силы студенческое движение. Молодежь пристально оглядывается вокруг. Для западногерманских студентов высшая школа и общество связаны тесно друг с другом. Поэтому, критикуя университетские порядки, они выступают прежде всего против современного капиталистического общества.

Студенчество (а именно оно является одной из ведущих сил в молодежном движении Западной Германии) прошло уже значительный путь, что позволяет сделать некоторые обобщения и сформулировать особенности его развития. Участвуя в различных прогрессивных политических акциях, молодежь хорошо зарекомендовала себя. И хотя основные силы антиимпериалистической борьбы характеризуются своей принадлежностью к различным классам, политическим течениям, социальным группам, а не возрастом, следует подчеркнуть, что среди политических партий и организаций Западной Германии молодежь особенно активна.

Молодые рабочие, студенты, ученики профессиональных училищ, школьники активно разоблачали политику Бонна во время американской агрессии во Вьетнаме, оказывали широкую поддержку борющимся народам Индокитая. Именно студенты стояли во главе кампании, направленной против концерна Шпрингера, требуя покончить с идеологическим террором и манипулированием общественным мнением. Особенно активную роль молодежь сыграла в борьбе против экспансионистской политики правительства ФРГ, против пресловутой «доктрины Хальштейна» — претензий на право исключительного представительства. Трудно переоценить ту поддержку, которую оказало студенчество демократической общественности в борьбе за признание ГДР.

Особое место в молодежном движении заняла кампания в поддержку восточных договоров. От имени 16 крупнейших моло-

дежных организаций представители объединения «Бундесюген-дринг», выражая волю подавляющего большинства своих членов, потребовали ратификации договоров. Именно молодые рабочие, студенты — активисты левых партий и прогрессивных организаций несли на себе тяжесть организационной работы, сбор подписей под обращением к депутатам бундестага, распространение листовок и документов, участие в бесчисленных митингах и демонстрациях, охрану собраний и отпор фашиствующим молодчикам, пытавшимся сорвать действия прогрессивных сил. Молодежь во главе с левыми без сомнения была той моторной силой, которая раскачивала маятник общественного мнения в поддержку ратификации восточных договоров.

В нарастающем с 1965 года молодежном движении протеста по основным политическим проблемам, волнующим страну, участвует главным образом «военное поколение», появившееся на свет в период между 1940 и 1950 годами. В 70-е годы в группу активной молодежи (в возрасте от 14 до 25 лет) входит примерно 9 с лишним миллионов человек. Из этой среды и выходят участники всевозможных акций протеста. Примечательно, что именно это поколение, впервые получившее право голоса, дало на последних выборах в бундестаг партиям малой коалиции, выступавшим за новую восточную политику, дополнительно примерно миллион голосов. По данным институтов общественного мнения и социологов, студенты составляли среди них одну треть.

Необычайная активность и прогрессирующая сознательность студенческой молодежи объясняется многими обстоятельствами, прямо связанными с особенностями развития современного капиталистического общества. Прежде всего, именно молодежь испытывает на себе духовную и материальную эксплуатацию монополистического капитала. Кризис буржуазного парламентаризма, рост государственного монополизма, сплочение правых сил развеяли у молодежи иллюзии насчет существующей системы и привели ее к противоборству с господствующим классом.

Юношеская непримиримость, нетерпимость к недостаткам, максимализм, свойственные этому возрасту, также способствуют усилению протеста молодежи. Огромное влияние на студентов,

имеющих в большей мере, чем любая другая социальная группа, доступ к средствам массовой информации, время для осмысления событий, оказывают современные политические и идеологические процессы. Развитие социалистического лагеря, проблемы международного рабочего движения, антиимпериалистическая борьба в Азии, Африке и Латинской Америке — вот те вопросы, которые входят составной частью в студенческие программы. Интернационализм становится характерной особенностью движения. Сегодня можно говорить о взаимном влиянии студенческих действий в разных странах.

Обострение борьбы между двумя мировыми системами, особенно в идеологической области, привело к тому, что проблемы классовых отношений оказались в центре внимания ищущей и пылливой молодежи. Сознательное привнесение научного социализма в студенческое движение в значительной степени соответствовало его подъему. Без западногерманских коммунистов, без марксистской организации «Спартак» студенческое движение протеста никогда не смогло бы занять тех серьезных политических позиций, добиться такого размаха, как сегодня. И в этом, пожалуй, самый главный политический итог пройденного пути.

Начав с буржуазных ограниченных требований экономического реформизма, оно является сегодня политическим интегрированным движением, в котором активно участвует вся учащаяся молодежь: студенты, школьники, профессиональные ученики. Им еще не хватает большой гибкости, дисциплины, сознательности и готовности к освоению политического опыта пролетариата. Однако у них есть главное — программа, цели, задачи, есть руководящая и направляющая сила в лице двух основных организаций — марксистского студенческого союза «Спартак» (МСС) и социал-демократического союза студентов высшей школы (СДСС).

Эти два союза, выступающие с общей платформой, представлены сегодня в АСТА 29 высших учебных заведений ФРГ из общего числа 35, проводивших выборы в зимний семестр 1972/73 учебного года. В ряде мест они располагают подавляющим большинством. Так, в Гамбургском университете они имеют 69 из 80, в Кельнском педагогическом институте — 22 места из 38, в Ольденбургском

педагогическом институте — 27 мест из 35 и т. д. Из общего числа 1157 мест в АСТА, СДСС и МСС вместе располагают 324. Это значительное представительство, особенно если учесть, каким атакам подвергается марксистское студенчество со стороны правых. Кроме того, ни одна из 6 других официальных студенческих группировок не располагает даже отдаленно подобным влиянием в органах самоуправления.

Студенты-марксисты добились таких успехов благодаря своей четкой бескомпромиссной программе. В этом их принципиальное отличие от бесчисленных левацких групп и сект, занятых лишь демагогическими рассуждениями, критикующими всех и вся. Так, впервые завоевав большинство в Бременском университете, спартаковцы провозгласили его «университетом реформ». В наступившем семестре началась борьба за требования, объявленные в программе: равноправное представительство студентов во всех университетских коллегиях, увеличение срока обучения, объединение ряда высших школ на общей базе.

В университете развернулась широкая кампания в защиту профессора Хольцера, которому земельное правительство из-за его левых взглядов запретило заниматься преподавательской деятельностью. Защита демократически настроенных преподавателей — членов ГКП, допуск их в университет является одним из основных требований студентов.

Для борьбы, которую ведет сегодня прогрессивное студенчество, характерна широкая связь со всеми прогрессивными силами страны. Много изменилось с той поры, когда западногерманский бюргер отворачивался от «возмутителей спокойствия». Вот уже несколько лет все профсоюзные и молодежные конгрессы заявляют о своей солидарности с борющимися студентами. Недавно объединение западногерманских профсоюзов опубликовало специальное заявление в поддержку борьбы против реакционного закона о высшей школе, принятого в Баварии. Нарастают обоюдный интерес и внимание между рабочей и учащейся молодежью.

В студенческих программах записан специальный пункт «профсоюзная ориентация». О том, как она осуществляется, рассказала

газета «Унзере цайт» на примере дружбы спартаковцев Мюнхенского университета с рабочими концерна «Сименс». «Чем ближе они знакомятся, тем больше понимают друг друга и тем эффективнее могут вместе действовать. Студенты постигают рабочую солидарность прямо на рабочем месте. При встречах с профсоюзными рабочими они воочию убеждаются, что в ГКП действительно не существует никакой проблемы поколений».

На рабочих концерна произвело сильное впечатление то, что нынешние студенты — не дикая толпа, а группа с сознательной дисциплиной. Они говорят: «То, что мы узнали, когда в студенческую группу «Спартак» принимали новых членов, не было чем-то формальным. Каждый называл причину, по которой он хочет быть членом группы, рассказывал всю биографию, пояснял, что он хотел бы изучать. О роли партии и об ответственности коммунистов говорилось так, что можно только пожелать, чтобы подобные собрания проводились и у нас, в профсоюзных группах».

Тезисы, которые для обеих групп до сих пор звучали абстрактно, обретают новую жизнь. Рабочие рассказывают о своих требованиях соучастия в управлении концерном, студенты — о представительстве в конвенте университета. Выясняется, что мнения относительно нового «закона о профессиональном образовании» совпадают, — так появляется первый пункт совместной программы. В демонстрации 1 Мая 1971 года представители рабочих и студентов участвовали вместе под общими лозунгами — за ратификацию и осуществление договоров с СССР и ПНР, за демократию и участие в управлении предприятиями и университетами, за науку и технику на службе мира и прогресса. «Союзу науки, пролетариата и техники еще никакая темная сила не могла противостоять», — заключает свой репортаж «Унзере цайт».

Без преувеличения можно сказать, что студенчество стало заметной силой на арене политической жизни страны. Примечательно, что от имени 50 тысяч участников митинга в Бонне, приветствовавших визит Л. И. Брежнева в ФРГ, телеграмму подписали вместе с ГКП и ведущие студенческие союзы («Спартак» и другие).

Два минувших года стали для «Спартака» и «Социалистического союза» годами заслуженного успеха, подготовленного всей или предыдущей работой. Им удалось осуществить свой курс и повести за собой Объединение немецких студенческих организаций (ОНСО). Это — официальная организация, объединяющая 87 различных союзов, представляющая 95 процентов всех студентов. Борьба была упорной и победа далась нелегко. Так, например, проходивший в марте 1972 года четырехдневный конгресс ОНСО окончился безрезультатно из-за острых разногласий по ряду принципиальных вопросов между делегатами — представителями различных организаций. Спартаковцы выступили тогда с заявлением, утверждая, что главная причина неудач конгресса — упорное нежелание некоторых делегатов считать Объединение политической организацией. Расшифровывая суть разногласий, студенческая листовка писала: «Альтернатива такова: Надежный союз или клуб фракционеров, представительный орган, состоящий из студенческих союзов, или корсет для слабых левых группировок с абстрактными притязаниями на власть, ударный инструмент борьбы или обычный почтовый ящик, профсоюзная ориентация или сосуществование вместе с «социалистической стратегией...»

Два месяца спустя, когда молодые социалисты вошли в студенческие комитеты высших школ Кельна и Саарбрюкена, левым удалось добиться перелома. Отныне политический курс ОНСО в значительной мере определяется коалицией социал-демократического союза и марксистского «Спартака». Благодаря их усилиям на чрезвычайной конференции принята и одобрена широкая программа действий.

Как единодушно отмечала печать, в этой программе заметны черты «социалистического образа мыслей». Она призывает студентов развернуть вместе с трудящимися борьбу «за изменение политического и экономического соотношения сил» в ФРГ. Резкой критике подвергаются выдвинутый правительством закон о высшей школе и единый план образования. Федеральные власти упрекаются в том, что «они в области просвещения создали большую коалицию с реакционным ХДС/ХСС». При обсуждении внутривнутриполитического положения в связи с предстоящими дебатами в бун-

дестаге студенты единодушно потребовали ратификации восточных договоров. В нескольких специальных резолюциях участники конференции высказались за улучшение положения студенчества.

Чрезвычайная конференция Объединения немецких студенческих организаций, приняв единую программу действий, безусловно явилась крупным успехом левых сил. Однако это только начало. Предстоит еще работа с теми, кто заблуждается, и борьба с врагами за претворение в жизнь этих справедливых и важных для всего молодежного движения требований.

ТЕЛЕГА ЗАСТРЯЛА НА ПОЛПУТИ...

Одним из первых шагов правительства Брандта была обещанная еще в программном заявлении канцлера от 28 октября 1969 года реформа образования. В докладе, представленном на рассмотрение бундестага, занимающем 200 страниц и состоящем из шести глав, федеральное правительство изложило в общих чертах свои идеи по поводу политики в области просвещения на следующие десять лет, объявив, что «реформа образования будет иметь в ближайшие годы приоритет».

Программа представляет определенный интерес с точки зрения того, как маневрирует буржуазия, вынуждаемая ходом исторического развития и прежде всего успехами, достигнутыми в области образования в Советском Союзе и в других социалистических странах, искать выхода из тупика.

В программе официально провозглашено, что главными целями реформы являются: «демократизация» системы образования, преодоление ее «существенного отставания» от современного уровня развития науки, обеспечение «равных шансов» для всех граждан в области просвещения. Всячески подчеркивается, что впервые в истории страны разработана общая концепция системы образования, начиная от дошкольного обучения и кончая

университетом. По рекомендации научного совета при правительстве ФРГ в ближайшее десятилетие будет открыто 30 новых высших школ, а число студентов увеличится с 446 тысяч до 1 миллиона с лишним. Согласно плану ассигнования на цели просвещения и образования возрастут за это же время в 3—4 раза. С 1975 года должно быть введено всеобщее десятилетнее образование, а с 1980 года будут посещать школу все дети пятилетнего возраста.

На первый взгляд реформа — прямой ответ на требования, которые выдвигает прогрессивная западногерманская общественность и студенчество. Но это только на первый взгляд. Уделяя главное внимание организационной и финансовой стороне проблемы (например, очень подробно оговариваются вопросы сотрудничества федерации и земель), правительственная программа намеренно умалчивает о существовании затронутых проблем. Три главных требования студенчества по сути остаются без ответа: изменение структуры высшей школы, реформа преподавания, право на образование для всех.

Вот почему Объединение немецких студенческих организаций по поводу правительственного доклада заявило, что выдвинутый план реорганизации высшей школы «не подкрепляется реформой таких анахронизмов, как научное и ненаучное образование». «Ограниченный прием в высшие учебные заведения не отменяется, а лишь усовершенствуется. Вопросы студенческого представительства в органах самоуправления по-прежнему ждут своего решения». Это позволило Объединению немецких студенческих организаций заявить, что «телега с реформой застряла на полпути».

Правы ли были студенты? Откровенно на этот вопрос ответил сам федеральный министр просвещения и научных исследований Клаус фон Донаньи в интервью еженедельнику «Форвертс»: «Мы многое начали, но мы понимаем, что население не может по-настоящему правильно оценить эти важные шаги, так как оно не чувствует прямых положительных результатов».

1971/72 учебный год снова возродил все конфликты в еще больших масштабах. Из 110 тысяч западногерманских абитуриентов 83 процентов заявили о своем желании учиться в университетах и получить преимущественно гуманитарные профессии.

Несмотря на то, что за последние годы учебные планы были пересмотрены и число студенческих мест увеличено, положение становится все более критическим. На 587 000 студентов в Федеративной Республике приходится 445 560 учебных мест. Помещения университетов и высших школ просто не в состоянии вместить всех обучающихся, что сказывается прежде всего на учебном процессе. Особенно это характерно для двух крупнейших в стране университетов — Гамбургского и Мюнхенского. Достаточно сказать, что в Гамбургском университете 25 800 студентов приходится на 16 000 мест.

Формально право на образование и выбора профессии статья 12 Основного закона ФРГ гарантирует каждому. А фактически? Недавно впервые в истории ФРГ власти крупнейшего Гамбургского университета применили принцип *Numerus clauses*¹ во всех профессиях. Суть принципа состоит в ограничении набора абитуриентов в университет, в регулировании числа студентов основных институтов. Это вызвало лавину студенческого негодования. Разразился скандал. Как всегда в подобных случаях, обратились в суд. Два земельных суда — в Гамбурге и Мюнхене — отказались одобрить ограничение студенческого набора, признав *Numerus clauses* противоречащим конституции. Дело дошло до федерального конституционного суда в Карлсруэ. Верховные судьи повели себя, как царь Соломон. С одной стороны, они признали, что *Numerus clauses* действительно противоречит Основному закону. С другой стороны, они «разъяснили», что конституционное право может регулироваться законом и на этом основании порекомендовали федеральному правительству «сделать все необходимое с помощью законодательных и административных мер...».

Приговор конституционного суда в Карлсруэ придал инициативе властей Гамбургского университета силу прецедента: их примеру последовали и другие университеты, перед которыми стояли те же проблемы.

Пока наверху, не торопясь, делают вид, что решают жизненно важные для высшей школы проблемы, студенты не хотят ни

¹ *Numerus clauses* (лат.) — закрытое число.

ждать, ни отступать. Крупнейшую из земель — Северный Рейн-Вестфалию — буквально потрясла стачка учащихся специальных высших учебных заведений, приковавшая внимание всей страны.

47 000 студентов специальных высших учебных заведений, представляющие все специальности, объявили забастовку. Ее кульминационным пунктом явилась массовая демонстрация, проведенная в Дюссельдорфе перед зданием министерства культов. Студенты требовали расширения институтов, новых ассигнований на учебные цели, увеличения числа стипендий. Особое место было уделено демократизации высшей школы: отмена хоннеф-экзаменов, студенческое представительство в органах самоуправления, ограничение власти профессуры. Символично, что министр по делам культов земли Северный Рейн-Вестфалия социал-демократ Рау отказался удовлетворить требования студентов.

Все эти волнения, протесты, стачки с требованием и в защиту подлинной реформы образования проходят на фоне все ухудшающегося материального положения западногерманского студенчества. В большинстве земель в минувшем году почти на одну треть повышена плата за место в общежитиях. Эти действия — произвол лантагов и правительств — серьезный удар по и без того тощому студенческому кошельку. Как показывают социологические опросы, большинство западногерманского студенчества живет ниже официального прожиточного минимума.

После провозглашения реформы образования прошло уже три с лишним года. Что же они дали помимо пышных фраз и рассуждений об обществе «равных возможностей»?

Финансовой основой реформы было решение о том, что федеральное правительство совместно с землями затратит 58 миллиардов марок до 1975 года на нужды образования. Эта сумма включает не только текущие расходы, но и деньги, необходимые для покрытия нужд первой необходимости, возникших за 20 лет правления блока реакционных партий. Недавно объявлено, что эта цифра сокращается на 5 миллиардов марок, и нет никакой гарантии в том, что это первое и последнее сокращение.

В 1970 году во время обсуждения реформы в бундестаге правительство заявило, что считает необходимым повысить к 1985 году

долю образования и исследований в валовом национальном продукте с 4,5 до 8 процентов. Однако уже в 1972 году финансовый плановый совет заявил, что повышение этой доли даже до 6 процентов является «нереальным».

В высшей школе все остается по-прежнему. Федеральное правительство фактически отдало университеты на откуп земельным властям. К чему это привело, известно: вместо проведения демократических реформ в ряде земель были приняты реакционные законопроекты, вызвавшие всеобщее возмущение. В Баден-Вюртемберге, в Баварии министры-обскурантисты Хан и Майер пытаются низвести высшую школу до уровня «служанки монополий». Выдвинутые ими законопроекты предусматривают безоговорочное подчинение университетов реакционным лантагам, аннулирование остатков демократических свобод.

Двусмысленность решения конституционного суда в Карлсруэ позволяет широко осуществлять в высшей школе принцип *Numerus clausus*. В зимнем семестре 1972/73 учебного года были отклонены заявления 30 тысяч абитуриентов.

Относительно реформы средней школы (входящей составной частью в разработанные правительством мероприятия) в недавно опубликованном докладе правительственно-земельной комиссии говорится, что в результате сокращения вложений в образование на 5 миллиардов марок «не наступит реального улучшения в отношениях ученика с учителем по сравнению с существующим статус-кво». Нынешнее положение таково: не хватает около 30 тысяч учителей. Ожидается, что к 1975 году эта цифра достигнет 60 тысяч.

Преследование инакомыслящих, запрет заниматься преподавательской деятельностью для членов коммунистической партии, по мнению западногерманской общественности,— не что иное, как отголоски «холодной войны», несозвучные современной эпохе. Вызывает сожаление, что в этой области политика социал-демократов смыкается с программой оппозиционных, реакционных партий.

Так выглядит на самом деле широко разрекламированная правительственная реформа образования. Ее цели, как и способы про-

ведения, лишний раз показывают, что буржуазное государство не в состоянии осуществить действительно подлинные преобразования в области просвещения в интересах широких масс трудящихся.

ОТРАВЛЕНО У ИСТОЧНИКА

В гостинной советского посольства в ФРГ в строгом обрамлении весенних цветов — поясной портрет Юрия Алексеевича Гагарина. Рядом с портретом — груды телеграмм, писем, соболезнований. Бесперывно звонит телефон: со всех концов страны граждане ФРГ выражают сочувствие советским людям в связи с трагической гибелью космонавта. Невозмутимый полицейский, прохаживающийся перед посольством, не скрывает удивления: идут и идут жители Западной Германии, чтобы проститься с человеком, проложившим путь в космос.

Удивление полицейского легко понять. Западногерманские газеты писали в то время, что полковник Гагарин открыл не только космос. Его подвиг заставил большинство западных немцев иначе взглянуть на Советский Союз. Вынужденное, далеко не полное признание прессы объясняет переворот, совершившийся в умах обывателей.

За двадцать с лишним лет существования ФРГ граждане, и особенно молодежь, получили соответствующее воспитание. Десятилетия власть находилась в руках реваншистских и милитаристских сил, откровенно опиравшихся на помощь и поддержку прежде всего американского империализма. В центр своей внешнеполитической программы они поставили пересмотр итогов второй мировой войны, перекройку сложившихся в Европе границ, поглощение ГДР. Вокруг этих установок, поднимавшихся в те годы на уровень государственной политики, была развернута политическая обработка населения в духе вражды к СССР, ГДР и другим социа-

листическим странам. Несостоятельность взглядов, отсутствие доказательств и фактов, неспособность верно истолковать основные проблемы развития общества антикоммунизм пытался компенсировать размахом своей деятельности.

Свыше ста пятидесяти институтов, учреждений, обществ и поныне занимаются «исследованиями Востока». При политических партиях, в профсоюзах, при католической и евангелической церквях созданы «восточные бюро». Показательно, что координирует всю эту деятельность созданный в 1962 году в Кельне Институт советологии, находящийся в ведении министерства внутренних дел и финансирующийся из государственного бюджета. В своих формах и методах в годы «холодной войны» боннская пропаганда, по сути дела, продолжала традиции геббельсовского министерства.

Космические полеты советских людей свалились на западных немцев буквально как снег на голову. Первые запуски спутников объяснялись пропагандой. Но дальнейшие успехи заставили бюргера, и в особенности молодое поколение, иначе взглянуть на социалистический мир. С этого и началась та переоценка ценностей, о которой писали газеты. Несмотря на все усилия инициаторов «холодной войны», Советский Союз занял в умах западных немцев место, подобающее великой державе. А его явные успехи вызвали необычайный интерес, который не объяснить просто любопытством. Сами немцы, с глубочайшим уважением относящиеся к технике, объясняют это прогрессом советской науки, необходимостью контактов с советскими учеными. Сегодня все, кто хочет идти в ногу с жизнью, обращаются к советскому, русскому.

Конечно, для многих — это всего лишь дань моде. В субботней телевизионной программе обязательно вставлен «Танец маленьких лебедей». На самом деле это типичное шоу, но в программе аршинными буквами набрано «русский балет». Эстрадная пара поет «Вдоль по улице...». И хотя слова произносятся по-русски, все поется на такой западный манер, что народную песню не узнать. А вслед ансамблю русских народных инструментов, совершившему блистательное турне по ФРГ, пристроились эмигранты. Обыватель шел послушать советский ансамбль и на концерте понимал,

что попал впросак. Тем не менее все эти «козакен хор» и другие неплохо подрабатывают на моде.

Однако немало среди западных немцев и таких, кто искренне хочет приобщиться к русской культуре. В последнее время эта тенденция столь сильна, что оказывает влияние на всю общественную жизнь страны. Государственное телевидение ФРГ передает специальный курс русского языка для телезрителей. Ряд издательств выпустил наборы пластинок, словари, разговорники. Сильна эта тенденция в западногерманской школе. В 417 гимназиях 8 тысяч учеников изучают русский язык. Могут возразить, что это не так уж и много. Но до недавнего времени их было куда меньше. Впервые курс русского языка введен в 171 народной школе. Здесь, как правило, учатся дети малообеспеченных родителей. Сами западногерманские учителя свидетельствуют: «Русский становится на место французского и латинского».

В высшей школе этот процесс выглядит еще заметнее. Число занимающихся русским языком и филологией за последние четыре года в университетах удвоилось. Экзамен по русскому языку является главным для всех изучающих славянские литературы. «Русский язык получает постоянных друзей среди молодежи Западной Германии», — констатирует осведомленная «Цайт».

Заметный прогресс в развитии и укреплении интереса к Советскому Союзу, в налаживании истинно добрососедских отношений между двумя народами был достигнут за минувшие три года. Крупной вехой в культурной жизни ФРГ стали Дни Советского Союза, проходившие в мае 1973 года в Дортмунде. Граждане Федеративной Республики получили возможность широко ознакомиться с достижениями Советского Союза в области науки и техники, литературы и искусства. В городе было открыто семнадцать выставок. Особенно большой популярностью пользовались экспозиции, посвященные советским исследованиям в космосе, развитию науки в Сибири. Посетители хотели узнать как можно больше о Советском Союзе. Можно с полным основанием отметить, что многие представления и стереотипы времен «холодной войны», укоренившиеся было в сознании людей, отступали под натиском неопровержимых фактов, в результате прикосновения к советской действительности. Да, народ хочет знать правду, и здесь буржуазная

пропаганда не в силах уже ничего поделать. Растущие тиражи марксистских изданий, создание Германской коммунистической партии, заметный на последних выборах сдвиг влево — явные признаки изменения политической атмосферы в ФРГ. С этим вынуждены считаться истинные хозяева страны, оппозиционные партии и их все еще многочисленные сторонники, хотя их взгляды и настроения меняются весьма медленно. Все труднее стало распространять небывлицы о социалистических странах, исказить либо замалчивать их успехи. Формула «держать и не пущать» развалилась, первая ее часть канула безвозвратно в прошлое, а со второй частью в последние годы случилась чудесная метаморфоза. Если раньше метод умолчания был основным оружием антикоммунистической пропаганды, то теперь о советском сплошь и рядом пишут и говорят открыто. Суть проблемы теперь в том, кто пишет и кто говорит.

Конечно, когда в народном музее Тельgte, состоящем из старинной церкви, капеллы и деревенской избы, между расписаниями служб и рекламой выставки Пьяты видишь объявление о лекции «Восточная Европа через пятьдесят лет после Октябрьской революции», особых иллюзий не строишь. Но что испытывает студент одного из современных западногерманских университетов, когда ему предлагают послушать цикл (!) лекций, посвященных пятидесятилетию Октября? При всем студенческом нигилизме жажда знаний одерживает верх, и... слушатель получает антисоветскую пилюлю, на сей раз в современной «научной» упаковке.

Рассчитано все точно. Когда я пришел на лекцию «Причины успеха большевиков в 1917 году», большой университетский зал был полон. Студентов, гимназистов, городскую молодежь, даже монахинь явно заинтересовала тема, сформулированная столь категорически. Благодарная аудитория беззвучно внимала откровениям доктора Е. Бетчера, совершившего за какие-нибудь 45 минут ряд поистине выдающихся «открытий».

Среди причин революции первое место было отведено поражению России в японской войне. Далее следовало нерешенное, перманентное состояние крестьянского вопроса. Наконец, в самом конце была упомяната большевистская партия. В симпатиях и

привязанностях лектора было легко разобраться. С грустью говорил об ошибках самодержавия в отношении крестьянства, в качестве образца для России он приводил Прибалтику. По Бетчеру выходило, что будь капитализм в деревне поопытнее и посильнее, не было бы ситуации, которой «воспользовались марксисты». Саму партию большевиков он называл «кучкой радикалов во главе с фанатиками-интеллектуалами», целью которых было «изменить все любой ценой».

К историческим фактам доктор подходил своеобразно: что было бы, если бы случилось не это, а то. Имя Ленина упоминалось дважды, и только в отрицательном смысле. Досталось и Марксу. Сама революция выглядела как «действия кучки радикалов, которые вышли на улицу и, воспользовавшись ситуацией, увлекли за собой народ». Была сплошная грусть по поводу того, что в «русской революции нет возврата в прошлomu».

Вопросов после лекции не задавали. Очевидно, все было ясно и так. Сообщение Бетчера укладывалось в рамки привычных представлений о русских, о событиях, ставших далекой историей. Лектор твердо придерживался общепринятой схемы: революция была возможна только в России. Для капиталистического, тем более современного «индустриального общества», революция как путь разрешения социального неравенства совершенно исключена.

По правде сказать, такие, как Бетчер, действуют по старинке, грубо. В целом же класс ученых ниспровергателей марксизма ныне достаточно высок, и в зависимости от обстоятельств выступают они по-разному.

Профессор Шульц, например, претенциозно назвал свою лекцию «Русское образование прокладывает путь революции». Надо отдать ему должное, что «образование» (в данном случае этот термин трактовался расширительно) профессор знал основательно. Слушатели получили блестящий фактический обзор русской литературы XIX — XX веков. Но едва Шульц перешел к выводам, всю профессорскую солидность как рукой сняло. Затруднительно назвать писателя, творчество которого не было бы вывернуто наизнанку. Особый упор был сделан на религиозность русской интеллигенции. Гоголевское «Письмо к русскому народу», Лесков, наконец,

сам Толстой понадобились профессору, чтобы доказать главенствующее влияние церкви на русскую литературу.

Церковь, по мнению Шульца, и есть общий знаменатель творчества. И поскольку в предреволюционной литературе отсутствует какое-либо положительное начало, идеалы русской интеллигенции следует искать именно в этом патриархально-церковном русле. «Судите сами,— закончил свою лекцию профессор,— оправдала революция надежды интеллигенции или нет?»

Из всей лекции напрашивается один вывод: интеллигенция подготовила революцию, но плоды ее пожали большевики.

Известно ленинское замечание, что добросовестному при сборе фактов буржуазному ученому нельзя доверять ни на йоту, как только он переходит к выводам. Лекция профессора Шульца — яркий тому пример. Базируясь на том же фактическом материале, что и советская наука, профессор приходит прямо к противоположному итогу. Тоньше и академичнее, нежели Бетчер (чего стоит одна риторическая концовка лекции), Шульц по-своему проповедует антикоммунизм.

Невозможно, да и не нужно перечислять все методы, к которым прибегают сегодня, дабы фальсифицировать марксизм, теорию и практику социалистического строительства.

Бросается в глаза, что люди, так или иначе занимающиеся этим, в большинстве эмигранты, прошлые или послевоенные. Все свои знания и опыт они отдают антисоветчине или, как теперь она называется по-ученому, «советологии».

«Советология» — одна из самых молодых «наук». В арсенале антикоммунизма она появилась совсем недавно. Однако за короткое время сумела выдвинуться на передовую линию буржуазной идеологии и активно пытается вести бой с марксизмом.

Славяноведение, пресловутый остфоршунг — предтечи «советологии». Известно, что именно Германия была колыбелью изучения славянских стран. Накануне первой мировой войны в стране насчитывалось около ста научных кафедр с 25 тысячами исследователей, занятых проблемой России.

Поражение германского империализма в двух войнах показало слабость и несостоятельность «исследований Востока». Все теории,

разрабатывавшиеся десятилетиями в различных вариантах тезис о предстоящем крахе Советского Союза оказались ошибочными. Однако остфоршунг не погиб вместе с нацизмом. Он пригодился новым хозяевам Германии. «Исследования Востока» были поставлены на службу «холодной войне», потом привлечены к сколачиванию антикоммунистического фронта. Новые проблемы нельзя было решать старыми методами, силами ученых только одной страны. Появление «советологии» на международной арене в конце 50-х годов явилось качественно новым скачком в «восточных исследованиях».

Что же представляет собой новая «наука»? За последнее десятилетие она оперилась, стала на ноги, а главное — получила в западногерманском ученом мире все права гражданства. Ей посвящен ряд исследований. Западногерманский историк Г. Кох первым определил «советологию» как «универсальную науку» в формальном и материальном аспекте. В формальном — поскольку она не является первичной наукой, а объединяет несколько дисциплин: историю, философию, идеологию СССР. И. Бохенский, профессор Фрейбургского университета, утверждает, что «советологию можно определить прежде всего как науку, которая занимается коммунизмом как таковым». В свою очередь, она распадается на ряд промежуточных «научных дисциплин», которые Бохенский называет «важными, вспомогательными» для «советологии» в целом.

В свое время английский журнал «Сервей» провел редакционную дискуссию на тему «Советология и ее современное состояние». Провел, видимо, не от хорошей жизни, потому что опубликованный отчет полон жалоб на недостаточную эффективность работы. Из дискуссии явствует, что никакого различия между советологами-антикоммунистами и всеми другими специалистами, работающими по России, не существует. Иначе говоря, все «исследования Востока» поставлены под ружье антикоммунизма.

Столь длинное отступление просто необходимо, чтобы правильно понять процессы, о которых широкой западногерманской общественности почти ничего неизвестно. Люди, на откуп которым отдано «изучение» Востока, действуют коллективно, согласно, в одном направлении. Я сознательно не анализирую средства мас-

совой информации ФРГ. По-прежнему некоторые печатные органы, особенно пресса Шпрингера, стоят на позициях слепого, ярого антикоммунизма, потеряв всякий здравый смысл и чувство реальности.

...В справочнике Мюнстерского университета значится «славяно-балтийский семинар». (Уже в самом названии отражена традиционная точка зрения остфоршунга: отделение Балтики немецкой от славян.) На самом деле это институт, готовящий специалистов по славянской филологии. Руководит им профессор... Шульц. Да, да, тот самый Шульц, просвещавший общественность относительно русской культуры.

Профессор великолепно говорит по-русски. Мать, русская женщина, научила его языку. Родители жили в России, но он считает своей родиной Германию. Здесь он вырос, учился, здесь стал профессором и получил кафедру в университете. Теперь он хочет открыть студентам «таинство и богатство русской литературы». Но как он понимает это «богатство»? Едва мы касаемся современности, Шульц пожимает плечами. Айтматов, Межелайтис, Нагибин, Казаков — эти, как и многие другие имена, ставшие интернациональными, ему «неизвестны». В таком случае — Шолохов, Симонов? Профессор отмахивается: «Это политика». Оказывается, для Шульца русская литература ограничивается 1917 годом, а советская... попросту не существует. «Мой курс лекций,— сообщает он,— заканчивается Маяковским». Конечно, Маяковским предреволюционным.

Но на самом деле курс литературы заканчивается отнюдь не 1917 годом. Отрицая творчество советских писателей, законных наследников классических традиций прошлого, профессор признает лишь антисоветскую ветвь послереволюционной литературы. Достаточно войти в институтскую библиотеку, чтобы понять, кого и как изучают студенты. Скрупулезно подобранные произведения эмигрантских авторов всех лет, начиная с первых выпусков «книгоиздательства писателей в Берлине» и кончая продукцией недавно прикрытого нью-йоркского издательства имени Чехова. Всевозможные альманахи, сборники воспоминаний, книги эмигрантов в соседстве со свежими отпечатками антисоветских журналов «Феникс», «Смог», произведения Синявского и прочая литература того же

сорта. Все это (по своему количеству и объему) не идет ни в какое сравнение ни с классикой, ни с некоторой советской периодикой, стоящей тут же. Еще тенденциознее подобран библиографический отдел. Советское литературоведение отсутствует совершенно. Лишенные возможности познакомиться с текстами, студенты должны довольствоваться антисоветскими комментариями «специалистов».

О каком же «таинстве и богатстве» может идти речь, если советская литература объявлена несуществующей, а русская искажена до неузнаваемости? Бедные классики, чего только я не наслушался про них на лекциях. Оказывается, Пушкина как самостоятельного поэта и не существовало. На протяжении всего своего творчества он только и успевал переживать влияние то одного, то другого западного поэта. Шиллер, Гёте, Парни, Шелли сделали куда больше для российской литературы, чем сами русские писатели. Западные классики без устали «воспитывали», «вливали», «прокладывали путь» и т. д. Так было и в XIX и в XX веках. Бедняга Брюсов рабски подражал Верхарну. Горький так и остался в мастеровых. Чехов превратился в «русского Мопассана». Все эти «истины» сдабриваются изрядной порцией мистики и антисоветчины.

Нетрудно представить, каких «специалистов» фабрикует семинар.

Профессор Шульц, как и тысячи других ученых, специалистов по остфоршунгу, никогда не признает себя антикоммунистом. Он придерживается «левых» взглядов, в открытую симпатизирует студентам и выступает за «объективность» науки. Он не читает «Бильдцайтунг». Думаю, что, обратиться к нему Шпрингер с просьбой написать что-либо для его изданий, профессор бы возмутился. И тем не менее объективно Шульц и тысячи других специалистов выполняют социальный заказ хозяев западногерманского общества. Они «научно» разрабатывают и обосновывают антисоветские аргументы, которые потом широко распространяются некоторыми средствами массовой информации.

Второй месяц я жду ответа министра. По этому поводу знакомые студенты понимающе улыбаются: о школах «нас говорить не любят». Действительно, университетские волнения оттеснили все другие проблемы образования на второй план. О школах и учениках вспоминают редко.

Если высшее образование покоится на традициях средневековья, то школьная система еще с начала века перекроена по потребностям германского империализма. Сословно-классовый характер государства, пожалуй, ни в чем не проявляется столь откровенно, как в системе народного просвещения. С детьми церемонятся меньше, чем со взрослыми. Только первые четыре года вgrundшколе все сидят за одной партой независимо от кармана родителей. Но уже в 10 лет сам ребенок должен «выбрать» дальнейший путь: будет ли он посещать народную школу или гимназию. Судьбу ученика решает экзамен, который, как неоднократно жаловались родители, «проводится неправильно или устаревшими методами». Суть его состоит в том, чтобы отделить «чистых» от «нечистых». Отсортированные по такой системе «менее способные» (преимущественно дети рабочих и крестьян) попадают в народные школы, откуда прямой путь в профессиональные училища. С общим образованием для них покончено. Получив специальность, они идут работать. Вся процедура обучения и воспитания занимает восемь лет.

Тот, кто поступил в гимназию, сдает экзамен на абитур (нечто вроде нашего аттестата зрелости) и получает право на высшее образование. Только для них, абитуриентов, открыты двери университетов (но к какой мере — я об этом говорил выше) и уготовлены заветные докторские степени. Разумеется, лишь состоятельным родителям по карману этот полный курс обучения: девять лет в гимназии да по меньшей мере пять в университете. Как срабатывает механизм классового отбора, видно из того, что из ста учеников лишь семеро добираются до абитура.

Но и это еще не все. В Западной Германии наряду с государственными и городскими учебными заведениями есть еще церковные и частные. Как правило, это школы типа гимназии. И в этом случае действует та же четко отлаженная система: частные и церковные гимназии — для избранных, городские и государственные учебные заведения — для всех прочих.

Мое знакомство с западногерманским просвещением началось с посещения мюнстерской гимназии, в которой обучают русскому языку. Гимназия на окраине города. Двухэтажное просторное здание, внешне ничуть не похожее на наши типовые школы: оно выросло не вверх, а прикикло к земле. Просторные окна, широкие галереи и переходы, большой внутренний двор — распахнуты навстречу солнцу и воздуху. Все сделано так, чтобы ребенок не чувствовал себя в замкнутом пространстве помещений. Лингофонный кабинет находится в подвале. Ворс ковра приглушает шаги. Стеклопанель отделяет ученика от соседа. Магнитофонный пульт, наушники, спокойное кресло и тишина — идеальные условия для работы над языком. Пятьдесят пультов соединены с кафедрой учителя. Оборудование поставлено фирмой «Телефункен» и стоит, очевидно, немалых денег. «За все платит родительский совет», — говорит учитель. Потом я часто слышу это объяснение. Родительский совет платит и за пленку, и за учебники, и за ознакомительные экскурсии в другие города. Именно родительский совет решил ввести (факультативно) курс русского языка в начальных классах. И вот уже целую неделю я с особым удовольствием читаю в этом чужом зале слова, пахнущие далеким детством: «Я иду в школу», «Мы пишем ручкой» и многие-многие другие.

Однажды я нахожу возле микрофона журнал «Башня». Как значится под заголовком — «ученический гимназический ежемесячник, член союза молодежной прессы». Среди интервью, статей о школьной дружбе и призывов копить деньги бросается в глаза необычный снимок. Солдат в полной форме вермахта с обезьяньей ловкостью переправляется по канату через джунгли. Подпись сообщает: «На высоте 80 метров висит этот боец. Но он не упадет. С каждым рывком он продвигается вперед. Несмотря на физическую подготовку и многократную тренировку, его успех зависит

от друзей. Все они связаны общим делом и поэтому оберегают товарища. Этот солдат и его друзья знают, что любая работа требует труда. Что личная свобода является предпосылкой совместной службы. Кто это понял, имеет твердую почву под ногами. Именно такие люди есть в бундесвере».

Рядом напечатан талон № 5739, который надлежит вырезать и, ответив на ряд вопросов, отправить по адресу «Бонн 7, 5300 — Военное министерство». Система проста. Школьник отправляет талон и автоматически попадает в число добровольцев. Бундесвер уже не выпустит его из своих объятий.

— Кого же воспитывают в гимназии: мирных бюргеров или будующих солдат?

Этот вопрос я задаю директору гимназии оберштудиенрату В. Шмюллингу. Директор заинтересовался русским студентом и пригласил меня в свой кабинет. Сохранивший, несмотря на свой возраст, энергию и жизнелюбие, Шмюллинг похож на тех средневековых немцев, которых гравировал когда-то Дюрер. Большое деревянное распятие над его креслом и молитвенно сложенные на животе руки придают ему сходство со священником.

В ответ директор протестующе взмахивает рукой:

— Не ищите политики там, где ее нет! Бундесвер прекрасно платит за свои объявления. А детям нужны деньги, чтобы издавать журнал. Пусть печатают, что хотят. Вон во Франкфурте в школьной газете даже опубликовали новую программу коммунистической партии...

Насчет программы сказано специально, чтобы раз и навсегда покончить с «политикой». Директор явно не склонен обсуждать, как и для чего воспитывают школьников в Западной Германии. У него свои заботы. Их можно определить одним словом — деньги.

Мюнстерская гимназия им. Хитофа относится к числу городских школ. Это значит, что она находится на бюджете местного самоуправления. Но те деньги, что отпускают отцы города, составляют половину истинных потребностей. Остальные должны добавлять родительский совет и добровольные жертвователи. Родители, например, дают ежемесячно 10 — 15 тысяч марок. И все равно денег не хватает на самые первейшие нужды.

Вот уже несколько лет в гимназии пустуют места физиков и математиков. Молодежь, оканчивающую университеты, сманивают корпорации: они платят куда больше, чем школа. Опытные учителя по той же причине предпочитают заводские лаборатории. Квалифицированный педагог получает меньше заводского инженера.

Гимназия, построенная вскоре после войны, давно уже нуждается в дополнительном помещении. Не хватает классных комнат. Нужно по меньшей мере 4—5 предметных кабинетов. Выход только один — строиться, но для этого нет денег. Ни город, ни частные жертвователи не в состоянии дать необходимую сумму. Вот и приходится арендовать помещения в соседних зданиях. Это крайне неудобно, так как вместо того чтобы весь день провести в школе, ученики разбредаются по окрестным улицам.

Так обстоят дела в крупнейшей гимназии одного из современных научных центров. Как сказал директор, в ней учатся дети чиновников, профессоров, местной интеллигенции. Выходцев из рабочих семей здесь всего 5—6%. Родители добровольно делают денежные взносы в фонд школы. И тем не менее у директора немало забот, где достать денег. Как же учатся в других так называемых народных школах?

Ответ на этот вопрос не найдешь в Мюнстере. Рядом, рукой подать, Рур, слившийся на протяжении сотен километров в сплошное рабочее предместье. Друзья познакомили меня с социал-демократом Торром, бургомистром небольшого городка Ваттеншейда. Социал-демократы получили большинство в магистрате недавно. Став бургомистром, Торр не бросил свою работу: он директор средней школы в Бохуме, той самой, что не дает права на абитур, а посылает учеников в профессиональные училища. Великолепное сочетание: глаза исполнительной власти, представитель «рабочей» партии и учитель. Тут, как говорится, своя рука владыка.

Я говорю об этом Торру. Он улыбается: именно богатый прошлый опыт позволяет ему проводить «правильную политику в области образования». В Ваттеншейде, где 80 тысяч жителей, городской совет ассигнует на культуру 20,8% бюджета (сюда входят театры, музеи, школы, вузы). Это больше чем в других городах.

Как расходуются эти деньги? Трудно понять, а, поняв, еще труднее согласиться со школьной системой ФРГ. Бургомистр оговаривается сразу, что о федеральных школах, находящихся на бюджете Бонна, речь идти не может. «Практически невозможно получить для них ассигнования, и мы их не строим». В ведении магистрата остаются городские, частные и церковные учебные заведения. Парадокс состоит в том, что городские школы почти не строятся, так как магистрат не располагает земельными участками и купить их не может: они стоят баснословных денег. Земля принадлежит церкви и частным лицам. Предоставляя участки, они получают право на строительство, которое должно финансироваться городским советом. В дальнейшем такие школы получают до 90% своего бюджета от города. Так происходит перекачка государственных денег в частные учебные заведения (кстати говоря, за обучение в которых взимается особая плата).

Здесь Торр-бургомистр вступает в конфликт с Торром-учителем. В силу существующего законодательства бургомистр субсидирует частные и церковные школы, а учитель отстаивает нужды городских. Проблема эта особенно животрепещуща для пролетарских районов — таких, как Рур. В народных школах дети рабочих составляют большинство: в бохумской, например, почти три четверти учащихся. Родители не в состоянии латать бюджет, как это делают в мюнстерской гимназии. Поэтому все беды в народной школе гиперболизированы.

Социал-демократ Торр говорит о них откровенно. «Это наследие христианских демократов. Мы ведем другую политику, мы знаем нужды просвещения». Но если отвлечься от предвыборных склок, вряд ли кто-то способен в ближайшее время помочь народным школам. Здесь тоже не хватает учителей. Но из тех, кто преподает, каждый пятый — абитуриент, то есть человек без специального и высшего образования. Классная наполняемость на 10% выше, чем в гимназии. О помещении и говорить не приходится.

— Увидите сами,— заторопился директор. Разговор оборвался неожиданно и, судя по всему, намеренно: пришло самое время поговорить о том, как и чему учат западногерманских школьников. Как и в гимназии, в народной школе не то чтобы отказывались,

а попросту не хотели касаться некоторых проблем. Оставалось воспользоваться приглашением «посмотреть самому».

Бохумская школа построена на месте разрушенного во время войны здания четверть века назад. Поднимаясь по железным лестницам, заходя в классы, осматривая библиотеку, не можешь отделаться от ощущения приютской бедности и казарменной скупости. Помещение давно не отремонтировано, запущено, мебель в классах старая, книг в библиотеке мало. Это, как и многое другое, говорит не столько об отсутствии порядка, сколько о скудном бюджетном пайке. Кажется, школьников поселили в старой казарме, а они так и сидят на чемоданах, не считая дом своим, надеясь со дня на день выбраться отсюда. Пестрота одежды всех цветов и фасонов в этих унылых стенах только подтверждает первое впечатление. И как апофеоз всего — события двадцатипятилетней военной давности, оказывается, зримо присутствуют в расписании уроков.

Гордость школы — кинозал. Чтобы не прервать киноурок, мы крадучись пробираемся к свободному месту и вместе со старшеклассниками смотрим фильм «Путь к войне». Очевидно, его цель — дополнить и расширить знания, полученные на уроках истории, показать, как и почему началась вторая мировая война. Мирно стрекочет узкоплечный аппарат, а на экране происходят странные события. Хронологически показанная история фашистской Германии неотделима от Гитлера. Аккуратно скроенные сюжеты: фюрер на партийном съезде, встреча с молодежью, выступление на заводе, — перебиваются сценами военных успехов. Франция, подписание ею капитуляции, тут же колонны пленных французов. Восточный фронт в обрамлении «нового порядка», установленного в России. Снова фюрер, война, награждение пятнадцатилетнего фольксштурмиста, колонны беженцев, на сей раз немецких. Ни причин, ни анализа поражения — все спрятано, фальсифицировано. Достаточно сказать, что битва под Сталинградом даже не упоминается.

Дают свет. Ребята украдкой посматривают на меня: первый живой русский в их школе (для многих первый и в жизни), о чем он сейчас думает? Стараясь, чтобы предательски не дрогнул голос, я прошу разрешения поговорить с учениками. Возникает своеобразная пресс-конференция. Как же представляют себе эти дети,

родившиеся после войны, современную историю? Вот их ответы, записанные дословно.

— Что вы знаете о Гитлере?

— Он сделал для Германии много хорошего, и немецкий народ должен быть ему благодарен. Ошибка Гитлера в том, что он начал войну с Россией. Из-за этой войны Германия потеряла все свои богатства.

— Как вы относитесь к студенческим волнениям?

— Студенты сами не знают, что хотят. Вместо того чтобы учиться, они бунтуют.

— Что вам известно о «чрезвычайных законах»?

— Мы ими не интересуемся. Но мы знаем, что в нашем демократическом обществе все происходит на законном основании.

— Что вы думаете об упомянутом «демократическом обществе»?

— Мы довольны современным строем. Наша молодая демократия совершает иногда ошибки, но их немного.

— Как вы представляете себе свое будущее?

— Большинство мечтает о карьере чиновника.

Так оценивают проблемы, волнующие современное западно-германское общество, дети... рурских рабочих. Комментировать ответы незачем, они говорят сами за себя. Эти взгляды привиты в школе, ибо, как признаются сами ученики, дома не до них: «Родители заняты весь день на работе».

В беседе мы по молчаливому соглашению не касаемся «трудных» тем: тогдашних отношений ФРГ и СССР, коммунизма, опасности неофашизма. Уместно ли спрашивать школьников о том, что предпочитают замалчивать взрослые... Ответы на все эти «трудные» вопросы дают западногерманские учебники.

В ФРГ не существует единого, стабильного учебника по каждому предмету. В зависимости от типа школы, земли, в которой она находится, наконец, просто от привязанности земельного министра по делам культов существуют многочисленные пособия, выходящие во многих издательствах. Однако при всем разнообразии их оформления, подачи материала, изложения есть тенденции,

характерные и обязательные для всех. Одно из первых мест занимает прошлое Германии, войны, которые ею велись. В любом учебнике оправдывается германский империализм, обеляется генеральный штаб, поражения в войнах изображаются как случайные, а победы как закономерные. Зверства и преступления замалчиваются или описываются как «ответные меры».

Типична в этом смысле история первой мировой войны. «Неосомненно, немецкое правительство не искало войны ни с Францией, ни с Россией... Но оно болезненно воспринимало преимущество других сил на мировой арене и стремилось к тому, чтобы сохранить и укрепить международную роль Германии». Это утверждается в «Истории нашего времени с 1914 года». Другие учебники сообщают: «Вильгельм II и германское правительство хотели в любом случае предотвратить войну». Или: «Немцы и австрийцы верили, что война навязана им мстительностью французов, стремлением к завоеваниям русских, экономической завистью англичан».

В подобном духе исконно немецкого милитаризма трактуется и вся последующая история XX века. С той лишь разницей, что в дальнейшем к милитаризму присоединяется еще и национал-социализм. Так, «результатом мюнхенских переговоров явилось то, что южнонемецкие земли объединились с Германией».

Заметьте, каким словарем пользуется автор: «южнонемецкие земли», «объединились». Мюнхенское соглашение на страницах учебника существует и поныне. Это значит, что западногерманские дети изучают историю с позиции разгромленного почти три десятка лет назад национал-социализма.

Война против советского народа (в учебниках она именуется «восточной кампанией») излагается языком военных сводок имперского министерства пропаганды. Поражение под Москвой в 1941 году объясняется «отсутствием зимнего обмундирования и полным провалом снабжения» («История нашего времени». Багель, стр. 104). Разгром под Сталинградом вызван «поражением союзнических румынских и итальянских войск севернее города» (там же, стр. 107). В том же учебнике о действиях советских партизан не сказано ни слова, а покушению на Гитлера отведена целая глава.

Но всего этого авторам кажется недостаточно. Особенно развевается их буйная антисоветская фантазия, когда речь заходит о послевоенном устройстве мира. Вот как объясняется современная расстановка сил на мировой арене в «Новейшем времени». Дабы не вдаваться в подробности, стоит перечислить лишь названия разделов: «Строительство оборонительной системы против большевизма», «Военный пакт большевистских государств». Ко всему этому добавлена терминология третьего рейха: «большевизм», «враги Германии», «неполноценные расы», «недочеловеки», немецкие названия славянских городов, карты Германии в границах 1937 года. Невольно возникает вопрос, в каком году и кто издавал эти учебники? На их обложках значатся западногерманские фирмы и стоят 60-е годы.

Однако искажение истинного хода истории лишь полдела. Попытки отмыть добела немецкий милитаризм, переписать заново события XX столетия неизменно сопровождаются антикоммунизмом. Эта линия наиболее изощрена и продумана во всех деталях. В книге для чтения «Глобус» («Клетт-Ферлаг», Штуттгарт), по которой изучают немецкий язык в народной школе и которая служит для ученика своеобразной энциклопедией всего мира, помещена гравюра Мазареллы «Русские крестьяне». Печь, лапти, полати времен русской деревни XVIII века должны дать ученику представление о России вообще. Тут же помещен «рассказ» некоего В. Крампа «Что стоит человек». В нем повествуется о жизни немецких военнопленных в сибирских лагерях. Рассказ проиллюстрирован картинкой «Путь в тюрьму». Так формируется представление школьников о великом народе, избавившем мир от фашизма, о сегодняшнем дне нашей страны!

Когда речь заходит об «агрессивности» или «коварстве» восточных соседей, места не жалеют. «Коммунизм продвигается в Европу», — так окрещен параграф в уже упоминавшейся «Истории нашего времени». Он посвящен послевоенным событиям. Оказывается, в то время как «западные союзники продолжали разоружаться, Советский Союз держал солдат под ружьем». XXII съезду КПСС приписывается решение, что «цель Москвы — установить ком-

мунизм во всем мире». Как говорят сами немцы, «кто сказал «а», должен сказать и «б». Определив цели и задачи СССР в Европе, учебник призывает к «созданию оборонительной системы против большевизма», то есть к НАТО. Так политика антикоммунизма, замешанная на верности атлантизму, становится азбукой школьного воспитания.

Главным органом, координирующим и определяющим всю политику в области школьного образования, является постоянная конференция земельных министров, ведающих просвещением. Министры издают директивы по важнейшим проблемам образования. Например, «рекомендации для освещения тоталитаризма в процессе преподавания». Термином «тоталитаризм» окрещен государственный строй всех социалистических стран! Причем в самих «рекомендациях» разъяснено, что «тоталитаризм обобщает» такие понятия, как «красная и коричневая диктатура».

Подавляющее большинство учителей точно следуют инструкциям, исходящим из министерств. Все пути вели туда. Вот почему я просил министра земли Северный Рейн-Вестфалия господина Хольтхофа «принять советского журналиста». Ответ пришел... через 37 дней! «Господин Хольтхоф слишком занят». Мне оставалось только написать о том, что я видел и слышал сам. Впрочем, думаю, этого вполне достаточно, чтобы судить, как и кого воспитывает западногерманская школа.

ТАНКИСТЫ У ШКОЛЬНОЙ ДОСКИ

Бундесвер за последние годы особенно усилил свое проникновение в западногерманскую школу на всех ее ступенях. Причина кроется не только в том традиционно-милитаристском духе, который всегда лежал в основе прусского воспитания

(постулат: «Войну выигрывают фельдфебель и учитель»), но и в том, что все большее число новобранцев бундесвера отказывается от несения воинской службы по этическим соображениям. В 1971 году их число перевалило за 20 с лишним тысяч человек. Дело дошло до того, что эту проблему специально обсуждал бундестаг. Признавая на словах «исключительное право» отказа нести военную службу, руководство министерства обороны предприняло свои меры.

Союз «фельдфебеля и учителя» существует издавна в большинстве западногерманских земель. В Гессене, Гамбурге, Бремене, где более сильны демократические тенденции, преподавание «проблемы обороны» (веркунде) негласно включено в школьные программы. В Шлезвиг-Гольштейне, Баден-Вюртемберге, Северный Рейн-Вестфалии и Баварии специальные указы и разъяснения предусматривают для офицеров бундесвера право преподавания веркунде в школе. Дискуссии и беседы на уроках с привлечением всевозможных наглядных пособий в школах этих земель чередуются с экскурсиями в казармы, где школьникам показывают уже настоящее оружие. Как подчеркнул обер-лейтенант К. Крёгер из 1-й танковой дивизии в интервью журналу «Шпигель», пребывание в танке вызывает у школьников «эмоциональное восхищение».

В качестве образца «содружества» школы и бундесвера всячески превозносится «опыт» города Вильгельмсгафена. Здесь известный своими националистическими настроениями капитан II ранга инженер М. Мескес создал некий «военно-политический рабочий кружок». Набрав 25 добровольцев, капитан объявил, что готов дважды в неделю заменить в городских школах учителей (тем более, как метко заметил он, учителей все равно не хватает, и 2000 часов в неделю пропадают попусту). Новоявленным учителям пообещал свою поддержку местный адмирал Н. Кольман. Как проходят занятия учителей-добровольцев, можно представить себе по карикатуре, обошедшей всю прогрессивную прессу. Вытянувшись по команде «смирно», дежурный докладывает офицеру: «4 «б» к уроку немецкой истории построен!» «Вольно!» — командует офицер.

Характерно, что на фоне тех реалистических тенденций, которые сейчас преобладают в политической жизни ФРГ, министерства культов, направляющие и определяющие характер и смысл обучения, остаются на прежних реакционных позициях. Особый взрыв возмущения среди западногерманской общественности вызвал закон министра культов Нижней Саксонии П. фон Ертца о введении в школах земли преподавания «веркунде». Проект закона был обнародован спустя ровно две недели после ратификации договоров ФРГ с СССР и ПНР. Что это, случайное совпадение или политическая линия? На этот счет не может быть двух мнений, стоит только познакомиться с текстом закона.

Министр так обосновывает свое решение. Школьники должны быть воспитаны в духе критической оценки «роли вооруженных сил в демократическом государстве в отличие от диктаторских систем». Они должны правильно анализировать «проблемы атомного вооружения и мировые конфликты, обусловленные различными общественными системами». Напрасно было бы искать в тексте проекта и разъяснениях к нему оценку деятельности гитлеровского вермахта или объективный анализ нынешней военной политики ФРГ и стратегии НАТО. Зато в них достаточно ясно прослеживается антикоммунистическая терминология из прежних учебных пособий. Иначе говоря, какие бы события ни происходили в мире, каких бы перемен ни желал сам западногерманский бюргер, его детей учат по-прежнему — так же, как и десять лет назад.

Что же рекомендовано преподавать учителю на уроках веркунде? В качестве обязательных учебных пособий предлагается ежемесячный сборник «Информация для войск» (куда включается литературный материал с уже «переработанными примерами») и книгу «Оборона» Э. Обермана, выпущенную издательством «Клетт-Ферлаг» в Штуттгарте.

Откроем рекомендованные учебные пособия. В сборнике «Информация для войск» № 1 за 1972 год так излагается история гитлеровского подводного флота: «Первые субмарины в истории, способные к длительному подводному плаванию, были готовы в начале 1945 года. Всего было построено 119 лодок этого типа. Однако только одна из них смогла выйти в плавание в апреле

1945 г.». Все взвешено и определено точно. И выбор рода оружия — подводники во все времена считались в Германии легендарной и героической кастой. И толкование самой истории мировой войны, в которой, оказывается, нет ни победителей, ни побежденных.

Эмиль Оберман в своем учебнике опускает военные проблемы и берется сразу за политику. Он разъясняет учителям: «Каждая коммунистическая партия должна организовать наряду с обычным партийным аппаратом нелегальную организацию. Эти тайные отряды создают склады оружия, заботятся о связи и курьерах, организуют шпионские и диверсионные школы. Они готовят убийц и делают все необходимое для подготовки политических террористических актов в случае гражданской войны». И далее: «Война для коммунистов одно из важнейших орудий революции» (в оригинале эта фраза набрана курсивом, как особо значимая).

Таково духовное благословение, которое получает учитель от официальных властей, отправляясь на урок веркунде.

Минувшим летом большая группа учителей из народных и реальных школ была приглашена посетить расположенные в Кобленце воинские части бундесвера. Это были преподаватели — члены профсоюза работников образования и науки (ГЕВ), который занимает непримиримую позицию по отношению к обучению веркунде и протестует против допуска в школы офицеров в качестве учителей. Экскурсия должна была показать учителям, что «представляет собой бундесвер сегодня». Программа, рассчитанная на неделю, включала все: от посещения 144-го танкового батальона до дискуссий и занятий в полковых школах бундесвера. При этом всячески подчеркивалось, что если учителя захотят прийти сюда со своими учениками, то двери казарм всегда и широко открыты для них. Как иронизировала левая пресса, «бундесвер знает слишком хорошо, что чары техники — его сильнейший «аргумент». Поэтому именно здесь, когда экскурсанты, в большинстве участники минувшей войны, осматривая танки, предавались воспоминаниям, политические офицеры бундесвера и «работали» с ними.

Первый тезис, который отстаивал специально назначенный для обработки учителей-экскурсантов полковник генерального штаба

Х. Хюльсман, состоял в том, что «противоречия между ГЕВ и бундесвером не столь серьезны, как это представляется общественности». Однако учителя не стали вдаваться в полемику, а, придерживаясь решений профсоюза, отвергли притязания бундесвера. Тогда-то полковник стал распространяться о том, что ГЕВ, восставшая против «веркунде», «по меньшей мере формально участвует в одной компании с такими организациями, как ГКП, «Спартак» и другие». Хотя они официально и не запрещены, однако создается впечатление, что некоторые учителя — члены профсоюза не придерживаются основного закона (конституции)...

Ход мыслей полковника и угроза в его словах достаточно ясны. Полковник довольно прозрачно намекнул на запрещение Коммунистической партии Германии, деятельность которой якобы противоречила основному закону. И новая партия коммунистов, Германская коммунистическая партия, по мнению полковника, заслуживает того же и по той же причине. К таким приемам в ФРГ прибегают всякий раз, когда хотят запугать или запутать трезво мыслящих либералов или интеллигентов, на самом деле, конечно, далеких от коммунистических взглядов.

Офицеры бундесвера доказывали учителям, что «во Вьетнаме защищается свобода Запада, ибо что однажды исчезло за коммунистическим занавесом, уже никогда больше не возвращается». Оказывается, американские войска присутствуют во Вьетнаме для того, чтобы «оказывать помощь законному правительству в его борьбе против повстанцев».

Именно в подобном духе воспитываются молодые офицеры, те самые, которые должны преподавать веркунде в школе. В Кобленце учителя-экскурсанты на месте увидели, как это делается. Группа младших офицеров имитировала дискуссию в классе. Разделившись на группы, они затеяли спор, который был записан не только на магнитофонную ленту, но и на видеофон. Как и полагается на маневрах, старшие офицеры произвели потом разбор игры. Были даже выставлены оценки за «убедительность и аргументированность». Словом, в бундесвере разработана своя казарменная методика преподавания. Однако, несмотря на всевозможные ухищрения и применение последних достижений техники (бундесвер

денег не жалеет), попытки танкистов из Кобленца проникнуть в школу не приводят к повсеместному успеху.

Бундесвер не ослабляет своих усилий, чтобы проникнуть в школы. Сейчас кампания поднялась на новую ступень: в нее включились депутаты оппозиционных партий — ХДС/ХСС, оправдывающие действия военных. Как заявил депутат Карл Дамм в своем интервью «Гамбургер абендблатт», «все, что служит совместной работе школы и бундесвера в смысле информации, без сомнения следует приветствовать. Если бундесвер в состоянии в том или ином смысле содействовать воспитанию молодежи, это — конструктивный путь». Дамм от имени оппозиции одобряет деятельность капитана Мескеса и его офицерского кружка.

С благословения министров культов в ряде земель в военных казармах недавно состоялись семинары для учителей. Трехдневные дискуссии преследовали цель — снабдить учителей необходимой информацией, чтобы «вызвать у школьников больше понимания и интереса к проблемам обороны Федеративной Республики, пробудить у них готовность к служению в армии».

Вот что писала «Нойе Рейн-цайтунг» о такой дискуссии в Кельне: «За всеми докладами следовал свободный обмен мнениями, особенно при обсуждении основной темы «бундесвер, государство и общество». При этом возникал разговор, что еще сегодня есть немало школ, в которых выставляют за дверь офицеров бундесвера, но допускают враждебную армии пропаганду, ведущуюся организациями лиц, уклоняющихся от военной службы. Совершенно бесспорно, что эти организации следуют в коммунистическом фарватере».

Как видим, западногерманские шовинисты и милитаристы особо не утруждают себя поисками доводов, чтобы привлечь на свою сторону учителей и всех, кто противится проведению их курса. Ты — против? Значит, ты — коммунист! И произносится все это с нескрываемой угрозой. Причем эта угроза подкрепляется утверждениями, что подобная деятельность учителей противоречит-де основному закону, то есть неконституционна.

Прогрессивные учителя, наоборот, доказывают, что именно идеи и взгляды, которые проповедают офицеры бундесвера на

уроках «веркунде», противоречат конституции. Они ссылаются при этом на статьи основного закона, например, земли Баден-Вюртемберг (в каждой западногерманской земле существует своя конституция, впрочем мало чем отличающаяся от других), статья 12 которой (§ 1) гласит: «Молодежь должна воспитываться в духе братства всех людей и любви к миру...» Статья 26 утверждает: «Действия, которые посвящены и проводятся с намерением помешать мирной совместной жизни народов,— враждебны конституции».

На стороне профсоюза учителей в его борьбе против милитаризации школы выступает вся прогрессивная западногерманская общественность, в том числе, конечно, и коммунисты. И надо сказать, что со времен кампании за ратификацию восточных договоров страна не знала такого массового движения. «Покончить с веркунде», «Никаких учителей-добровольцев бундесвера» — под этими лозунгами сплотились учителя, школьники, родители, члены студенческих союзов различных направлений, организации лиц, отказывающихся от несения военной службы.

Е. Рольф из Геттингера, исследовавший правомочность введения в школах «веркунде», заявил, что «оно должно быть отменено по причинам государственным, политическим, профессиональным и дидактическим». Как говорится в листовке, распространенной в Гамбурге,— «веркунде и офицеры бундесвера — составные части систематической кампании милитаризации точно так же, как повышение военного бюджета, вооружение полиции, создание новых школ в самом бундесвере, внедрение принципа «дисциплина и послушание».

СДВИГ ВЛЕВО!

Наверху обложки крупным кеглем набрано: «Смотреть, обсуждать, действовать». Чуть ниже страница рассечена надвое. На одной половине — снимок мощной демонстрации. На транспарантах и лозунгах, которые несут ее участники, написано

слово «Мир». На другой изображен зловещий ландшафт: на фоне заводских труб грязная, полная отбросов и рыбных костей речка.

Так выглядит только что вышедший вторым изданием (70 000 экземпляров) в издательстве «Хиршграбен» учебник по социальным наукам (социалькунде) для 5—6-х классов, написанный З. Георге и В. Хиллигеном. Обложка призывает к действию, к борьбе и одновременно формулирует цели борьбы, которые, по мнению авторов, в настоящее время являются основными и равноценными — мир и улучшение условий существования.

За все годы существования Федеративной Республики школа впервые получила такой учебник. Пять лет назад он был бы невозможен. Нужно было не только новое поколение людей, мыслящих и думающих непредвзято, но и прежде всего сама благоприятная атмосфера, в которой он смог появиться,— это прежде всего политическая борьба за заключение восточных договоров и сдвиги в общественном сознании интеллигенции.

Книга в известной мере отражает те политические позиции, на которых удалось закрепиться прогрессивным силам в общественной жизни страны. Поэтому у нее сразу нашлось много друзей. Но, разумеется, и много врагов. В большинстве земель она допущена министерствами культов в качестве официального учебника. В других — нет. А в Рейн-Пфальце министерство даже объявило издание книги «ляпсусом».

Уточним сразу: «Смотреть, обсуждать, действовать» отнюдь не марксистский учебник, хотя в нем есть портрет Маркса, приведены цитаты из его произведений и есть ссылки на марксизм. Это само по себе уже примечательно для современного школьного учебника. Заслуга авторов в том, что они попытались, пусть робко, с позиций буржуазного объективизма, поведать школьникам, что есть другой мир, который от них до сих пор скрывали либо говорили о нем только плохое. Есть негры в США, которые «почти все живут в нищете». Есть люди, которые борются за социальную справедливость. И в ФРГ есть организации, которые «хотели бы, чтобы у нас в стране отношения были изменены в духе учения Карла Маркса, как это уже произошло в ГДР». Наконец, есть Германская

Демократическая Республика, об экономической и общественной жизни которой рассказывается в учебнике.

Политические процессы, происходящие в мире, даются в учебнике на широком фоне современной социальной действительности. В учебнике затрагивается широкий круг проблем: от предоставления всем школьникам равных шансов при поступлении в университет и до вредного влияния, которое оказывает химия на жизнь подрастающего поколения. В соответствии со своей позицией — смотреть, обсуждать, действовать — авторы стремятся пробудить у школьников стремление самим искать решение затронутых в книге проблем.

И в этом учебник тоже принципиально отличается от всех своих собратьев. До сих пор «святой западный мир» преподносился школьнику как лучший из миров. И несомненно главное место в нем занимала ФРГ, именуемая Германией, к вящей славе которой дружно трудились крестьяне, рабочие, предприниматели. О чем было размышлять школьнику, когда мир преподносился ему в самом совершенном виде, а проблемы существовали лишь по ту сторону пресловутого «железного занавеса»?.. Словом, политическая система рисовалась подрастающему поколению самой радужной, самой оптимальной, а главное — не требующей никаких изменений.

Именно в таких случаях сами немцы произносят слова доктора Фауста, обнаружившего превращение черного пуделя в Мефистофеля: «Вот кто, оказывается, сидел в черном пуделе!» Именно объективного показа современной действительности, сравнения с Германской Демократической Республикой боятся те самые люди, которые выступали в свое время против заключения восточных договоров. Запретить книгу, изъять ее из школьных библиотек требуют пресса Шпрингера, депутаты ХДС в земельных парламентах.

«Школьный предмет социалькунде все больше превращается в уроки социализма, оккупированные левыми идеологами», — предупреждает В. Вальман, заместитель председателя земельной организации ХДС в Гессене. «Власти хотят ввести социализм в качестве школьной дисциплины», — трубит правая пресса. Школьный учеб-

ник стал причиной острейших политических дискуссий в земельных парламентах Гамбурга и Гессена. До сих пор такого еще не бывало. Это доказывает лишний раз, что картель правых сил, сложившийся в ходе последних выборов, готов воспользоваться любым поводом, чтобы помешать демократическим тенденциям, наметившимся в общественной жизни страны.

Новый этап европейской истории не только требует иного подхода и отношения, но и предполагает устранение груза прошлых ошибок. Ведь именно это и имеется в виду, когда говорят о подлинном претворении в жизнь «восточных договоров». В конце прошлого года в земле Северный Рейн-Вестфалия создана специальная комиссия во главе с профессором Екертом, руководителем международного института школьной литературы. В ее задачу входит «исправление ошибок» в учебниках, допущенных в отношении социалистических стран. И это лучший ответ всем мнимым «друзьям» подрастающего поколения, так и не научившимся «смотреть, обсуждать, действовать».

ОРДЕН НА ЗЕЛЕНОМ МУНДИРЕ

Наконец, девятый вал карнавала докатился до Мюнстера. Это был действительно последний, заключительный гребець, приближение которого чувствовалось издали. Сначала в больших универсальных магазинах появились огромные пассажи карнавалов распродаж для взрослых. Пестрые, яркие, сметанные на живую нитку одежды поражали некоторой односторонностью: возобладал принцип насильственности. Костюмы шерифов и ковбоев, средневековых разбойников и ландскнехтов, солдатские и безымянные мундиры с фантастическими орденами: «Хортен», «Вулворт», «Карштадт»¹, оружие всех времен и народов, стреляю-

¹ Названия крупнейших торговых фирм.

щее, колющее, режущее,— завалили прилавки. Вовсе не обязательно покупать костюм целиком, достаточно было одного украшения: ордена, пистолета, шерифской шестиконечной звезды или ковбойской шляпы. Когда в игру вступили дети, улицы Мюнстера превратились в огромный полигон.

Все благоприобретенное опробывалось тут же, на месте: пистолетная стрельба (на манер американского кинобоевика — из двух пистолетов одновременно), автоматные очереди, взрывы петард, стук барабанов и звуки рожков, сопровождаемые победными воплями маленьких ковбоев и индейцев, слились в праздничную увертюру, славящую великий «Розовый понедельник».

И вот он наступил. Погода в этот день стояла наипрекраснейшая. Понедельник был действительно розовым, сказочно подрумяненным, как истинно немецкие утренние булочки. Накануне у городской ратуши, как в волшебной сказке, возник великолепный помост с перилами и скамейками, предназначенными для гостей. Задолго до начала они пришли и расселись: жены городских чиновников и именитых людей, члены всевозможных комитетов, просто влиятельные, хотя и не очень богатые люди. Как говорят сами немцы, эстаблишмент¹ второго сорта. Первый класс во главе с бургомистром ухитрился втиснуться на самый высокий балкон ратуши. Снизу были видны только их яркие колпаки, обозначающие принадлежность к различным аристократическим клубам. Так, по колпакам, мы, стоящие внизу на трибуне, различали их. Всем прочим, относящимся к третьему сословию, была предоставлена Принципиаль-маркт² и полная свобода устраиваться в соответствии с собственными вкусами. Порядок этот соблюдался со всей строгостью Ноева ковчега: чистые наверху, нечистые ниже, без смешения. С некоторым опозданием господин бургомистр сказал речь, и карнавал начался.

Традиционные праздники каждого города отличаются не только строго определенным временем — они начинаются в январе и

¹ Эстаблишмент — английское слово, ставшее международным термином. Оно означает привилегированный слой общества.

² Принципиаль-маркт — главная торговая улица в Мюнстере.

длятся два месяца, не только своими названиями (например, «Фашинг» — масленица в Мюнхене, или «Роза монтаг» — Розовый понедельник — в Мюнстере), но и самим церемониалом. Для Вестфалии характерны праздничные шествия.

Перед началом карнавала с треском и помпой избираются сказочные принц и принцесса, которые на несколько дней получают всю законодательную и исполнительную власть, оплачивая, разумеется, праздничные расходы. Только богатый человек может позволить себе подобную роскошь — баллотироваться в принцы. В маленьком Мюнстере, как сообщили мне доверительно, карнавал обошелся принцу — молодому торговцу — около 10 тысяч марок. Что же говорить о больших городах? Но, будьте уверены, реклама принца и его «дела», безразлично, кто он — политик или бизнесмен, стоит затраченных денег. В шумном и злободневном карнавальном шествии легко просматриваются все симпатии и антипатии его устроителей. Хотя внешне неизменно сохраняются обычаи традиционного народного праздника, никто, кроме детей, не питает иллюзий относительно дармовых сосисок, конфет, игрушек, разбрасываемых лопатами из повозки наследников сказочного престола.

...С гостевой трибуны отлично видно праздничное шествие. Церемониальным маршем с тамбур-мажором во главе проходит специально выписанный из Голландии ансамбль юных девиц. Перестраиваясь на ходу, виртуозно подчиняясь малейшим отклонениям огромной булавы в руках дирижера, они маршируют, немыслимо вскидывая ноги, едва прикрытые мини-юбками, к вращающему удовольствию толпы. Проезжает броневичок английских оккупационных войск, сплошь оклеенный шуточными плакатами по поводу *mehrwertsteuer*¹.

Заканчивают пролог велосипедисты, символизирующие различные страны мира. Среди них я вижу и наш советский «серп и молот» (знамение времени, несколько лет назад это было невозможно).

Но это, надо полагать, обложка. И действительно, когда начинается главное действие, понимаешь серьезность происходящего.

¹ Повышение налога с оборота, введенное правительством ФРГ.

Четверка лошадей тащит деревянную платформу, на которой смонтированы кружка с пивом, бутафорская человеческая голова и огромный молоток с надписью «mehrwertsteuer». Всякий раз, когда голова выпивает пиво, молоток ударяет ее сзади. Всем известно, что после повышения налогов кружка пива стала еще дороже на 5 пфеннигов. Для каждого немца, выпивающего ежедневно четыре-пять кружек пива, они складываются ежемесячно в осязаемую сумму.

Вот вам политика во всех ее аспектах, внутреннем и внешнем, спроецированная, так сказать, на народный лад. Немного грубовато, но зато четко: использовать бюджет «Общего рынка» в своих интересах, заодно неплохо заработать и на собственном налогоплательщике. Покрепче, потеснее с союзниками по НАТО и соответственно — камень в голлистов, мешающих западно-германской гегемонии в самой Европе. Распространяемые обычным способом подобные идеи далеко не всегда находят поддержку у рядового немца — он уже давно не верит политикам. А вот здесь на карнавале, в маскарадном костюме национального обряда они легко сходят за голос народа. Так формируется общественное мнение.

...Наступает пауза. Почему-то умолкает оркестр. Улица пустеет. Все встают со своих мест, напряженно взглядываясь вдаль. Неожиданно взяв самую верхнюю ноту, невидимый оркестр трубит военный марш, и толпа взрывается. Ковбои и индейцы, представительные дамы на трибуне, только что согревавшиеся на моих глазах из походных фляжек, толпа, густо запрудившая улицы, — все начинают орать, скандировать, топтать в такт военному маршу. Размеренно и величаво, как хозяева или победители, вдали появляются люди в зеленых мундирах. Впереди оркестр, свой оркестр с тамбур-мажором, у которого вместо булавы военный бунчук, с великолепными инструментами, поющими легко и красиво. И далее повзводно, церемониальным маршем, вздернув подбородки, глядя перед собой, не мигая, идут люди: квадраты подростков, юношей, мужчин-ветеранов.

В каре идут бурши, я узнаю сеньора — председателя союза. Где же хваленая цоллерская гордость? На них нет ничего корпо-

рантского, даже ленточки. Они — часть гигантского зеленого дракона, который, переливаясь зеленой чешуей мундиров солдат неведомой армии, ползет по улицам города. Под приветственные крики скандирующей толпы, подбадриваемые выстрелами и стрекотом автоматов, осыпанные конфетти и серпантином, молча шагают зеленые стрелки. Справа, возле нас, вдруг выныривает маленький плакатик: «Вы веселитесь, а во Вьетнаме падают бомбы». Через мгновение он проваливается, а по улицам нескончаемым потоком идут молчаливые зеленые солдаты с перевязями через плечо, без знаков отличия, без оружия...

Но я смотрю на них и невольно вспоминаю день, когда, держа младшего братишку на плечах, стоял в толпе на Колхозной площади. А мимо нас вот так же молча, глядя перед собой, пытаюсь вздернуть подбородки, шли пленные фашистские генералы. Отец воевал, мать, как всегда, работала. Смысл происходящего мы постигали сами. Мы, пацаны, смотрели в эти оловянные глаза и понимали, что могло случиться с нашей Родиной и что не случилось благодаря нашим отцам. Двадцать пять лет спустя я снова увидел тот же взгляд и прочел в нем, что могут ждать народы Европы, если такие снова придут к власти.

Так впервые открылся мне лик фашизма в зеленом нимбе «национальных традиций».

Как потом выяснилось, обсуждался даже вопрос, участвовать в маскараде стрелкам или нет: как отнесется к этому своя и мировая общественность, ибо с этим пока приходится считаться!

В другой, менее официальной обстановке я увидел их иными — более откровенными и менее сдержанными.

...Вот они у себя дома, в маленькой деревушке Коммерн: 45 членов «Союза зеленых стрелков» на 3000 жителей. Пропорция их не смущает. Воюют не числом, а умением. Недаром они называют себя «зеленым полком». Как и положено боевой единице, здесь есть свой генерал, адъютант, шеф протокола. Они заправляют полковым праздником, в котором участвует вся деревня. В эти три дня предстоит выбрать короля союза, переизбираемого ежегодно. Первый день — суббота открывается традиционным балом. Танцы танцами, но «Союз» превыше всего: огромная чаша, этакий

тазик для варки деревенского варенья, ходит по столам. Генерал посматривает, кто какие купюры бросает. Шеф протокола довольно побрякивает, глядя, как наполняется чаша.

Воскресенье начинается рано. В полшестого утра молодые члены союза будят всю деревню. Генерал откупается бутылкой шампанского и может еще спать: ему еще предстоит много работы. Днем парад. Уже знакомые зеленые мундиры, сведенные в каре по возрастам. На сей раз холодное оружие — у всех. Гитлеровские ордена — у большинства. Солдатские песни над деревенской площадью. Луженые глотки ветеранов затягивают со слезой: «Кто знает, встретимся ли мы на Шпрее». Генерал принимает парад и поздравления делегаций других союзов. Деревенский священник рядом. Распятие на его груди, как железный крест у генерала. Он благословляет парад. Все заканчивается снова балом. Стрелки не танцуют, берегут силы для завтрашних состязаний. Именно завтра решится судьба короля.

Третий день, понедельник, застает всех в деревенском трактире. Стрелки куражатся, обливают друг друга пивом, взбадривают себя. Основательно напившись, они шагают на стрельбище и поют: «Родина, ты можешь быть спокойна...» Молодой часовщик, сбивший символическую птицу, избирается королем. Назад в деревню зеленый полк возвращается снова строем. «Мы носим свои ордена на зеленых мундирах», — гремит в такт сапогам. Какие ордена — не уточняется, да это и так ясно. Они идут с гитлеровскими орденами, с нашивками за ранения, со знаками за военные кампании, вооруженные боевыми винтовками. Священник благословляет воинство. Теперь до следующего праздника они будут встречаться лишь в местной пивной да на стрельбище: «квалификацию» терять никак нельзя. Я вижу сияющее лицо генерала, потом стрелков, сжимающих винтовки, пьяно повторяющих: «Это был праздник радости...»

Я отказываюсь понимать: в чем же здесь радость праздника? В стрельбе, в блеске наград, полученных за убийства, в фашистских традициях с мишурой знамен, клятв, приветствий? Кто эти люди на самом деле? И словно отвечая на мой вопрос, стрелки

появляются снова: «генерал» миролюбиво ведет трактор, «король» чинит часы. Теперь они просто крестьяне...

Так же как 45 зеленых солдат в Коммерне терроризируют 3 тысячи соседей, 18 тысяч союзов стрелков верховодят в других деревнях и маленьких городах Западной Германии. Прикрываясь традициями (Эссенский союз стрелков основан, например, в 1390 году), они не дают зажить старым ранам, берегут прошлое, проповедуют идеи реваншизма. Они плюют на протесты общественности. Они возникают как раковая опухоль: за счет здоровых тканей. Президент Рейнского союза шестидесятилетний Г. Геббельс признал, что с 1955 года число его стрелков выросло на 55 тысяч.

Я уже видел эту публику в Мюнхене, Франкфурте-на-Майне и Мюнстере. Мне захотелось познакомиться с ними поближе, узнать, что они думают на самом деле. Однажды я написал письмо в правление партии в земле Северный Рейн-Вестфалия (неофашисты ведут свою работу по территориальному признаку). Признаюсь сразу, что немного слукавил: мои друзья прозрачно намекнули, что это в моих же интересах. Хотя я и указал свою фамилию, однако видоизменил ее на манер «перемещенного из восточных сбластей». Естественно, в письме не было указано, что автор — советский студент. Ответ не заставил себя ждать, пришел через день. Господин Квелле, руководитель канцелярии земельного правления НДП, сообщил:

«Примите сердечную благодарность за Ваше письмо. Нас радует Ваш интерес к нашей партии. Мы посылаем Вам для Вашего сведения в этом же пакете «Манифест» и «Программу НДП». Если Вас заинтересуют эти материалы, просим Вас обратиться по месту жительства в окружной союз. С надеждой, что сумели Вам услужить, в надежде скоро услышать о Вас еще раз... С дружеским приветом!»

В письме указывались адреса и телефоны окружного союза.

Заочное знакомство с психологией и идеями наследников третьего рейха только подогрело мое желание встретиться и поговорить с живым функционером. Это оказалось нелегким делом, но мне помогли. В конце концов советского студента согласился

принять господин Принц Бернард, казначей окружного правления партии. Мне был сообщен адрес и указано время.

...Позади остался Мюнстер и его предместья. Здесь в пригороде живут рантье, мелкие ремесленники, торговцы. Сами немцы называют их «неудачниками». Маленькие домишки, крохотные, даже по местным понятиям, приусадебные участки, дети, играющие прямо на проезжей части дороги. Ни машин, ни велосипедов. Справа — огромный нескончаемый забор лагеря английских оккупационных войск, слева — жалкие рекламы распродаж угля, пива.

Дом господина Бернарда стоит на углу квартала. С одной стороны на нем вывеска мороженого, с другой — пива. Хозяин приторговывает и тем и другим, потрафляя любым вкусам, а в свободное время занимается политикой. Что ж, ситуация, достаточно известная: пиво и политика всегда шли в Германии рука об руку. Ведь и Гитлер начинал когда-то с «пивного путча»...

Услужливо распаивается дверь, нас, меня и моего спутника, приглашают подняться на второй этаж. Комната, по всей видимости, служит хозяину и канцелярией и рабочим кабинетом. В ней нет ничего лишнего. На стенах — плакаты НДП (я уже видел их на улицах многих городов), карта Мюнстера. В углу — шкаф с пропагандистской литературой. Аккуратные стопки уже знакомых мне «Манифеста» и «Программы» — идейного «богатства» партии. На старомодном буфете горка книг, среди них биография Гитлера неизвестного автора. В углу — столик с фруктовым соком. Все солдатски просто, до бедности скромно. Пол выскоблен, как в деревенской избе, чистота умопомрачительная.

Хозяину тридцать с небольшим — новое поколение партии, вряд ли он помнит прежние времена. Он заметно волнуется, хотя и старается выглядеть собранным и серьезным. Он сидит напротив меня посреди комнаты, подчеркнута прямо, положив тяжелые руки на колени. В петличке его воскресного пиджака поблескивает значок — эмблема партии: «НРД» — три буквы, увитые венком. Я еле удерживаюсь от желания спросить: не раздает ли партия, по примеру наци, золотые номерные значки? Словом, внешне он идеально соответствует своей должности казначея.

Разговор начинает господин Бернад. Он сразу же предупреждает, что готов ответить на все мои вопросы, ибо партия нуждается в понимании, за последнее время ее позиции часто «искажались» журналистами, ей приписываются «грехи», в которых она «неповинна». Надо, чтобы люди знали «правду» о НДП. Наши намерения совпадают, я тоже стремлюсь знать правду об НДП и взглядах казначея. Уполномочивал ли его кто-нибудь вести эту беседу, представляет ли он группу лиц или руководство партии? Разумеется, нет. Все, что говорит,— это только его мысли. Однако тут же добавляет: точно так же думают и его партейгеноссен.

Я отрываюсь от записи. Да, и это не ново! Одна партия, один народ, один рейх. Старая песня, которой в свое время начинали и наци. Даже терминология сохраняется старая: партейгеноссен. Так когда-то обращались друг к другу члены гитлеровской партии.

Что он думает о будущем Германии? Его лицо расплывается в улыбке. Он заговорщицки, будто единомышленник, подмигивает мне.

— Вся Европа, а Германия, как известно, лежит именно здесь, наш дом. А в самом доме мы хозяева, должны сами навести порядок. Давайте-ка обойдемся без американцев. А с вами (он имеет в виду русских) мы договоримся. Мы за объединенную Европу, ограниченную не Эльбой и не Одером — Нейсе, а протянувшуюся до Урала. Она немыслима без России. Места здесь хватит всем. Надо сначала договориться с Россией, а потом взяться за объединение Германии.

Я недоумеваю, что это за новая Европа, протянувшаяся до Урала?.. Понимает ли он, что Советский Союз нельзя расчлнить на европейский и азиатский. А потом, куда же исчезли Германская Демократическая Республика, народная Польша?.. Разве на картах мира нет новых границ, мирных свободлюбивых государств? Как понимать тезис «договориться с Россией»?

Он слегка морщится, видимо, раздосадованный вопросами:

— Как раз все названные вами проблемы и должен решить мирный договор с Германией. Одно из основных требований нашей партии и состоит в том, что новые границы надлежит обсудить при заключении договора. Мы всегда готовы говорить об Одере —

Нейсе и притом в мирном тоне. Поскольку американцы должны убраться домой, то единственная из держав-победительниц, с которой надо иметь дело, Россия. С вами мы и будем разговаривать.

Я отказываюсь понимать. О чем можно говорить, если все ясно, стоит лишь взглянуть на карту. Германия проиграла войну. В Европе сложилось определенное статус-кво. НДП давно пора признать реальное положение вещей: Германскую Демократическую Республику, восточную границу по Одеру — Нейсе, отказаться от притязаний на Берлин.

Он начинает горячиться и возмущаться моей «непонятливостью»:

— Заранее признать существующие границы? Да это просто невысказано. О чем же мы будем говорить потом? Судите сами. (Он доверительно придвигается ко мне.) Если я заранее отдам мой дом... — и он старается успокоиться, признание существующих границ выводит его из себя. — О какой же мирной жизни можно затем разговаривать? Нет, нет и еще раз нет! Мы не можем отдать то, что принадлежит нам по праву.

Да, спорить с ним просто нелепо. Но мне интересно было узнать, как мыслит этот человек. Поэтому я отказываюсь от спора и только записываю его речь. К сожалению, сейчас невозможно буквально выполнить обещание, данное господину Бернару, — опубликовать дословно его интервью. Дело не в примитивности аргументации и бедности политического языка. Просто крошка из лозунгов и идей, частью доставшихся по наследству, частью придуманных нынешними политиками из НДП, слишком сумбура. Поэтому я привожу лишь главные мысли казначая:

«НДП — единственная партия, которой принадлежит будущее. Мы находимся в оппозиции, имеем собственную положительную программу и последовательно отстаиваем ее. У нас есть своя национальная политика. Двенадцать лет, отданных фашизму, еще не повод для дискриминации всего народа. Пора покончить с этими разговорчиками, оскорбляющими достоинство нации. Пришло наконец время занять Германии подобающее ей место в мире. Мы недаром называем себя национальной партией. Мы хотим для фатерлянда то, что уже имеют другие народы.

Начинать надо с экономики. Именно в экономическом смысле Германия дискриминируется другими народами. То же в области обороны. Мы уже давно можем то, что нам не разрешают. Э, да что там говорить. Из всех этих маленьких дискриминаций складывается одна большая. Мы не свободны в своих политических решениях, нам не хотят дать политической самостоятельности».

«Как я, рассуждают миллионы немцев. (По-моему, он даже сам не верил этому.) У нас хорошие связи со студентами, особенно с национально-демократическим союзом. Они не члены партии, но это наш резерв. Партия — за крестьян в их требованиях самостоятельно существовать и работать в интересах политики Германии. Поэтому они тоже поддерживают нас».

«Неофашисты? Мы не обижаемся, когда нас называют именно так. Кто чувствует себя оскорбленным, тот не должен работать в политике. Ему лучше уйти. Уж мы-то знаем, кому выгодно клеить ярлыки. Иностранцы обвиняют нас в неонацизме, чтобы ежечасно повторять немцам: вы еще не готовы, вы еще не достойны политической самостоятельности. Партии, представленные в Бонне, откровенно побаиваются нас как единственной оппозиционной партии. Они кричат — хватай вора! — а у самих рыльце в пушку. Это старинный испытанный способ...»

— А как же прежние наци? — взрываюсь я. — Ведь каждый третий член НДП так или иначе служил Гитлеру?

— Наше поколение должно реабилитировать хороших людей, — возражает он. — Кто же будет спорить: были плохие наци, но были и национал-социалисты, желавшие фатерлянду только хорошего, немцы, я бы сказал, идеалисты. Да и сами наци были разные. Одни слишком жестоки, другие — алчны и беспринципны. Эти люди, придя к власти, скомпрометировали идею национал-социализма, повернули государственный корабль в сторону.

Сегодня в наших рядах есть прежние национал-социалисты, и я не вижу оснований, почему бы старым идеалистам не работать с ними...

И вот заключение нашей «беседы». Еще раз заверив в миролюбии своей партии, он передает от нее привет... моим соотечественникам!

Такова национал-демократическая партия Германии, какой я видел ее. Именно видел, а не узнал. Три ее буквы «NDP» стали символом послевоенного фашизма и реваншизма. Для меня они выглядят не аббревиатурой, а свастикой.

Я никогда не забуду пивные залы, окутанные дымом, песни, треск шаров в кегельбанах, словно звуки выстрелов в такт музыке, ошалевших людей, часто не понимающих того, что они говорят, но говорящих только с одним смыслом — угрозы и кулака.

И сегодня, спустя пять лет, неонацисты повторяют те же слова: «Люди называют нас неонацистами,— заявил один из делегатов последнего съезда НДП, состоявшегося в Дюссельдорфе в октябре 1972 года.— Но все, чего мы желаем,— это полностью покончить с прошлым. На немцев всегда клеветают, а им нужно вернуть чувство собственного достоинства».

Они ничего не забыли и ничему не научились. Избиратель от них отвернулся, и как организация партия исчезает с арены политической борьбы. Если в свой медовый месяц НДП была представлена в 7 из 10 лантагов, то в 1972 году она лишилась своего последнего оплота в Баден-Вюртемберге. В 1969 году НДП утверждала, что она насчитывала 45 тысяч членов. Сейчас их число сократилось до 21 тысячи. Это — по сведениям правления партии, а на самом деле еще меньше.

НДП обвиняет правительство Брандта в том, что оно якобы предало интересы Западной Германии странам Восточной Европы. Где только можно, она блокируется с христианскими демократами, жертвуя даже собственными интересами. Примечательно, что в ряде земель неонацисты отказались выставить кандидатов в ландтаги, мотивируя это тем, что они не хотят отбирать голоса избирателей у христианских демократов.

На минувших выборах в бундестаг национал-демократическая партия вела кампанию за «порядок, справедливость и национальную солидарность», отказ от стремления Брандта к установлению нормальных отношений между Востоком и Западом, за возвращение потерянных в результате второй мировой войны территорий и прекращение притока иностранных рабочих. Эти требования находили отклик у некоторой части рабочих и низших слоев бур-

жуазии в годы кризиса 60-х годов. Здесь прямо напрашиваются параллели с деятельностью НСДАП. Однако времена изменились, как и экономическая ситуация в стране, а политика НДП остается прежней. Показательно, что ее приверженцы люди не моложе 60 лет, то есть именно те, кто процветал во времена нацизма. Молодежь отвернулась от партии и частенько побивает неонацистов в прямом и переносном смысле.

На последних выборах в бундестаг она набрала 0,6 процента голосов. Даже по сравнению с предыдущими выборами (4,3 процента) это выглядит как сокрушительное поражение. Партия прошлого, партия стариков, НДП, по единодушному мнению всех наблюдателей, не имеет сегодня будущего.

Национал-демократическая партия находится сейчас в трудном положении. Во многих земельных местных организациях ее работа полностью парализована. Газеты отмечают, что число заявлений о выходе из партии значительно превышает число заявлений о приеме. В этом безусловно сказалась огромная работа, проведенная прогрессивной немецкой общественностью по разоблачению политики, идеологии и террористических методов борьбы, к которым прибегала НДП под руководством Адольфа фон Таддена.

Отдавая себе отчет в провале деятельности партии, некоторые местные группировки пытаются с помощью «сенсационных акций» снова завербовать себе приверженцев. Так, в Западном Берлине неонацисты осквернили мемориальную доску, установленную здесь в память Карла Либкнехта и Розы Люксембург. На территории Мюнхенской ярмарки группа молодых неофашистов сорвала государственный флаг ГДР.

В то же время правые группировки пытаются перестроиться организационно, уловить голоса избирателей любыми средствами. За последнее время возник целый ряд организаций, близких по своему характеру. Это «Акция сопротивления», «Немецкий народный союз», «Немецкое сообщество граждан» и немало других, носящих откровенно неонацистский характер.

Сейчас все эти группы и группки объединились в своих атаках на правительство ФРГ. Как констатирует министерство внутренних дел, несмотря на общий кризис в лагере правого радикализма,

организации, которые «громогласно и с радикальных позиций» борются против восточной политики федерального правительства, «встречают поддержку» в националистических кругах. Так, маскируясь под другими названиями, НДП продолжает свою неонацистскую деятельность. На сей раз лозунги, провозглашенные ею, тесно смыкаются с устремлениями представителей крайне правых сил, христианских демократов и баварского христианско-социального союза.

БОННСКАЯ АРИФМЕТИКА

У

тром я спешу в университет. Торопливый человеческий поток (каждый десятый мюнстеранин — студент) выносит меня к Шлоссу. Справа надменное, самоуверенное здание суда с замкнутым четырехугольником тюрьмы позади. Слева большой зеленый стенд, поднятый над тротуаром, так что его видно издали. Прохожие останавливаются, снимают шляпы. Словно минута прощания на кладбище. Кричат красные цифры на зеленой доске: в марте на улицах Мюнстера погибло 43 человека, из них—9 школьников. Люди молча читают, вздыхают, спешат по своим делам в город, мимо здания суда.

А в строгом притихшем особняке земельного суда вот уже второй год длится процесс. Пятнадцать бывших служащих немецкой полиции безопасности обвиняются в убийстве 120 тысяч советских и польских граждан в городе Станиславе. Одно заседание в неделю — суд не торопится. Изредка заметка в газете, да и то в местной. Обывателю давно уже это не интересно: не сенсация и даже просто не новость. Пресса занята не событиями, а бухгалтерскими подсчетами: допрошено 150 свидетелей, израсходовано 125 километров магнитофонной пленки, процесс уже обошелся

налогоплательщикам в миллион марок. Число погибших теперь и не упоминается, да и что такое 120 тысяч в сравнении с миллионом настоящих «ДМ»¹? Миллион! Он оглушает и гипнотизирует читателя, и о нем знают теперь все.

Суд заседает в аудитории № 218. После свежести и солнца весенней улицы пышущие жаром батареи, блеклый блеск электролюстр, черные мантии судей и адвокатов, нездоровые лица подсудимых. Судейский стол погребен под кирпичами дел. В зале плотный низкий гул: тихо переговариваются адвокаты, перешептываются подсудимые, шелестят бумаги. Процесс приближается к концу: обвиняемые держат последнее слово.

Они замкнуты коричневым поручнем скамьи. Седые благообразные люди. Они выглядят скорее не подсудимыми, а присяжными в большом модном процессе. В газетах их почему-то именуют по-разному: парикмахер Ф. Маузе, шофер И. Даус, продавец В. Хагеманн. На самом деле у всех них одна общая профессия: они — убийцы. В центре свидетельских показаний кровавое воскресенье 12 октября 1941 года, когда в Станиславе были расстреляны почти 12 тысяч советских, польских и венгерских граждан.

Когда пресса еще писала о процессе, она сравнивала Г. Крюгера, бывшего шефа полиции безопасности Станислава, с Нероном. Сравнение туманное и мало что объясняющее, однако должное набросить на обвиняемых некий покров необычности и романтики.

Но убийцы остаются убийцами. И даже традиционный вопрос, что вы можете сказать суду в своем «последнем слове», воспринимается как кощунство. Они привыкли действовать, а не говорить, стрелять, а не произносить речи. Поэтому так немногословны их ответы, лаконичны признания. Словно по команде со скамьи подсудимых раздается: «Я ничего не могу сказать!». «Мне стыдно за свои действия». «Я был инструментом порочной системы».

И это все? Суд молча выслушивает.

А народ? Я оборачиваюсь в зал. Всего 13 человек на скамьях для публики. Я и мои коллеги: немецкий студент, четверо журналистов, несколько усталых пожилых людей. 13 человек, из них

¹ Общепринятое наименование западногерманской марки.

треть из профессионального долга, волнует и интересует судьба 120 тысяч убитых людей. Что это? Равнодушие, всепрощение, забывчивость? Что привело сюда этих небрежно, скорее бедно одетых людей? Они явно принадлежат к довоенному поколению и являются современниками третьего рейха. Они сидят вместе, изредка тихо переговариваются, и тогда сытый, ладный вахмейстер у парапета, что отделяет зрителей от суда, властным шепотом делает им замечание. Они замолкают, и в тишине звучат уверенные слова подсудимых.

Но вот со скамьи поднимается человек. Адвокат передает ему объемистый том, и он направляется к свидетельскому месту. Мой сосед шепчет: «Ганс Крюгер!» Шеф полиции, несмотря на свои 58 лет, сохранил прекрасную выправку. Он становится перед судейским столом, надевает очки, укладывает перед собой текст речи.

«Пастор!» — вдруг проносится в голове. Ну конечно, пастор с воскресной проповедью. И словно в ответ на мои мысли раздаются слова о боге, о священниках, о вере. «Вся Германия поддерживала Гитлера. Если бы Колпинг был жив, он бы подал Гитлеру руку», — звучит спокойный голос человека, привыкшего к тому, что его слушают. За судейским столом устраиваются поудобнее. Адвокаты по одному покидают зал. Вахмейстер предупреждает публику о необходимости соблюдать тишину. Теперь ничто не мешает убийце психологически объяснять и детализировать мотивы убийств.

Перерыв. Журналисты беседуют с адвокатами, а публика — семь человек немцев, присутствующих на процессе, — выходит в коридор. Они держатся вместе, напоминая долго едущих пассажиров, перезнакомившихся в дороге. Мне хочется поговорить вот с этим невысоким человеком в старомодных круглых очках. Его широкие бархатные штаны, большие рабочие ботинки плохо вяжутся с окружающей обстановкой. После минутного раздумья Франц Кемпер соглашается поговорить с советским студентом, ответить на мои вопросы. Прежде всего я хочу знать, что привело его в этот зал...

— Я посещаю все заседания. Да. Я видел русских свидетелей, говорил с ними. Видите ли, мечта это особенно касается. Только

что Крюгер говорил, будто в те годы все люди были с Гитлером и поддерживали его. Это не так. В те годы я протестовал против фашизма. Я сам, вот в этих руках, носил плакаты против Гитлера. В то время я состоял в «Лиге защиты прав человека». Думаю, что из моих тогдашних друзей по «Лиге» мало кто остался в живых. Теперь я хочу знать, чем кончат люди, с которыми я боролся всю жизнь, мои враги.

— Участвует ли господин Кемпер в антифашистском движении сейчас?

— Что вы... Я уже слишком стар для борьбы.— Он смотрит на меня, ища сочувствия.— Для такой борьбы нужны силы, много сил. Это дело молодых. Но когда я сижу в этом зале, то думаю, что моя молодость прошла не зря...

— Почему сегодня так мало людей интересуются процессом?

— Я думаю, что они (он произносит слово «они» четко и подчеркнуто твердо) хотят забыть свое прошлое. А остальные предпочитают молчать. Молчать ведь всегда спокойнее и безопаснее.

Дешевая сигара догорает до конца — пора возвращаться. Мы снова занимаем места в зале. Крюгер продолжает речь. Он говорит о профессорах, поддерживавших наци, о военных, выполнявших их приказы. Постепенно из его голоса исчезают пасторские нотки. «Нас упрекают в зверствах, грабежах и прочем,— раздается в зале.— Ничего подобного не было».

Он зачитывает обширную корреспонденцию о действиях израильских войск на оккупированной арабской территории. Судья прерывает его. Господин Кемпер удивленно поглядывает из-за своих больших очков на происходящее. Крюгер говорит еще одно заседание и еще одно. Его речь, переплетенная в два пухлых тома, приобщается к делу.

Наконец объявляется приговор: четверо подсудимых оправданы, восемь приговорены в общей сложности к 53 годам тюрьмы и лишь трое к пожизненному заключению.

После приговора пауза: адвокаты уточняют с подсудимыми детали дела, утешают. Через несколько минут все на весенней улице. Хлопают двери дорогих машин, легко, с пол-оборота заводятся моторы. Разъезд молниеносен — ни следов на асфальте, ни

запаха бензина. А на другой стороне улицы кричит зеленый щит: «В апреле на улицах Мюнстера погибло 53 человека». Перед ним толпа, люди стоят в скорбном молчании, сняв шляпы. Что известно им о цене человеческой жизни? Я сжимаю кулаки от горькой судебной арифметики: боннская Фемида покарала нацистских преступников за убийство двух с половиной тысяч мирных жителей всего годом тюрьмы!

Поражает равнодушие, с каким относится официальное общественное мнение к процессам над бывшими нацистами и военными преступниками. Не так давно английская газета «Дейли экспресс» напечатала репортаж своего специального корреспондента Ладислава Фараго о том, как в отдаленной части Колумбии он якобы выследил Мартина Бормана, бывшего заместителя Гитлера по нацистской партии. Фараго, автор книги «Секреты шпионажа», подал свое «открытие» достаточно сенсационно. Европейская пресса смаковала подробности, а западногерманские газеты ограничились сообщением: «Найден семнадцатый Мартин Борман».

В первое время после разгрома гитлеровской Германии бывшие наци скрывались от союзнических властей. Однако быстро раскусив ситуацию, они предпочли сами являться в суды. Они поняли, что лучше иметь дело с союзниками, чем жить под вечным страхом разоблачения в будущем. Тем более, что при разборе дел по денацификации союзническая Фемида особым пристрастием не отличалась.

Сразу же после окончания второй мировой войны два союзнических суда рассмотрели свыше 50 тысяч дел. Американцы, французы, англичане даже в тот период смогли признать виновными лишь 5025 нацистов, 806 человек из них были приговорены к смертной казни, причем 486 действительно казнены. Большинство из тех, кто отбывал свое наказание, были освобождены по амнистии, объявленной союзниками в начале 50-х годов.

С созданием ФРГ начался новый этап денацификации. В свое время министерство юстиции издало доклад под названием «Преследование нацистских преступников на территории ФРГ». Он был адресован мировой общественности и преследовал цель возродить авторитет западногерманской юстиции. Как доказательство ее дей-

ственности перечисляются 250 приговоров, вынесенных нацистским преступникам в ФРГ. Дотошные газетчики из журнала «Пардон» на выборку проверили 38 из перечисленных дел. Результаты проверки привели к скандалу: оказалось, что лишь 19 человек отбывают наказание, остальные гуляют на свободе.

...Доктор Вальтер Ш. В 1947 году приговорен к смертной казни за уничтожение душевнобольных в клинике Эйдберг. Позднее смерть была заменена пожизненным заключением. Через шесть лет, так и не отбыв срок, доктор оказался на свободе.

...Георг М. Согласно приговору суда получил «пожизненное заключение». Спустя шесть лет был помилован.

...Бывший штандартенфюрер СС Рихардт приговорен к пожизненному заключению за массовые расстрелы и депортацию польского населения. Он пробыл в тюрьме меньше полугода и был выпущен на свободу в связи с тем, что дальнейшее заключение «создавало непосредственную угрозу его жизни». Судебный врач не поспешил на болезни для бывшего капитана СС. В заключении перечисляются: атеросклероз, заболевание сердечно-сосудистой системы и многое другое.

Журналист, посетивший недавно Рихардта, встретил жизнерадостного пожилого человека, самодовольно давшего интервью:

— Моя жизнь течет спокойно. Обычно я много гуляю, выкуриваю несколько сигарет в день, случается, что и опрокидываю стаканчик шампанского...

Огромная работа, проведенная прокуратурами Советского Союза, Польши, Чехословакии и ряда других европейских стран, кампания, поднятая в прессе, справедливое возмущение западно-германской общественности, казалось, достигли своей цели. В 1958 году в городке Людвигсбурге близ Штутгарта был создан центр по выслеживанию нацистов. В его задачу входит собирать и анализировать всю имеющуюся информацию, возбуждать дела против нацистских преступников, которые преследовались затем в судебном порядке правительством. Но это снова было лишь демонстрационным актом. До 1964 года в центре работали едва десяток юристов. Да и потом персонал центра не превышал пятидесяти сотрудников. Для сравнения можно сказать, что в подобном

же центре Польши работает 120 штатных юристов, не считая людей, занятых в провинциальных комиссиях.

Впрочем, предоставим слово руководителю ведомства, обер-прокурору А. Рюккелю, который недавно дал специальное интервью американскому агентству ЮПИ. Уроженец Мюнхена, бывший немецкий солдат и военнопленный, пояснил проблемы, связанные с возбуждением дел через 28 лет после совершения преступлений.

«По немецким законам документы и свидетельские показания являются основой для вынесения приговора по этим делам,— говорит он.— Однако редко бывает достаточно только одного или другого.

Поиски свидетелей — обычно бывших узников концентрационных лагерей, которые разбрелись по всему свету,— могут длиться месяцами. Кроме того, многие отказываются снова приехать в Германию. Другие слишком слабы для такого эмоционального напряжения. Но даже показания тех, кто явился, могут вызвать подозрения.

По мере того как проходят годы, бывшим заключенным становится все труднее отличать то, что они пережили сами, от того, что они слышали. Во многих случаях эти люди просто не хотят вспоминать о национал-социалистических зверствах. Факт это или слухи? На этот вопрос должен ответить суд, а это теперь почти невозможно.

Средний возраст обвиняемых составляет примерно 65 лет. А человеку такого возраста нетрудно получить медицинское свидетельство, исключающее суд по медицинским причинам. Откровенно говоря, из-за связанных с этим расходов и учитывая тот факт, что на свободе больше нет крупных преступников, общественность просто не интересуется этой мелкой рыбешкой. Вот почему подозреваемые — это по большей части бывшие младшие чины, имена которых не значатся в документах и которых можно осудить лишь на основе свидетельских показаний. Однако обвиняемых, против которых можно выдвинуть только свидетелей, осуждают в очень редких случаях...»

Если человек, обязанный в силу своего служебного положения преследовать палачей и убийц, рассуждает подобным образом, то

можно представить себе, как поставлена работа в исследовательском центре. По подсчетам группы западногерманских юристов, около 100 000 немцев, остающихся на свободе, возможно, были «членами нацистских карательных отрядов или были связаны с ними». Если по официальным данным федеральные суды возбудили около 10 000 соответствующих дел, то это значит, что заслуженную кару понес лишь 1 из 10 преступников. Можно ли всерьез воспринимать заявление А. Рюккеля, что «возможности ведомства иссякают»?

Ни один из выдвигаемых им тезисов несостоятелен. И прежде всего рассуждения о «мелкой рыбешке». Среди тех, кто живет припеваючи на свободе, не только в своих частных гешефтах, но и занимается государственной деятельностью, немало «крупных акул» третьего рейха. Недавно журнал «Штерн» напечатал редакционную заметку об Э. Эккерте, главном редакторе двух ведущих социал-демократических изданий.

Родившийся в Судетах, Эккерт 18 лет вступил в местный филиал гитлеровской НСДАП. Он сотрудничал в нацистских изданиях, редактировал националистический студенческий листок. Сопровождая вермахт в качестве военного корреспондента, он начал писать книги для молодежи. В своих произведениях Эккерт воспевал упование победами, превосходство германской расы и презрение к представителям «низших» рас — «недочеловекам». «Пьяные негры вели битву за жизнь. В этом проклятом местечке приходилось драться за каждый дом с этими чудовищами. Каждого черного приходилось убивать поодиночке, так как они не сдаются... Немецких солдат отвели! Было бессмысленно жертвовать лучшими немцами в жестокой борьбе с неграми» (Книга «От Рейна до Пиренеев»).

Таков нынешний шеф-редактор, заслуживший особое расположение министра пропаганды Геббельса. Сегодня он работает вместе с теми социал-демократами, на которых охотились нацисты.

К тем же достаточно солидным функционерам третьего рейха принадлежит и бывший хауптштурмфюрер СС А. Штриппель. В свое время этот эсэсовец за совершенные им преступления был приговорен к пожизненному заключению и лишению гражданских прав.

Как отмечала газета «Франкфуртер рундшау», все свидетели, выступившие на судебном процессе Штриппеля, подтвердили выдвинутые против него обвинения. Однако в декабре 1972 года этот приговор был отменен. Кроме того, Штриппель в форме «возмещения» должен получить 150 тысяч марок.

Все это может показаться скверным анекдотом, если бы один судебный процесс не повторял в точности другой. После двенадцати лет проволочек в Гамбурге в январе 1973 года началось наконец слушание дела бывшего шефа СД Варшавы, палача и убийцы Л. Хана. Список его преступлений, доказательства которых представлены польскими судебными органами, необычно велик. Среди них — проведение селекции среди заключенных, собственноручные расстрелы, транспортиция в лагеря смерти и многое другое. По мнению варшавян, «имя Людвиг Хан — синоним всех ужасов нацистского террора».

Судьба его типична для тех, кого, наконец-то, спустя 28 лет настигла «карающая рука» западногерманского правосудия. Хан был испуган и скрывался под видом сельскохозяйственного рабочего лишь до 1949 года. Затем он снова стал Людвигом Ханом, преуспевающим дельцом, шурином западногерманского представителя при НАТО генерала Штейнхофа. На протяжении этого времени он дважды находился в предварительном заключении, однако оба раза земельный суд отпускал его. До 1959 года его «дела» вообще не существовало. Впервые 125 томов свидетельских показаний появились лишь в 1966 году, и еще 5 лет понадобилось, чтобы подготовить обвинительное заключение.

«Сегодня судьи стоят перед практически неразрешимой задачей, — писал журнал «Шпигель». — Со статьями закона, которые не предусматривают организованных массовых убийств, со свидетелями, чьи способности вспоминать после трех десятилетий угасли, и с обвиняемыми, приговор которым едва ли может подлежать исполнению, они почти неизбежно не в состоянии достигнуть поставленной цели — хотя бы только приблизиться к справедливости».

Рассуждения «Шпигеля», в точности повторяющие аргументацию обер-прокурора А. Рюккеля, лишний раз доказывают, что

никто всерьез этим вопросом не занимается. И если в законодательном порядке не удалось прекратить их преследование из-за «срока давности преступлений», то предпринимаются определенные меры, чтобы утопить процессы в самом делопроизводстве. Вот откуда идут рассуждения о плохой памяти свидетелей, о недостаточности улик и всем прочем. Политика в преследовании нацистских преступников остается неизменной: в пределах ФРГ они чувствуют себя в безопасности.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ИНТЕРВЬЮ

детства я одержим идеей увидеть живого миллионера. Это было наивное чувство пионерского любопытства. Помню, прочитав горьковское «Интервью с одним из королей республики», я был потрясен обычностью и заурядностью живого миллионера. Раздумывая над своей поездкой в ФРГ, я пометил в блокноте одну из тем: как в наше время человек становится миллионером, его личные качества, отношения с окружающими. Мне хотелось проверить вариант западной сказки о тысяче и одной возможности стать богатым.

Западная Германия гипнотизирует, оглушает, давит тысячами вывесок-реклам. Вывеска — символ, товарный знак фирмы, на ней непременно указано, когда основано предприятие, фамилия или эмблема ее владельца.

Я искал новых людей, а находил старые адреса. Фирмы, хорошо знакомые по работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», общества, финансировавшие третий рейх, концерны, работавшие на войну, известные во всем мире своими машинами, станками, оружием.

Но где же тогда тот пресловутый шанс стать миллионером, предоставленный якобы каждому?..

Мне называли газетных королей, финансовых воротил, показывали список ста богатейших фирм Западной Германии. Но все это представляло мало интереса. Либо эти люди основали свое «дело» без особой конкуренции сразу же после войны, либо они выдвинулись с помощью гигантских афер и спекуляций на бирже. Меня же интересовал феномен «в чистом виде», совершенный в последние годы: тот самый мальчонка, который начинает разносить газеты и становится владельцем собственного гешефта. Ничего даже отдаленно похожего не находилось.

Как обычно, в одно из воскресений я отправился гулять. Даже зеленый Мюнстер в этот весенний день выглядел колеблющимся миражем в горячих испарениях земли. Город остался позади, шоссе двинулось к автобану, появились зеленые заплатки крестьянских наделов. Как памятная стелла, у шоссе взметнулась четырехэтажная стеклянная башня, увенчанная электрическим табло: «Тернфлот и Снек». К ней примыкали большой павильон, бензозаправочная колонка, а через дорогу, за складами и холодильниками, разместилось само здание фирмы с неперемненными буквами на крыше «Racio-Markt».

Я двинулся в обход, охранник остановил меня: частное владение, вход воспрещен. К тому же — воскресенье, все закрыто. Маркт (по-русски точно переводится как рынок) производил грандиозное впечатление. Он напоминал захватчика, уверенного в своей силе и мощи, разбившего свой стан под стенами неприятельского города, приготовившегося к длительной осаде. Так оно и было на самом деле, первое впечатление не обманывало.

В торговле Западной Германии ситуация абсолютно аналогичная крупной промышленности, — все места посредников уже давным-давно заняты, каждая фирма, концерн, даже отрасль промышленности если не имеет собственных представительств и магазинов, то располагает авторитетными приказчиками. В какой бы город Западной Германии вы ни попали, будьте уверены: вы увидите одно и то же. Ячеистые алюминиевые фасады универмагов «Каршштатт», друг на друга похожие, как соты в пчелиных ульях. Неиз-

менно разукрашенные флагами здания торгового дома «Хортен». Непременно проходные, выходящие на две-три улицы, занимающие первые этажи универсальные магазины «Вулворт». Бесчисленные торговые точки «Билки» и «Едеки». В каждой из этих фирм все свое: от пакетов для покупок до цен. Но можно зайти в «Карштадт» где угодно — в Гамбурге, Мюнстере, Мюнхене и с завязанными глазами обнаружить электротовары на четвертом, а ботинки на втором этаже.

Отличаются фирмы друг от друга контингентом покупателей: народ попроще, цены подешевле, товары похуже. При всей войне реклам, цен, обслуживания живут фирмы в общем-то «мирно». Рынок поделен, каждый получает свою долю, все «довольны». Так тянется много лет. В последнем легальном номере «Роте Фане» за 1933 год я прочел обширную рекламу «Хортена». Спустя тридцать с лишним лет весьма похожие объявления помещает «Вельт».

До сих пор вывеску «Тернфлот и Снек» мне не пришлось встречать на улицах западногерманских городов, хотя фамилия Снека в Мюнстере хорошо известна. Господин Снек состоит во всевозможных комитетах (например, общественный или попечительский совет при зоосаде, которым так гордится Вестфалия), участвует во всех церемониях, представляя городскую общественность. У него самый большой в городе легковой американский автомобиль, его дочь только что вернулась из Англии. Это и множество других сведений сообщают о Снеке две местные газеты. И когда я слышу это имя, почему-то всегда вспоминаются порядки маленького городка, описанного Марком Твенем в «Томе Сойере». Снек чем-то неувлимо напоминал судью Теччера, олицетворяющего закон и порядок. Впрочем, Снек для Мюнстера скорее символ престижа и благоденствия. Почему?

Ответ пришел сам через несколько дней. По утрам почтовый ящик забит рекламой — от обычных листовок до толстых каталогов торговых фирм. Первые дни пребывания в ФРГ я из любопытства ими интересовался, но затем их назойливость стала надоедать, и теперь все механически перегружается в корзину. На этот раз мое внимание привлекли уже знакомые слова «Радио-маркт». Красочный буклет повествовал о самой фирме, прославляя ее досто-

инства. Быка брали за рога: за месяц продано 131 000 котлет, 67,6 тонны сосисок, 160 тонн цитрусовых. Все о филиале фирмы «Радио-Мюнстер», который имеет площадь 4500 квадратных метров, 8 отделов, свою бензоколонку и так далее и тому подобное. Кроме того, фирма имеет еще отделения в Бохуме и Ганновере. За длинным перечнем цифр и преимуществ для покупателей в самом конце сообщалось, что «Радио-маркт» существует с 1950 года и является новой формой торговли на Европейском континенте. Теперь все прояснилось. И место господина Снека в общественной жизни Мюнстера: каждый город Западной Германии гордится своим миллионером, тем более, если он живет на родине. И месторасположение самой фирмы. И, наконец, адрес миллионера, сумевшего создать новое дело в такой перенасыщенной области, как торговля.

«Радио-маркт». Внутри он выглядит как какой-то огромный склад. Вы входите в длинный коридор, с обеих сторон которого тянутся высокие стеллажи с одним и тем же товаром. Кончается полка, скажем, пепельниц и начинается полка со стаканами. И так далее. Затем новые отделы — готового платья, обуви, детского белья. Все спланировано максимально экономично. Так что движешься по лабиринту в таком вещевом ущелье. Удобна сама форма рынка в виде гигантской буквы «Г».

Видимо, какие-то безымянные 2 — 3 фирмы работают на Снека, поставляя ему дешевые, но далеко не первосортные изделия. Чем больше я бродил по лабиринту, тем больше крепло во мне впечатление, будто проводится гигантская, незапланированная распродажа, о которой еще не знают покупатели. В этот дождливый пасмурный день не так много людей посещали фирму. Большинство, как и я, бродили и смотрели, видимо, сравнивая цены, некоторые покупали. При выходе на контроле они предъявляли карточку, служившую разрешением для покупки.

Теперь, когда я сам увидел «дело» мюнстерского миллионера, интересно было бы встретиться с ним самим. Система «рацио» (то есть разумная) нуждалась в разумном толковании и объяснении.

На мой вопрос «с кем бы я мог поговорить о фирме» кассирша показала на соседнее здание — там находится правление, там

начальство. Я внимательно рассмотрел высокий офис из стекла и бетона, замкнутый четырехугольник двора, с подведенной железной дорогой, ворота с охранником в будке. В ворота то и дело въезжали машины различных марок, вахтер проверял документы, смотрел номера. Я не буду описывать не очень приятную процедуру, занявшую минут сорок, прежде чем удалось попасть в главное здание. Скажу лишь, что пришлось беседовать с четырьмя представителями фирмы, каждому предъявлять документы и рассказывать о себе.

Ни один из них не мог разрешить пройти на территорию торгового дома «Тернфлот и Снек». С разрешения пятого я попал наконец в холл здания, где изложил все в пятый раз молодой секретарше. Несмотря на дружеский совет (фирма лучше знает свои порядки): «Не ждите больше пятнадцати минут, будьте агрессивны», я спокойно ждал больше и был вознагражден. Меня принял сам управляющий мюнстерским «Радио-рынком» господин Курт Крамвинкель.

Я беседовал с ним дважды, и вторая встреча лишь подтвердила первые впечатления. Думаю, что в представлении нашего поколения так и выглядит коммивояжер: весьма собранный человек, достаточно энергичный для своего преклонного возраста. Таков господин Крамвинкель. У него маленькая комната, такая же, как у рядовых служащих фирмы, на его столе нет ни одной бумаги, но он редко бывает на месте, и секретарша иногда не знает, где ее шеф. Управляющий всегда в движении, всегда занят. Он на самом деле был коммивояжером лет двадцать назад. Потом судьба свела его со Снеком. Теперь он не только управляющий рынком, но еще и руководитель отдела планирования. Он настрожен и взволнован, но чутье не изменяет ему, и, выбрав линию поведения, он неукоснительно ее придерживается.

В данном случае он, как и полагается образцовому служащему, хвалит свою фирму и ничего не может сообщить о ее финансовой деятельности. Даже систему выплаты жалования служащим господин Крамвинкель сохраняет в тайне. Прибыль, цены поставок, средняя цена и подавно остались за семью печатями. Управляющий хвалит советский зеленый горошек, говорит с энтузиазмом о

его качестве и дешевизне. Он недоволен политикой правительства, отменившего лицензии на торговлю с Восточной Европой и ориентирующегося на «общий рынок». Заодно он превозносит Снека и экономическую политику фирмы.

Нет оснований не доверять рассказу господина Крамвинкеля о Снеке и его фирме, помня, конечно, что он исходит из уст человека, «верой и правдой» служащего хозяину.

Система капиталистической торговли многоступенчата. Между потребителями и производителями находится племя оптовиков, гроссистов, монопольных объединений, диктующих рынку свои цены. Одним из таких гроссистов, снабжавших более мелких розничных торговцев, и была чуть ли не две сотни лет династия Тернфлота. Фирма держалась в основном благодаря многолетнему авторитету. Тут и появился молодой Снек с идеей, о которой еще мало кто знал в Европе,—концентрировать заказы. Каждый торговец, если он заказывал у компаньона товаров не меньше чем на тысячу марок или платил наличными сразу же при их доставке, получал премию — скидку 5% стоимости заказа. Из мелких гроссистов фирма сразу шагнула в крупные оптовики. Средний заказ подскочил до двух тысяч марок. Годовой оборот взлетел до 65 миллионов марок.

Итак, первый шаг — концентрация поручений — был сделан. Он принес деньги, тут же вложенные в дело. Компаньоны искали новых покупателей и в конце концов вернулись к сделкам с мелкими торговцами. «Уже в 1953 году у меня выкристаллизовалось представление о большом рынке,—писал сам Снек.—Здесь мелкие торговцы могли бы выбрать свои товары, оплатить их и взять с собой. Мой анализ показал, что при годовом обороте 12 миллионов марок можно было бы дать пять процентов скидки». Осуществление идеи заняло четыре года. Искали удобное место с потенциальными покупателями, вербовали поставщиков, перестраивали гигантский рынок. В 1957 году распахнул свои ворота «Радио-рынок Бохум» в центре Рура.

Фирма крепко стала на ноги. Вместе с деньгами к ней пришли успех, зависть и злоба конкурентов, но ей это было уже не страшно. Старые фирмы действовали по старинке: они доставляли

товары на дом и предоставляли кредиты. Снек полностью переложил непроизводительные расходы на плечи клиентов, предоставив взамен скидку. Тем самым он получил «живые деньги», избежав займов у банков. Деньги пошли на строительство гигантских радио-рынков в Ганновере и Мюнстере. Возле каждого из них возводятся новые гостиницы и бензоколонки с льготными правами для клиентов фирмы. Растет выбор товаров, число отделов, а с ними и контингент клиентов. Оборот фирмы достигает в последние годы 669 миллионов.

Так выглядит современный западногерманский вариант сказки про миллионера. Внешне в нем соблюдены все атрибуты. Мальчику-ученик, прошедший за 38 лет путь до совладельца фирмы (сейчас Снеку принадлежит 63% всего капитала). «Выгоды» и «блага», которые он принес своей деятельностью окружающим. Все это изображено в буклетах, брошюрах, рекламе, в выступлениях и речах самого Снека. Аргументы выбраны точно, для обывателя, замороженного шумихой больших универмагов, они достаточно весомы и привлекательны настолько, что он и впрямь готов поверить в эту сказку.

На самом деле все выглядит иначе. Если внимательно приглядеться к финансовой карьере Снека, то она до удивления банальна. Собственно, ему досталось уже все готовое: женившись на дочери престарелого Тернфлота, он разом получил связи и авторитет солидной фирмы, первоначальный капитал, необходимый для расширения дела. Конечно, нельзя отрицать и финансовые способности Снека. Но тысячи неудачников, не менее способных, обуреваемых аналогичными идеями, не имеют и никогда не будут иметь условия для их осуществления. Сколь ни был талантлив и даровит человек — в лучшем случае он может продать свои знания и способности тому же Снеку. Для того чтобы самому создать дело, необходимы деньги. Виднейший западногерманский экономист К. Прицколейт подсчитал, что для основания, например, газеты следует располагать первоначальным капиталом в полмиллиона марок. Это по плечу только очень богатому человеку. Шанс разбогатеть сводится для бедняка к нулю. Знаменитый афоризм «бо-

гаты становятся богаче, бедные еще беднее» отвечает на вопрос, кто и как может стать миллионером в ФРГ.

Сегодня в соответствии со всеми классическими законами политической экономии капитализма, открытыми еще Марксом в XIX веке, Снек энергично обирает и производителя и потребителя. Как всякого крупного хищника, его сопровождают спутники помельче, на долю которых тоже достается нажива. Все же вместе они вырывают у промышленного капитала свою долю прибыли и, надо думать, неплохую. О ней можно только догадываться, так как фирма не публикует финансовых отчетов и не рекламирует полученных прибылей. Неуклонный рост годового оборота свидетельствует, что Снек преуспевает во всех видах обирания западногерманских граждан. Так, сказка о Красной Шапочке оборачивается былью о Сером Волке. Но если Бабушка и Красная Шапочка попали к Волку по своей простоте, то западногерманскому потребителю податься некуда: каждый «добровольно» выбирает сам себе «волка».

Господин Крамвинкель щедро снабдил меня рекламной литературой и почти твердо пообещал устроить встречу с шефом. Нужна ли она? До сих пор весь ход событий до смешного соответствовал стереотипу. Обстановка, образ действий, цели были ясны. В тени оставался сам миллионер как личность, как человек. Детское любопытство не было удовлетворено. Честно говоря, я ждал приглашения, и оно пришло, подписанное самим господином Снеком.

...За минуту до назначенного срока вместе с немецким коллегой из института мы входим в приемную главы фирмы. Секретарша, обворожительно улыбаясь (в фирме «неделя вежливости»), извиняется:

— Господин Снек просит подождать.

Мы видим, как к нему проскальзывает коммивояжер с образцами диапроекторов. Пока нас приглашают в столовую. Нас известят, как только господин Снек освободится.

Медленно тянется время. Снуют люди в белых халатах.

Снек по-прежнему занят. В подобной ситуации у себя дома я бы возмутился, но тут это ровным счетом ничего бы не изменило.

Дело отнюдь не в Снеке, а в том положении, которое занимает журналист в современном капиталистическом обществе,— оно, естественно, здесь, на Западе, распространяется на меня тоже.

У нас журналист — всегда друг, пришедший на помощь. Не случайно так много писем идет в редакции, а «трое суток шагать» приходится часто на самом деле. Здесь же репортер заранее подзревается в том, что он хочет что-то выведать, узнать, чтобы потом использовать полученные сведения в своих интересах. У нас тебя ждут: встречают честно и открыто, и за 15 лет газетной работы ни один советский хозяйственник не ответил мне «нельзя» или «не скажу». По первой просьбе все документы выкладывались на стол. Здесь тебя информируют лишь о том, что находят нужным. Информация ради рекламы всегда в интересах фирмы. Об остальном бесполезно спрашивать.

Словом, у нас журналиста в любом случае — хвалит он или критикует — ждут радушный прием и гостеприимство; на Западе, если ты нужен, тебя задаривают, а коли нет — вообще не разговаривают. Господин Снек не нуждается в советском журнале, который пока не может быть ему полезен ни с какой стороны. Другое дело — коммивояжер, с которым может предстоять выгодная сделка. Поэтому я сижу в столовой, а в служебном кабинете наверху рассматривают новые диапроекторы. «Выгодно — невыгодно» — принцип, которым руководствуется господин Снек (иначе он не был бы миллионером), как и все капиталистическое общество. Я уже понял этот принцип (не пойдешь же в чужой монастырь со своим уставом) и потому терпеливо жду.

Увы, так и не дождался.

Когда мы снова вошли в приемную, секретарша испуганно улыбалась («неделя вежливости» продолжается). Я объявляю, что мы уходим, и объясняю почему: в Советском Союзе так не принято встречать гостей. Секретарша рассыпается в любезностях. У меня нет претензий к миллионеру, хотя и жаль потерянного времени. В конце концов он оказался точно таким, каким мы его себе представляем: не господином, а рабом созданной им самим машины.

П

ервый день рождества — самое подходящее время для размышлений. По традиции его проводят в кругу семьи, без гостей, и иностранец волей-неволей оказывается предоставлен сам себе. Правда, гостеприимные хозяева приготовили и для нас рождественский пирог, но мне его так и не удалось попробовать. «Виной» тому хвалена немецкая пунктуальность.

Дело в том, что в нашем колледже к рождеству начали готовиться задолго. Были составлены списки студентов с указанием стран, откуда они прибыли, национальных обычаев и традиций. Хозяева продумали порядок праздника, позаботились о подарках, разослали приглашения. Я поселился в колледже, когда списки уже были составлены, но до рождества оставалось еще добрых две недели. Полмесяца мы вежливо раскланивались с нашей хозяйкой фрау Шумахер и всеми ее помощниками, но на праздник я так и не был приглашен: моя фамилия, стоявшая на доске проживающих в колледже студентов, в предварительном списке приглашенных не значилась. Следовательно, в данном случае меня де-юре просто не существовало.

Наверху, в актовом зале, веселились студенты, за окном лежал Мюнстер, фосфоресцирующий свечами елок. Как в сказке братьев Гримм, не хватало только боя часов или звука волшебного рога. И он должен был вот-вот раздаться.

Давным-давно, еще в XII веке, в Мюнстере была введена должность башенного трубача. Ему вменялось в обязанность «трубить время и предупреждать жителей о приближении врага». Прошли столетия, но древняя традиция не изменилась. Каждый вечер трубач отсчитывает 298 каменных ступенек колокольни церкви св. Ламберти и располагается в маленькой каморке. Начиная с десяти вечера и до семи часов утра он каждый час трубит в свой старинный рог. Звук трубы над ночным городом, рождественская индейка, яблочный пирог и свечи — неперенные атрибуты праздничной сказки, преподносимой ежегодно западногерманскому бюргеру,

призванной доказать, что надо гордиться настоящим и не беспокоиться о будущем.

Автор сказки — капитал, а наиболее даровитые рассказчики — буржуазные партии: Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз, вынужденные по воле избирателей расстаться с правительственными портфелями. Без излишней скромности они заявляют, что двигателем общественного прогресса был ХДС. Он с самого начала «нес ответственность». Христианские демократы вновь и вновь напоминают бюргеру, что с 1950 года разработано более 40 всевозможных планов, с помощью которых каждому жителю ФРГ предоставлено право пожинать плоды своего труда. На съезде в Карлсруэ (1951) официально заявлено: «Истинная свобода может процветать лишь там, где гарантируется личная собственность». Поэтому главной целью партийной политики провозглашено «поощрение всякой возможности накопления собственности теми слоями населения, которые не обладают капиталом».

С тех пор, как крупнейшая партия западногерманского капитала провозгласила эти лозунги, прошло десять лет. В прошлом году был опубликован полный список крупнейших промышленных концернов, годовой оборот каждого превышает миллиард марок. Этот своеобразный клуб миллиардеров состоит из 69 сверхмонополий. «Общий оборот этих миллиардеров,— пишет газета «Франкфуртер рундschau»,— превысил 270 миллиардов марок. Их доля составляет 52 процента во всем промышленном обороте западногерманской индустрии, насчитывающем 529 миллиардов марок». 3,3 миллиона рабочих и служащих направляются ежедневно в конторы, цехи, фабрики, лаборатории, исследовательские центры этих гигантских компаний. Но даже и среди этих гигантов есть свои «богатые» и «бедные». Следует выделить семь фирм, годовой оборот каждой из них превышает 10 миллиардов марок.

Первенствует в клубе знаменитый «Фольксвагенверк», годовой оборот которого превышает 17 миллиардов марок. На его предприятиях работают свыше 190 тысяч рабочих и служащих. На втором месте стоит электротехнический концерн «Сименс», хотя и уступающий автомобильному гиганту по обороту, но превосходящий его по числу занятых рабочих. Их свыше 300 тысяч. Далее снова

следуют знакомые имена. В семерку входят: автомобильный гигант «Даймлер-Бенц», химические концерны «Байер», «Хехст» и «БАСФ», металлургический концерн «Тиссен».

О чем говорит этот список? Он начисто опровергает все утверждения о возможности накопления собственности трудящимися, которые не обладают первоначальным капиталом. Бросается в глаза, что речь идет о старых довоенных монополиях. Если вспомнить, что химические концерны «Байер», «Хехст» и «БАСФ» — официальные наследники «ИГ-Фарбениндустри», то ясно, что главенствующая семерка, работавшая в свое время на Гитлера и на войну, значительно укрепила свои позиции в сегодняшней ФРГ. Как тут не вспомнить, что владельцам недвижимого имущества, акционерам, предпринимателям после ликвидации третьего рейха удалось спасти капитал, который, по оценкам специалистов, составлял 600 миллиардов марок. Вот откуда ведет свою родословную клуб миллиардеров, вот откуда взялись деньги, положившие начало благосостоянию нынешнего правящего класса.

Другой характерной чертой экономической жизни страны является активно идущий процесс концентрации производства, сосредоточения капитала в немногих руках. Несмотря на закон о картелях, в течение одного 1971 года «слились» вместе 1411 фирм, совместный капитал которых составил пять миллиардов марок. Особенно сократилось — и на это обращает внимание пресса — число акционерных обществ. Как отметил коммерческий банк, за год отмечено исчезновение 27 акционерных обществ с 476 миллионами основного капитала.

Под термином «слияние», который не сходит сегодня со страниц западногерманских газет, вовсе не следует понимать равноправное объединение фирм. На самом деле это поглощение крупными промышленными, финансовыми и торговыми концернами их менее удачливых и более слабых конкурентов. По данным официальной статистики, в ФРГ в течение последних 20 лет прекратили существование около 200 тысяч мелких и средних предприятий, а также около 130 тысяч мелких магазинов и лавочек. «Все они, — как подчеркивает западногерманская газета «Ди тат», — были поглощены концернами».

Образование на основе поглощения конкурентов новых супер-концернов в ведущих отраслях, таких, как машиностроительная, металлургическая, электротехническая, ведет к их практически безграничному господству на рынках Федеративной Республики. К этому следует прибавить, что аналогичный процесс происходит в области финансового капитала. Концентрация промышленного и финансового капитала обеспечивает западногерманским концернам и банкам новые выгодные условия для завоевания господствующих позиций в рамках «общего рынка».

В этой связи невольно вспоминается усиленная кампания, которая ведется в ФРГ по пропаганде так называемого «рассеивания капитала» и участия рабочих в прибылях. Проникшие в печать сведения не оставляют камня на камне от этой демагогии. «Из всего списка,— отмечает «Франкфуртер рундшау»,— только семь компаний могут быть названы как акционерные общества, акции которых находятся в руках широкой публики. По крайней мере относительно них не известно, кто владеет контрольным пакетом акций». Что касается остальных, то, как констатирует газета, они недоступны широкой публике. Иначе говоря, абсолютное большинство клуба миллиардеров состоит из фирм, принадлежащих узкому кругу лиц, или из фамильных предприятий. Впрочем, имеет здесь свою долю и иностранный, прежде всего американский, капитал. Он владеет 20 из 69 крупнейших монополий.

Таким на деле оказывается общество свободного предпринимательства и равных возможностей. Если раньше предприниматели владели 70 процентами всей собственности, то ныне им принадлежит уже 74 процента. Их богатство растет с каждым годом, немудрено следуя закону: деньги к деньгам.

В Западной Германии в моде сейчас такой анекдот. Бюргер выворачивает жене дырявый карман и, с грустью качая головой, замечает: «В прошлом году сюда проваливались только пфенниги, а нынче в дыру пролезают даже марки».

Символическая дыра в бюргерском кармане действительно год от года становится все больше, поглощая прибавки к зарплате. Непрерывающийся рост цен вызывает серьезную озабоченность общественности ФРГ и прежде всего самостоятельно рабо-

тающих по найму, ибо они вынуждены нести основные тяготы, порожденные инфляцией. По образному выражению профсоюзного деятеля из земли Гессен Франца Фабиана, дело дошло до того, что после всех вычетов у некоторых семей «остается на пропитание меньше, чем предусмотрено казной на содержание полицейской собаки».

Оппозиционный блок ХДС/ХСС, поддерживаемый прессой Шпрингера, трубит повсюду, будто спираль инфляции раскручивают рабочий класс и профсоюзы, поскольку без конца требуют повышения зарплаты, и концернам, которые, дескать, несут убытки, ничего-де не остается, как снова поднимать цены.

Этому объяснению не приходится удивляться, ибо и сами буржуазные партии и пресса Шпрингера давно связаны с монополиями по всем основным вопросам экономики и политики, по сути дела, являются их рупорами. Подобное объяснение давно стало составной частью предпринимательского бизнеса, так же как и реклама, расходы на представительство, шпионаж за конкурентами.

На самом деле все обстоит иначе. Как подсчитала группа ведущих экономистов ФРГ, за полгода доля зарплаты на единицу продукции сократилась на три процента, а промышленная цена на продукцию в этой области, где производились исследования, поднялась на два процента.

Монополии хотят продолжать эту политику выколачивания сверхприбылей, ссылаясь на международную конкуренцию, на «общий рынок». Их задача — добиться замораживания зарплаты и снижения уровня жизни, переложив тем самым бремя валютно-финансового кризиса целиком на плечи трудящихся.

Однако лидеры западногерманских профсоюзов не могут не считаться с настроениями масс. Они официально заявили о том, что рост цен и инфляция зависят прежде всего от ненасытного стремления монополий к сверхприбылям. Председатель профсоюза металлистов заявил, что «профсоюзы ФРГ готовы защищать свою автономию в том, что касается заключения коллективных договоров, борясь против кого угодно и любыми средствами...»

Профсоюзы и поддерживающие их прогрессивные силы все настоятельнее требуют принять меры, которые ограничили бы про-

извол крупного капитала и высвободили бы средства для борьбы с экономическими трудностями. Но все пожелания профсоюзов или других общественных сил остаются без внимания. Монополии не желают уступать ни пфеннига из своих прибылей.

В экономической жизни ФРГ есть выразительные цифры. Они плохо укладываются в праздничные подарки бюргера. 15 247 граждан ФРГ платят налоги с состояния, оцениваемого более чем в миллион марок. Тридцать четыре самых богатых человека в Западной Германии получают со своей собственности годовую прибыль в размере более чем по 10 миллионов марок. Около 2380 западногерманских предпринимателей и капиталистов имеют ежемесячный доход в среднем 190 тысяч марок каждый. Неплохо быть миллионером. В среднем один из четырех тысяч западных немцев уже вырвался к заветному финишу. Эти цифры если частично и попадают в прессу, то выдаются за признаки здоровья и благосостояния всей нации. «Распределение собственности в ФРГ можно охарактеризовать лишь как скандал»,— заявляют эксперты.

Можно добавить: скандал, о котором далеко не всем известно, ибо приняты все меры, чтобы замаять его или представить как нечто обычное, само собой разумеющееся, свойственное не капиталистическому строю, а человеческой природе вообще. Вот почему западногерманский бюргер не замечает (или делает вид, что не замечает) и равнодушно проходит мимо фактов, само существование которых кажется чудовищным в середине XX века в такой внешне процветающей капиталистической стране, как Западная Германия.

...Дважды в неделю чопорная площадь перед знаменитым Мюнстерским собором (постройки XIII века) превращается в городской рынок. Совместных усилий крестьян Голландии (граница открыта) и Вестфалии вполне достаточно, чтобы угодить любому гастроному: фрукты, овощи, всевозможные колбасы, в любое время года богато декорированные цветами, предлагаются по ценам более низким, чем в магазинах. Несколько часов это торжище кричит, переругивается, наводя страх на голубей, обычно оккупирующих площадь. К половине второго (точно по указанию магистрата) все стихает. Крестьянские ларьки, прицепленные к автомобилям,

отбывают домой до следующей среды или пятницы. Остается голая площадь, усыпанная мусором: капустными листьями, увядшими цветами, разбитой посудой — словом, всем тем, что и продать нельзя и домой везти бессмысленно. Затем появляются муниципальные мусорщики, чтобы все убрать и навести порядок.

Но на какие-то пять минут раньше мусорщиков на площадь выходят женщины. Боязливо, воровато они появляются одна за другой и, стараясь не смотреть ни друг на друга, ни на окружающих, начинают что-то искать в отбросах. Теперь я вижу в руках у них сумки или мешки. Они лихорадочно роются в кучах брошенного мусора, быстро переходя от одной к другой, сумки и мешки заметно полнятся. Все это длится недолго и похоже на хорошо спланированный набег. Когда появляются мусорщики, все отбросы прочесаны, сумки набиты, и женщины так же безмолвно исчезают.

Видел я и другое. Как и во всяком старинном городе, в Мюнстере есть своя торговая улица — Принципиаль-маркт. Забирая центр города в кольцо, она не только визитная карточка Мюнстера, но и излюбленное место прогулок горожан. В зависимости от времени дня по ней дефилируют гимназисты, домашние хозяйки, чиновники, молодежь. Часам к десяти вечера она пустеет, хотя все торговые витрины освещены до полуночи. В эти вечерние часы мне встречались одинокие фигуры, словно призраки, бродившие от одной витрины к другой. Время от времени человек нагибался, находя на земле нечто достойное внимания. Скоро я понял, в чем дело. В эти часы на торговой улице Мюнстера люди собирали накопившиеся за день окурки. Собирали и, распотрошив табак, снова сворачивали сигарету, чтобы тут же закурить ее.

Знают ли об этом сами немцы? Я спрашивал студентов, своих знакомых мюнстеран. Большая часть из них доселе ничего не слышала об этом, да и не хотела слышать сейчас, считая все «пропагандой» (словечко, употребляемое в ФРГ в тех случаях, когда хотят сказать о чем-то сомнительном, двусмысленном). Значительно меньшая часть моих собеседников признавала существование подобных фактов или допускала возможность их реальности. Однако их реакция была, по существу, такой же: «Эти люди сознательно

не хотят работать и поэтому вынуждены побираться. Наша система дает каждому свой шанс».

Как распределяются эти шансы статистически, я уже говорил. Единицы становятся миллионерами, сотни тысяч идут на дно. Одними восторгаются, о других не хотят и слышать. Глаза многих устремлены туда, вверх, к ослепительному сиянию миллионов. Все богатство человеческих отношений сводится к примитивному алгоритму: выгодно или невыгодно. Во всем другом, если дело не касается денег, царит равнодушие. Исключения (безусловно они есть и их немало) только подтверждают общие правила.

Чтобы достойно закончить рождественскую сказку, стоит привести платное объявление (в этом и состоит его исключительность), появившееся накануне праздника во влиятельнейшей буржуазной газете «Франкфуртер альгемайне». Старая женщина обращается из открытого окна: «Посетите меня еще раз...» Внизу покрупнее — призыв: «Старики нуждаются в любви». Еще ниже петитом набраны строки полицейского протокола: «В течение дня были найдены мертвыми в своих жилищах четыре старика и один рантье, умершие в одиночестве. Во всех случаях предполагается естественная смерть». Далее идут сентенции. «Не живут ли в наших домах старые люди, пожилые супружеские пары, мимо дверей которых до сих пор вы проходили без внимания? У нас Адвент¹, подготовка к рождеству, празднику любви. Позвольте пробудить любовь в ваших сердцах! Посетите старых одиноких людей! Пусть благодарные люди постоянно находят нашу любовь и помощь. И тогда это наверняка будет прекраснейший и счастливейший праздник рождества, ибо мы принесли радость другим людям...»

Сам текст не нуждается в комментарии. Парадоксальность его появления состоит в том, что если сегодня в ФРГ и говорится о любви к ближнему, то просто так, даром, эти увещевания никто не хочет ни слушать, ни печатать. Читателям, как и слушателям, надо платить. Любовь к ближнему и в прямом и переносном смысле стоит денег.

¹ Так называется каждое из четырех воскресений, предшествующих рождеству.

Бонн еще не видел таких демонстраций. На тракторах, комбайнах, сельскохозяйственных машинах всех европейских марок, выкрашенных в самые немыслимые цвета, недовольные и возбужденные шестьдесят тысяч крестьян запрудили городские улицы.

Прохожие и зеваки испуганно жались к домам, порой не понимая, что выкрикивают демонстранты на всех своих диалектах. На лозунгах и транспарантах, укрепленных на радиаторах и кабинах машин, были написаны требования западногерманских крестьян: «Мы хотим жить», «Мы производим — другие наживаются», «Мы получаем все меньше, потребители платят все больше». С 1928 года страна не видела столь массовых крестьянских волнений, и никто, кроме специалистов, и не подозревал о существовании подобных аграрных проблем.

В представлении обывателя крестьянин прежде всего служил темой для карикатур иллюстрированных журналов: высмеивались его медлительность, расчетливость, деревенский консерватизм. Реакционная пресса всегда старалась поссорить деревенского жителя с городским (старый испытанный веками прием натравливания рабочих на крестьян, противопоставление их классовых интересов). Как правило, всякий раз, когда вдруг начинают подниматься потребительские цены, — раздувается шумная кампания: как прекрасно живут крестьяне, на каких «мерседесах» они ездят, в каких университетах учатся их дети. Когда на городских базарах, где-нибудь возле провинциальной ратуши или собора, наблюдаешь за этими спокойными, держащимися неторопливо и с достоинством людьми, видишь кадушки с золотым маслом или парад овощей, выложенных на прилавке, действительно кажется на первый взгляд, что живут они без забот. Тем более, что цены, которые они запрашивают, куда ниже тех, что в крупных универмагах. И вдруг все привычные представления изменились в тот день, когда по всей стране прокатилась волна крестьянских бунтов (иначе их и не назовешь).

«Крестьяне чувствуют себя неуверенно,— лицемерно писала шпрингеровская газета «Ди вельт».— Они понимают, что получают за свою работу слишком мало». Термин «неуверенность» в переводе на крестьянский язык означает разорение. Ни одна социальная группа трудящихся в сегодняшней ФРГ не может сравниться по своему положению с фермерами. В соответствующем сопоставлении с другими профессиями крестьянский труд оплачивается на треть дешевле. Почти три миллиона человек (миллион семьсот тысяч — мелких землевладельцев и миллион двести тысяч — наемных рабочих) лишены медицинского обслуживания и других видов обязательного страхования. Полмиллиона человек, достигших преклонного возраста, владят фактически полуголодное существование, получая нищенскую пенсию.

Катастрофическое положение обуславливается многими слабеющими. И прежде всего следует назвать все те же ножницы, типичные для капиталистического сельского хозяйства во всех странах: растет себестоимость продуктов, а оптовые цены катятся вниз. Сами крестьяне поведали об этом ничего не подозревавшим гражданам. Оказывается, в то время как за последние годы розничные цены на масло удвоились, для фермеров закупочная цена упала на десять процентов. Одновременно резко повысилась стоимость строительных материалов и сельскохозяйственного инвентаря, возросли все непроизводительные расходы. В этих условиях выживать мелкому фермеру становится все труднее. Землевладельцы вынуждены продавать свои фермы и уходить в город. С 1949 года, выражаясь официальным языком, было «вытеснено» 778 000 крестьянских хозяйств.

1971 год был особенно «урожайным» — разорилось почти 82 тысячи фермеров. В конце 1972 года в стране 62 процента хозяйств имели менее 10 гектаров и лишь 16 процентов — свыше 20 гектаров земли.

Таковы результаты экономической политики, которая проводится в современной западногерманской деревне. Цель ее была сформулирована в одной из последних официальных программ ХДС/ХСС как «улучшение сельскохозяйственной структуры в узком смысле этого слова...» Речь идет о насильственном, сознательном

вытеснении государством мелкого и среднего крестьянства и создании за его счет, на экспроприированных землях, крупных фермерских хозяйств, соответствующих современным капиталистическим стандартам.

В послевоенные годы сельское хозяйство страны значительно сократило свой традиционный отрыв от промышленности, вплотную приблизившись к ней. Современные методы ведения хозяйства, общий научно-технический прогресс открыли эту некогда консервативную по духу и традициям область экономики для притока постороннего капитала. Как всегда бывает в подобных ситуациях, моментально начался обратный процесс: монополистический капитал ускорил концентрацию и капитализацию в деревне. Однако как ни бурно развивались эти тенденции, нельзя забывать, какой всегда была западногерманская деревня. В отличие от своих соседей — итальянцев и французов — немецкий фермер привык работать в одиночку не на внешний рынок, а на государство, точнее говоря, на армию. Это определяло как характер производимой им продукции, так и весь традиционный деревенский уклад. И хотя монополии стремительно внедряются в сельское хозяйство, условия для этого процесса объективно не созрели.

Вот почему монополии вынуждены прибегать к государственному вмешательству, осуществляющему капиталистическую концентрацию в деревне жестоко и целенаправленно. Начало ему положил принятый в 1955 году федеральным правительством находящимся тогда у власти ХДС/ХСС закон о сельском хозяйстве. Пути его осуществления намечаются в «Зеленых планах», ежегодно разрабатываемых федеральным министерством продовольствия, сельского и лесного хозяйства.

В ход идут прежде всего главные регуляторы — государственные субсидии и кредиты.

Это немалые деньги. Ежегодно крестьянство получает 920 миллионов марок прямых субсидий, которые уходят из кармана налогоплательщиков. Это блестящий пример того, как в интересах монополий государство пытается разрешить противоречия капитализма за счет рядовых граждан. Диспропорция в общем развитии хозяйства, связанная с отставанием сельскохозяйственных отраслей,

влияет на общий ход экономического воспроизводства. Чтобы избежать кризиса, государство и регулирует процесс развития капитализма в деревне, разумеется, в интересах монополий.

В «Зеленых планах» четко отделены так называемые «перспективные хозяйства» от других крестьянских ферм. Это весьма важная деталь, так как в сельском хозяйстве царит огромная раздробленность. Подавляющее большинство хозяйств — это мелкие, площадью от 5 до 10 гектаров. Перспективные фермеры (размер усадьбы от 15 гектаров и выше) всячески поддерживаются государством и имеют определенные преимущества при получении кредита и погашении займов. Мелкие и средние фермеры представлены практически произволу рыночного хозяйства. По официальным данным, почти пятьдесят процентов крестьян работают с убытком. Лишенные долгосрочных государственных кредитов, они вынуждены идти в кабалу, залезать в долги. Общая задолженность в сфере сельского хозяйства ФРГ составляет почти 27 миллиардов марок. Каждый год она возрастает еще на миллиард в основном за счет мелких и средних производителей. Эта сумма почти соответствует всей выручке, которую крестьяне получают за год от продажи своей продукции. Цель подобной политики и не скрывается: необходимо создать крупные капиталистические фермы, способные крепко стоять на собственных ногах. Что касается мелких хозяйств, то официально планируется, что в ближайшее десятилетие 740 тысяч «бесперспективных» ферм прекратят свое существование.

Другой широко практикуемой формой насаждения современных капиталистических хозяйств в деревне является создание так называемой вертикальной интеграции. Это типично западногерманское изобретение, обусловленное спецификой развития деревни. Его идея принадлежит монополиям, связанным с переработкой сельскохозяйственного сырья и продажей готовой продукции. В последнее время к ним присоединились производители сельскохозяйственных машин.

Суть вертикальной интеграции состоит в поощрении договорных отношений между монополиями и самими крестьянами. Создается своеобразный конвейер производства, тянущийся от фермы

до торгового рынка. Он управляется и направляется из единого центра, в данном случае монополией, обладающей большими экономическими возможностями. Крестьянин, связанный с вертикальным конвейером, ничем не отличается от промышленного рабочего. Он так же прикован к своему рабочему месту, так же должен выдерживать заданный ритм и выполнять все распоряжения администрации, обусловленные в договоре. Он должен точно и в срок, по определенным ценам, поставлять продукцию высокого качества. В случае невыполнения обязательств он разоряется, и его место у вертикального конвейера занимает другой.

Характер договорных отношений таков, что при кажущемся равноправии сторон все выгоды получают монополии. Парадокс состоит в том, что, существуя в условиях свободного рыночного хозяйства, фермер лишен возможности ими пользоваться. В годы больших урожаев хозяева не гарантируют закупку всей произведенной продукции, так что фермер вынужден сам продавать свой товар при неблагоприятной конъюнктуре рынка. И, наоборот, в случае недорода и эпидемии, когда нет возможности выполнить обусловленные в договоре поставки, фермер платит большие штрафы.

Так с помощью рычагов вертикального конвейера западногерманское крестьянство втягивается в капиталистическое воспроизводство. Этот процесс практически уже охватил все отрасли. Достаточно сказать, что половина переработки мяса в стране сосредоточена в руках крупнейших монополий. До трех четвертей производства бройлеров ФРГ осуществляет фирма «Ломанн унд К». Целиком монополизирован рынок зерновых. Полностью охвачено вертикальным конвейером производство и торговля молоком.

Таковы основные тенденции государственной аграрной политики ФРГ, которые сводятся к одному — превращению сельского хозяйства в современную область капиталистической экономики и согласование его структуры с общеевропейскими стандартами в рамках Европейского экономического сообщества.

Манипулируя на внутреннем рынке во имя своих прибылей судьбами западногерманских фермеров, монополии не ограничиваются этим. Крестьяне служат разменной монетой и в отношениях

стран — участниц «общего рынка». С первых же шагов европейской интеграции было ясно, что она ставит сельское хозяйство ФРГ в неравные условия острейшей конкурентной борьбы. Однако западногерманский финансовый капитал заведомо соглашался на это. С помощью интеграции монополии пытаются разрешить те проблемы, которые пока не под силу национальной аграрной политике, — создание продовольственно-сырьевой базы, соответствующей общему уровню промышленности. Одновременно, жертвуя интересами крестьянства, монополии выигрывали огромные преимущества для сбыта промышленной продукции в странах сообщества.

Что касается аграрного рынка, то крестьяне ФРГ пока не в состоянии конкурировать со своими коллегами из других стран. Занимая в сообществе третье место по объему производимой продукции, западногерманские фермеры уступают французским по большинству абсолютных показателей. Однако даже там, где они занимают первое место — по производству мяса, молока, масла, — их товары не выдерживают конкуренции. И это в первую очередь объясняется, как уже говорилось, особенностью национального развития немецкой деревни: ориентацией на внутренний рынок, преобладанием количества над качеством. Себестоимость производимой продукции весьма высока. Поэтому ФРГ остается крупнейшим импортером сельскохозяйственных товаров из всей девятки.

Политика ЕЭС в области сельского хозяйства вызывает широкое недовольство. По всей Западной Европе катятся крестьянские бунты и мощные демонстрации. Наиболее впечатляющая из них состоялась в апреле 1971 года в Брюсселе перед квартирой ЕЭС.

Во время демонстрации, после ее окончания произошли столкновения фермеров с полицией. В итоге — один человек убит и 150 получили ранения. Причиненный ущерб составил 100 миллионов бельгийских франков. 21 человек был арестован, им предъявили обвинения в уничтожении частной собственности и сопротивлении полиции. Инициаторами интернациональных демонстраций выступали западногерманские крестьяне.

Напуганное угрожающими размерами, которое приняло крестьянское движение, правительство ФРГ решило предоставить фермерам финансовую помощь в размере 480 миллионов марок

в виде дополнительных субсидий. Каждый крестьянин получил по 30 марок на гектар в виде прямых выплат. Остальные деньги пошли на социальные выплаты, на пенсии по старости и страхованию. Однако основные фермерские организации «Немецкий крестьянский союз» и «Христианско-демократический союз» подвергли критике эту программу как краткосрочную меру, которая не облегчает существенно положение крестьян. Жизнь показала их правоту. В правительственном докладе по сельскому хозяйству за 1970—1971 годы содержатся малоутешительные цифры. Согласно докладу разница между доходами в сельском хозяйстве и промышленности еще больше увеличилась. В то время как зарплата рабочего выросла на 14 процентов, доход крестьянина упал на 10 процентов.

Когда прекратятся субсидии за ревальвацию марки, положение крестьян еще более ухудшится. Они могут рассчитывать только на собственные силы. По подсчетам экономистов, в результате окончательной интеграции общий уровень цен упадет еще на 6—7 процентов. Для западногерманского крестьянства это означает уменьшение ежегодного дохода на 1,2—1,5 миллиарда марок.

Позиции, занятые монополиями в европейском сообществе, в сочетании с политикой регулирования на внутреннем рынке привели к резкому сокращению числа занятых в сельском хозяйстве. За десять лет из деревни ушло в город на заработки два с половиной миллиона человек. Однако это только начало. Согласно второму «плану Масхолта», носящему имя бывшего вице-председателя комиссий ЕЭС, численность занятых должна сократиться еще на 5 миллионов. Причем на долю ФРГ выпадает миллион с лишним. Вчерашние фермеры займут свое место у ворот предприятий, принадлежащих все тем же монополиям.

Выступая в октябре 1972 года на съезде свободно-демократической партии, министр продовольствия Йозеф Эртль подчеркнул, что валютные потрясения обостряют проблемы аграрной политики ЕЭС. Ревальвация марки ухудшает положение западногерманского крестьянства. «Проводившаяся до сих пор сельскохозяйственная политика «общего рынка» не достигла своей цели ни в решении

проблемы доходов, ни в обеспечении будущего сельского хозяйства, ни в решении социальных вопросов крестьян».

Вот против такой политики и протестуют западногерманские крестьяне. Они требуют повышения оптовых цен, предоставления долгосрочных кредитов, увеличения пенсий и пособий по трудоустройству. За все это, как указывается в заявлении Германской коммунистической партии, должны платить монополии. Сами фермеры уже начинают понимать это. На своих собраниях в Дармштадте и Штутгарте крупнейшие крестьянские союзы обратились к рабочим с призывом выработать совместную программу в борьбе против монополий.

ДЕНЬГИ — ГОСПОДА

Человеку, приехавшему из другого, нашего, мира, все это поначалу кажется чем-то непонятным. Так бывает в тяжком сне, когда невесть откуда наваливается нечто необъяснимое.

Сопоставляя виденное день за днем, начинаешь улавливать, каким образом капиталистическая система доводит человека до полной противоположности homo sapiенсу. Бесспорно, первейшую роль здесь играет культ денег. Со стороны особенно заметно, как деньги приручают человека, и он в конце концов становится их рабом. Я бы назвал этот процесс воспитание деньгами.

Краеугольной осью, на которой крутится глобус западного мироздания, является идея: «Деньги — это все». Нескрывающая своей наглой безнравственности, она всегда согласуется с окружающей действительностью и проявляется буквально во всем.

...Товары высшего сорта упакованы в бронзовую (под золото), похуже — в серебряную бумагу.

...В витринах сберегательных касс всегда выставлены золотые монеты.

...В лотереях (проводятся они часто и повсеместно) — выигрыши только денежные.

...В телевизионных квисах призы как утешительные, так и настоящие, выдаются золотыми жетонами (настоящими или фальшивыми, но все равно сделанными «под золото»).

...Суперсовременные здания, самые просторные автомобильные стоянки — у банков и страховых компаний.

...В знаменитой Михаэль-кирхе, в Гамбурге, на молитвенных ложах прибиты медные таблички «Принадлежит таким-то». Ложи выглядят основательными, просторными, совсем как бельэтаж в хорошем оперном театре. Я хотел войти в одну из них. Служка запретил: «Нельзя, частная собственность».

...В мюнстерских университетских клиниках сиделками бесплатно работают монахини. К их услугам прибегают в особо тяжелых случаях: монахини несут свой крест не за страх, а за совесть. Не знаю, как происходит оценка содеянного на небесах, но на земле она явно несправедлива. На кладбище человеколюбивые сестры теснятся под малюсенькими надгробиями черного лабрадора, тут ни о каких трех аршинах, отпущенных человеку, не может быть и речи. Зато их богатые пациенты покоятся в фамильных склепах, обеспечив себе за соответствующие деньги землю и похороны по высшему разряду.

...Миловидная девушка на обложке иллюстрированного журнала держит в руках сберегательную книжку. Подпись: «Книга с будущим — сберегательная книжка».

...Элегантные ноги невидимого бездельника протянулись через плакатный лист. Мораль: «Мои деньги работают за меня в сберегательной кассе».

Выразительно найденные сочетания текста и рисунка снова и снова уверяют вас на каждом шагу: «Ваши деньги принесут большие деньги». «Каждый может стать богатым». «Пока у вас есть время и деньги, подумайте о будущем своих детей» и так далее и тому подобное... И тут же вам предлагается легенда о магическом свойстве денег делать людей счастливыми и благородными. Такую легенду поведало миллионам зрителей западногерманское телевидение, показав фильм «Одно дело, одна семья, одна легенда».

да», посвященный династии Круппов. Оказывается, всех Круппов очень волновало, как следует распорядиться своими доходами. Не случайно, подчеркивают авторы фильма, Круппы были спокойны лишь тогда, когда помогали своим рабочим. На экране появляются больницы, дома для престарелых, пансионаты, построенные стальными королями. Деньги сделали счастливыми одновременно и династию Круппов и работавших на них 91 тысячу западногерманских рабочих. Словом, деньги — панацея для всех и от всего.

Воспитание деньгами построено социологически таким образом, что оно охватывает все социальные слои, группы, ячейки. Абстрактность и конкретность делают деньги и общим букварем и общей розгой одновременно. Но и это оказывается не все.

Деньги вступают в жизнь западного человека вместе с молоком матери. Первый подарок на рождество — копилка с надписью «Мой первый миллион». В дальнейшем дети получают игрушечную чековую книжку, лото для игры в деньги, сами так называемые «детские деньги». Детская активность в этом возрасте сознательно сводится к денежному выигрышу или расчету. В школе этот навык закрепляется.

Чтобы не быть голословным, приведу примеры, взятые наугад из немецкой грамматики. Совершенство языка Гете и Шиллера демонстрируется здесь на следующих примерах. «Он живет теперь у богатых людей». «Богатые должны помогать бедным». «Сильным принадлежит мир». «Несмотря на помощь своего богатого дяди, юноша не добился успеха в своей профессии». «Знаете ли вы этого знаменитого актера, который живет в дорогом отеле?» И так на каждой странице. Иной раз просто диву даешься авторской целеустремленности. Мне (как бывшему преподавателю русского языка) всегда казалось, что «хороший» и «большой» классические примеры прилагательных. В немецкой грамматике оперируют прилагательными «дешевый» и «дорогой». Все же некоторая скидка на возраст сделана. Вместо слов «деньги» обходятся всевозможными эффемизмами.

Как проходит воспитание деньгами в более поздние годы, можно судить по фильму, который мне довелось посмотреть.

...Пожилой, опустившийся человек в каком-то подвале, где он,

очевидно, обитает, размышляет о смысле жизни. Он ходит по трющобе, время от времени подходя к столу, на котором лежит ветошь. Он поднимает старый чулок, из которого сыпятся монеты. Потускневшие от времени, они только по форме и напоминают марки. Жизнь бессмысленна. Кажется, ничто не может обрадовать старика. Но вот у него мелькает какая-то идея. Он вскакивает, ссыпает монеты в чулок и убегает.

Следующие кадры переносят зрителя в сберегательную кассу. Старик трясет чулки над прилавком. Монеты, звеня, разбегаются. Их звон и движение — олицетворение радостей жизни. Старик оборачивается к зрителю и... с экрана смотрит пожилой, преображенный джентльмен. Он элегантен, самоуверен, полон энергии. У дверей сберкассы его ждет собственный «мерседес», который мчит его к загородному дому. И хотя на протяжении всего фильма джентльмен не произносит ни слова, смысл происходящего ясен: не копите денег, они должны работать на вас. Пущенные в дело, они вернут вам молодость, энергию, место в обществе.

Круг замыкается. От рождения до смерти человек слышит звон монет и шелест банкнот, видит деньги, ставшие эликсиром жизни, ежечасно ощущает их всеисильность, на собственном опыте убеждается, что они действительно не пахнут. Скоро он начинает считать, что так и должно быть. Кроме денег, его ничего не интересует. Он становится замкнут, равнодушен, его одолевают комплексы. Алленбахский институт демоскопии так характеризует современного западного немца. Только 38% из опрошенных взрослых удается непринужденно вступить в разговор с чужими людьми. Остальные неконтактны. Легче всего это удается самостоятельным бизнесменам и людям свободных профессий — 55%. Особенно контактны подсобные рабочие — 30%. Еще бы, им приходится искать работу!

Убежденный в демократичности общества «равных возможностей», бюргер берется за дело сам: он начинает делать деньги. К чему это приводит, уже известно. Закон относительного и абсолютного обнищания действует в ФРГ с неумолимой классовой логикой. В один прекрасный день, как пророчествует английский экономист Д. Мид, в стране останется лишь горстка «мультикульту-

тимиллионеров и масса неимущих потребителей». В этом «чудесном раю», ожидающем Западную Германию, распределение дохода и капитала будет неумолимо следовать сегодняшней пропорции, когда 1,7% «сливок» общества владеют 35% частной собственности.

В ТЕНИ ИДОЛА

Напротив ратуши на осевой Принципиаль-маркт стоит пожилой вахтмейстер. Зеленый мундир, клеенчатая фуражка с десятиконечной белой звездой, мягкая кобура под прорезью плаща. Она такая же достопримечательность Мюнстера, как собор или сам епископ. Тип подобран психологически точно. Когда он перекрывает движение и пропускает лишь велосипеды школьников, его пожилое лицо в красной сети морщин — от солнца и непогоды — расплывается в улыбке. Руки в белых перчатках приветствуют нас — иностранных студентов. В ответ на поклон бургомистра он торопится отдать честь. Со стороны это выглядит символично: союз власти и порядка.

У его коллег — «белых мышей» более хлопотливые обязанности. «Белыми мышами» — за белый цвет их машин и мотоциклов — прозвали дорожных полицейских. В грозу и снежную пургу, что особенно опасно где-нибудь в Баварии, они не спеша ползут по автострадам, надоедливо завывая сиренами, словно циклопы, подмаргивая синим глазом — вращающейся вертушкой на крышах своих «фольксвагенов». Они всегда готовы прийти на помощь и делают это достаточно виртуозно. Из нескольких аварий, виденных мною, запомнилась одна, где-то под Вупперталем. На обгонной полосе шоссе лежал человек, прикрытый рогожкой. Он был мертв.

Группа полицейских, вооруженных всеми мыслимыми и немыслимыми инструментами, обмеривала, проверяла, фотографировала

место катастрофы, в которой столкнулось несколько машин. На следникам и оставшимся в живых еще предстояло получить страховку, и тут можно быть уверенным: полиция выяснит все обстоятельства точно.

Пожалуй, самые неприятные обязанности у вспомогательных полицейских отрядов (берейтшафтсполиция). С приглашением и без они заботятся о порядке во время всевозможных публичных церемоний. Конечно, это выглядит достаточно комично: демонстрация, так сказать, волна народного гнева — в сопровождении полицейских мотоциклов, услужливо прокладывающих для нее дорогу в часы пик. Свадьбы и траурные процессии, предвыборные митинги и политические шествия, собрания и карнавалы с благоговения законов, а значит, и под сенью полицейской дубинки. Добавьте к этому чисто немецкие изобретения вроде бесчисленных оранжевых будок вдоль автострад с символическим названием «крик души». В них стоят телефоны, по которым надлежит сообщать об авариях и катастрофах. Или отличный хор полицейских, выступающий, скажем, перед рождеством с концертом в каком-нибудь благотворительном госпитале. Становится ясно, почему во всех своих ипостасях полицейский казался бюргеру таким ангелом-хранителем, апостолом порядка и правды на земле.

Но вдруг неожиданно выяснилось, что у полицейского идола есть тень. Оказалось, что он не только регулирует, но и машет дубинкой, не только защищает, но и убивает. Зеленые мундиры окропились красной кровью. Во время мирной студенческой демонстрации, организованной в рамках закона, был застрелен студент Б. Онезорг. Его убийца, опять-таки в соответствии с существующими законами, был оправдан. Несколько месяцев спустя при умирании студенческих беспорядков погибли фотограф К. Фринс и студент Р. Шрек. На сей раз полиция сама не стреляла, а только провоцировала столкновения. Но виновные все равно не были обнаружены. В действиях ангелов-хранителей и апостолов на земле отчетливо есть определенная тенденция: дула полицейских автоматов всегда повернуты против бюргера, которого они, согласно закону, должны оберегать. Они защищали газетного короля Шпрингера от его читателей, «демократическое» правительство от его

подданных. И именно в таком виде полицейская работа оказалась вдруг самой нужной и необычайно ответственной. Прежние силы уже не справлялись с ней. Было объявлено, что 17 тысяч вспомогательных полицейских слишком мало для поддержания порядка. Срочно набираются еще 4300 плюс специальный отряд для Западного Берлина, в котором особенно сильны левые студенческие организации и который, как известно, ФРГ не принадлежит.

Тень от полицейского идола продолжала расти, смещая привычный образ. И хотя вахтмейстер напротив ратуши так же элегантно жестикулировал в белых перчатках, дети перебегали дорогу сами, взрослые не отвечали на его улыбку.

Пrestиж полиции был спасен обычным способом: за деньги. Газеты, дотеле возмущавшиеся ее действиями, как по команде, повернули на 180 градусов. Критика уступила место безудержной рекламе. Вот улыбается с газетной полосы «человек на перекрестке» в элегантной, вздернутой на эсэсовский манер фуражке, преуспевающий и молодой. «Всегда новые лица... Профессия, которая сводит вас ежедневно со многими людьми»,— утверждает он. «Возможно, именно в полиции вам предоставляются особые шансы?» — спрашивает другой, более пожилой, но не менее самоуверенный полицейский. «Вербуйтесь, вступайте, достаточно лишь открытки с Вашим адресом».

Мне пришла дерзкая мысль: а не попытаться ли мне побывать в полицейской школе имени Курта Зевринга, которая так настойчиво зазывала граждан? Какие такие «особые шансы» они им предоставляют? Я не стану рассказывать, как это удалось осуществить. У журналистов тоже есть свои секреты. Скажу лишь, что был не только первым журналистом, но и вообще первым советским гражданином, побывавшим (по своему желанию) в гостях у западногерманских полицейских.

...Четвертушка бумаги, отнюдь не рассчитанная на обычное словоизлияние. Несколько непривычный стиль — не поймешь, то ли приглашают, то ли приказывают явиться. Будем считать, что приглашают: «Вам разрешено посещение школы. Предлагается время 9.00. К назначенному времени прошу Вас прибыть в главную канцелярию». Подпись: Геберт. Чувствуется, это уже не газетная

реклама. Люди заняты серьезным делом, попробуй не прибудь. Поэтому без пяти девять с моим товарищем, как и я, студентом Института публицистики, стоим у огромных, забранных решеткой ворот. Приглашение служит пропуском. Часовой улыбается, вызывает подчаска. Нас ведут по длинным коридорам в приемную, откуда в кабинет. Из-за стола поднимается господин Г. Геберт, оберрат (чин, соответствующий нашему полковничьему), заместитель директора школы.

Вспоминая сейчас нашу беседу, думаю, что господин Геберт вполне мог бы сам сниматься для полицейской рекламы. Военная выправка в сочетании с великолепной пластикой движений. Хорошо поставленный негромкий голос с уверенными интонациями. Манеры хлебосольного хозяина, любителя пива и радостной жизни. Мы провели вместе несколько часов, и, откровенно говоря, он вызвал у меня восхищение. За чашкой кофе остроумный, радушный хозяин, словно у себя дома — особняк, два авто, сад,— а не в полицейском кабинете, излагал свои взгляды.

— Русские? Я сам и, насколько мне известно, мои друзья относимся к ним хорошо. У нас русские вызывают симпатию своей революцией. Конечно, так, как они жили, жить было нельзя. Все это есть в программах школы: абсолютная монархия, французская революция, царская Россия, русская революция. Мы мыслим достаточно широко, чтобы понять, как необходима была России революция. Новый строй, новое государство всегда вызывают симпатии прогрессивных людей. По традиции полицейские чиновники — люди социал-демократических взглядов, но примерно одна треть придерживается более левых убеждений. Среди полицейских есть люди, настроенные даже... прокоммунистически. Да, я сам читал Ленина и Маркса. Кое-что из их трудов есть у меня дома...

«Стоп,— произношу я мысленно,—конец преамбулы». И он действительно останавливается. Я уже привык к такому началу. Многие немцы, с которыми я разговаривал в ФРГ, или участвовали в Сопротивлении или имели друзей коммунистов. Это вам говорят в первые же минуты знакомства, одновременно вручая визитную карточку. Зато я не встретил ни одного, который попы-

тался бы вспомнить, что он убил или повесил кого-нибудь. Господин Геберт — не исключение.

— В школе нас не интересуют настроения воспитанников. Собственные взгляды могут пригодиться им только дома: там занимайтесь словесной эквилибристикой сколько угодно. Первая заповедь полицейского гласит: как человек ты можешь исповедовать любые мысли, как чиновник при исполнении своих обязанностей ты обязан молчать. Политика — не наше дело. Мы стоим на почве закона и этому стараемся научить своих воспитанников. Они должны здраво мыслить, правильно оценивать события в рамках закона. Мы предлагаем им различные источники, сталкиваем противоположные точки зрения. Тут для нас незаменимы те люди, о которых я уже говорил: преподаватели с различными взглядами. Работая с воспитанниками, они излагают все «про» и «контра». Так лучше усваивается суть нашей демократической конституции. Наш девиз — древняя поговорка: «Суров закон, но закон».

Чтобы еще раз подтвердить свою мысль о «независимости» полиции от политики, он ссылается на то, что профсоюз, в который входят полицейские, выступал против «чрезвычайных законов». Профсоюз настаивал, чтобы в случае войны полицейские не использовались как регулярное войско, а сохраняли свои «гражданские обязанности». Для них это чревато тяжелыми последствиями в случае, например, плена. Полицейские считают себя гражданскими людьми на государственной службе и всячески подчеркивают, что у полиции и бундесвера разные обязанности, задачи, права. В конце концов соответствующее исправление было внесено. Не правда ли, лишнее доказательство того, что полиция хочет лишь верно, а главное законно служить государству?

И, наконец, последнее.

— С годами становится труднее служить. Когда-то я начинал в этой самой школе. Все было куда доброжелательнее: отношение населения, реакция газет, то, что называют теперь общественным мнением. Сегодня полицейскому нелегко работать, и не только работать, но и жить. Люди избегают носить форму. Все словно сговорилось против нас. Сплошь и рядом во время уличных беспорядков страдает столько же полицейских, сколько и

студентов. Но газеты сообщают лишь о студентах, а о нас забывают...

Я молча слушаю господина Геберта, вежливо кивая ему, а сам думаю: что если бы привести полковника к присяге — говорить правду, всю правду, только правду... Как бы выглядела тогда наша беседа?

Верит ли он сам в «независимость» полиции от политики? В ее «надклассовость»? Ведь эти понятия давно стали мертвыми словами, как и породившие их когда-то «свобода», «равенство», «братство». Полицейского бюргер видит только в анфас, выдаваемый за целое, играющий на самом деле сугубо декоративную роль. Трудно даже представить, что делается ради создания в представлении народа образа «демократического», «народного» полицейского. Легенда о нем исходит прежде всего из необходимости и вытекающей отсюда законности существования полицейских войск. И эта необходимость, конечно, толкуется в полном соответствии со стремлением выдать буржуазное государство за народное, а его законы и мораль — за общечеловеческие, надклассовые. Каждая земля имеет свои отряды, свою строгую иерархию подчинения полиции штатским властям. («Помните, у Монтескье? — напомнил мне полковник. — Та же идея рассредоточивания власти. У нас никому не дано злоупотреблять своим положением».)

Утвердив полицейского на почве закона, легенда (разумеется, за государственные деньги) широко рекламирует его как человека. Постепенно население привыкает к «другу» и «советчику», обаятельному образу «человека на перекрестке», всегда готовому прийти на помощь.

Вахмейстер предстает в глазах бюргера таким стражем порядка, вознесенным над толпой и страстями, над политическими партиями и земными схватками. Для него существует только закон. Чтобы избежать той непопулярности, которой обладают в глазах широких масс бундесвер и военная служба, функции полиции и войск резко разграничены. «Поэтому-то наши формирования подчинены министерству внутренних дел, а не военному, — предупредил Геберт. — Бундесвер не имеет никакого влияния на нас, хотя мы и работаем в контакте».

Таков официальный образ западногерманского полицейского. Но стоит заглянуть в тень, отбрасываемую идиологом, перед глазами предстает иной мир. Как в приглашении, присланном мне, здесь все по-военному твердо, четко, целесообразно и, если нужно, жестоко. Ничего лишнего, никакой игры в демократию. Все подчинено идее укрепления существующего порядка и государственности. Это понимаешь с первой же минуты. Нет, далеко не каждый может стать полицейским, хотя широко разрекламировано, что на службу принимают «без оглядки на происхождение, расу, вероисповедание, религиозные или политические взгляды».

Прежде всего поступающий обязуется в любое время защищать «западногерманскую демократию», гарантированную конституцией. Кроме того, он должен обладать «хорошей репутацией», окончить «народную школу», не иметь за собой «никакой вины» и т. д. (Разумеется, под «хорошей репутацией» и отсутствием «вины» понимается прежде всего политическая благонадежность.) Необходимо к этому добавить: «особенно хорошее физическое сложение и рост не менее 168 см» (я привожу только важнейшие из девяти условий, которые обязательны при поступлении на полицейскую службу). Ясно, что не всякий может рассчитывать попасть в школу Карла Зеверинга, отнюдь не офицерскую — первую ступень на долгом пути восхождения к комиссарским звездам.

Почему же первую? То, что может показаться незначительной деталью, на самом деле — жесткая закономерность буржуазной государственной машины. В тех же правилах для поступающих записано, что в Северном Рейн-Вестфалии в полицию принимаются лишь люди, которые избрали ее как «профессию всей жизни». Полицейский не может уйти в отставку раньше определенного возраста. Даже ранение не спасает его. В этом случае он только выполняет другие обязанности. Так, отобрав для себя нужных людей, жесткая рука министерства внутренних дел медленно, но неуклонно двигает новобранца с одной ступени на другую.

Начальное общее образование и несколько лет практики, затем специализация и снова работа, но на сей раз в избранной области, наконец, венец всего — высшее общее образование (институт в Хилтруппе, готовящий кадры для всех земель) с учетом новейших

достижений психологии, социологии, техники. «Совсем не просто пройти путь от вахтмейстера до комиссара»,— предупреждают правила.

Прохождение службы обусловлено четкой сеткой экзаменов, поощрений, надбавок, льгот. За эти годы зарплата полицейского чиновника вырастает приблизительно в четыре раза. Закон и деньги рука об руку создают определенный тип полицейского. Только уяснив эти принципы воспитания, можно понять, почему с такой легкостью поворачиваются против народа автоматы всех полицейских соединений.

У меня сохранился учебный план общего образования для всех поступающих в школу. Наряду с историей, немецким языком и литературой на первом месте стоит полицейский правопорядок (4 часа в неделю), уголовный кодекс и уголовное право (10 часов), история полиции и криминалистика. Их подкрепляют стрельба, изучение оружия, физкультура (11 часов) и профессиональная этика (нечто среднее между религией и самоутешением). С первых же занятий молодому новобранцу не только вдалбливают основные законы и конституцию ФРГ, но и всячески внушают, что для их защиты все средства, в том числе и оружие, хороши, а он сам — всегда прав.

Вернемся, однако, к господину Геберту. Несмотря на мои настойчивые просьбы попасть на одно из занятий в школе, господин Геберт делает вид, что не понимает, о чем идет речь. Мы сидим и пьем кофе. Обсуждаем, почему полиция в Гамбурге носит черную форму, а здесь — зеленую, отчего в Баварии есть и городская и сельская полиция, а в Вестфалии — общая. Время идет. Когда к полудню завершились занятия в учебных корпусах, любезный хозяин вдруг вспомнил о моей просьбе.

Выйдя из административного корпуса, я невольно замедляю шаг. Нельзя не подивиться, как велика территория школы — огромный плац, по размерам — танкодром, на краю которого уютятся двух-, трехэтажные здания, издали кажущиеся совсем маленькими. Невольно удивляешься, в какую же копейчку влетело все это хозяйство налогоплательщикам, если земля в Мюнстерландии стоит

до 30 марок за квадратный метр. Чего не сделаешь ради собственной безопасности!

Нам навстречу попадают молодые курсанты. Рослые, здоровые ребята, с такими лучше не иметь дела. («Мы имеем возможность выбирать,— предупреждает мой вопрос Геберт.— В этом году было 10 тысяч желающих на тысячу мест») Да, что и говорить, тут-то и пригодились все крючки и закорючки, оговоренные в правилах. До курса полицейской этики курсанты еще не дошли. Никто не здоровается ни с господином Гебертом, ни с нами. Молча мы входим в учебный корпус.

Он чист, аккуратен, по-тюремному строг. Как и полагается, на стене справа — фотографии членов федерального правительства. Слева — карта мира, гарнированная последними сообщениями из-за рубежа. В здании никого нет. Господин Геберт сумел всех переждать. Один класс, другой, третий похожи, как полицейские мотоциклы у входа: голые стены, школьная мебель, изредка портрет президента. Неужели так и придется уйти, ничего не узнав, ни с кем не поговорив? Я решительно прошу показать библиотеку.

Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты. Для Западной Германии эта поговорка особенно точна. Книги здесь необычайно дорогие. Их приобретают в случае крайней необходимости и действительно те, в которых нуждаются. Не все книги, собранные в полицейской библиотеке, читают сами курсанты. Они больше рассчитаны на людей с определенной подготовкой, а в школе это преподаватели. И их немало — 35 человек только штатских. Те самые, которые, по словам господина Геберта, «симпатизируют» коммунизму и социализму. Здесь необходимо существенное уточнение — антикоммунизму, антисоциализму.

Никогда еще мне не приходилось сталкиваться с таким великолепно собранным террариумом: Бжезинский, Фетшер, Менерт, Шапиро, Шлам и десятки менее известных авторов — словом, полная библиотечка по антикоммунизму. Ни одного советского издания. Все это многократно читано и проработано, судя по самим книгам. Напротив разместились шкафы с наглядными пособиями, наборы карт, диапозитивов, магнитофонные записи по определенным темам. Тут же указатель: «Советская оккупационная зона»,

«Будущая Германия», «Что такое порядок», «Демократия в действии».

Я перебираю карты: везде Германия в границах 1937 года, на ней чешские, польские, славянские города с немецкими названиями. Что это, государственное учреждение или архивы «Союза изгнанных»? Не остается никаких сомнений, какой «порядок» они будут защищать и о какой «демократии» идет речь. Когда я, возмущенный и усталый, показываюсь наконец из-за шкафов, полковник превратно толкует мое возмущение.

— Ну, как?— Он не дожидается моего ответа.— Каждый из этих парней стоит нам ежегодно 15 тысяч марок. Не мало, а? Представляете, сколько они могут здесь получить?..

Еще раз я встречаюсь с молодыми полицейскими в столовой. Это тоже входит в программу посещения школы. Они сидят за столами совсем как студенты в столовой Мюнстерского университета. Едят из таких же огромных тарелок-блюд с отделениями для мяса, капусты, картошки. В отличие от студенческого обеда им еще полагается третье — бананы. Полковник деловито сообщает, сколько калорий в день отпускается каждому, почему первое время они едят больше, чем дома. «Знаете, они приезжают в основном из деревень. Там свое, здесь государственное — бесплатно. Вот они и нажимают, пока не наедятся». Рослые парни, такие же, как те, что учатся в Мюнстерском университете. Через два дня у нас «тич-ин», а потом студенческая демонстрация. Смогут ли курсанты стрелять в молодежь по приказу или без него, если их пошлют наводить порядок?

За окном на плацу марширует рота. Повинуясь командиру, молодые полицейские бегут, падают, снова вскакивают, рассыпаясь в цепь. Громкий фальцет выкрикивает слова команды, и через какое-то мгновение полицейские карабины взлетают к плечу. Они наведены в упор на невидимого противника. Полковник молчит, явно любуясь ловкостью юнцов...

У

каждого человеческого праздника свои приметы. Новый год заставляет человека задуматься о прожитом, мысленно попытаться проникнуть в будущее... Давний обычай повторяется из поколения в поколение, и народ наделил его сверхъестественной силой: рождественские и новогодние праздники необычны и волшебны. Вот почему за праздничным столом, когда земля завершает свою очередную круговерть и пускается в новый путь по старой орбите, люди говорят о самом желанном и сокровенном. И не было дома в нашей огромной многонациональной стране, где бы люди, встречая новый, 1974, год не говорили с гордостью и надеждой, что призыв «Мир — народам» завоевывает все больше друзей.

События минувшего года неопровержимо свидетельствуют, сколь жизненна и важна программа борьбы за всеобщий мир и укрепление международной безопасности. Советские люди могут с гордостью сказать, что активная внешнеполитическая деятельность Коммунистической партии и государства увенчалась полным успехом. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США и ФРГ, поездка во Францию, его встречи с руководителями этих стран и выработанные в результате этих встреч соглашения способствовали разрядке международной напряженности.

Подписание и ратификация договоров между Советским Союзом и ФРГ, Польской Народной Республики и ФРГ принесли свои плоды. Когда статс-секретарь западногерманского МИДа П. Франк и советский посол Н. Фалин обменялись ратификационными грамотами, началась новая глава европейской истории.

Принятые документы хоронят политику, которая на протяжении двух с лишним десятилетий была источником напряженности в Европе. Они подводят черту под эпохой «холодной войны», знаменовавшей послевоенный период отношений между ФРГ и социалистическими странами. Ратификация договоров — серьезный успех тех политических и общественных сил ФРГ, которые отстаивают

признание реальной послевоенной европейской действительности и высказываются за улучшение отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Важнейшие идеи безопасности нашего континента нашли в договорах свое отражение: нерушимость существующих границ, неприменение силы, взаимовыгодное сотрудничество. Эти принципы кладут начало новой эре в отношениях между европейскими государствами. Они являются необходимым условием для сотрудничества государств с различным общественным строем. Они обусловили вступление в силу ряда документов, служащих миру и разрядке в Европе: таких, как четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, договоренность между ГДР и ФРГ, между ГДР и западноберлинским сенатом по ряду конкретных вопросов, парафирование транспортного договора между двумя немецкими государствами. Полмиллиона западноберлинцев, посетивших со дня ратификации договора ГДР,— первый и лучший аргумент в пользу новых перспектив, которые открыло соглашение.

Важнейшее значение имеет тот факт, что федеральное правительство малой коалиции проявило более реалистический подход к проблемам, решение которых прежде пытались искать, ревизуя положение, сложившееся после второй мировой войны. «Спустя 25 лет после войны мы, наконец, подошли к тому, чтобы принять в расчет изменившуюся реальность»,— заявил канцлер В. Брандт. От имени правительства он обещал «продолжать вносить вклад в уменьшение разрядки напряженности и способствовать обеспечению мира в Европе». По мнению председателя социал-демократической фракции в бундестаге Г. Венера, «договоры ФРГ с Советским Союзом и Польшей улучшат условия конструктивного сотрудничества в Европе». Министр иностранных дел В. Шеель отметил на пресс-конференции в Бонне, что договоры представляют собой основу для мирного сосуществования между Востоком и Западом. Как подчеркнул В. Шеель, подавляющее большинство населения ФРГ одобряет и поддерживает Московский и Варшавский договоры. Правительство ФРГ будет продолжать последовательно осуществлять свою политику, направленную на нормализацию отношений с социалистическими странами.

Ясно и определенно высказалась в поддержку договоров, политики нормализации отношений ФРГ с социалистическими странами прогрессивная общественность всего мира. Определенные сдвиги во взглядах на эту проблему наметились и в правительственных сферах ряда государств. Американское правительство приветствовало ратификацию. В заявлении министерства иностранных дел Франции подчеркивается возможность «дальнейшего прогресса в деле разрядки в Европе». Одобрение бундестагом договоров вызвало удовлетворение в английских официальных кругах. Как важнейшее событие в послевоенной истории расценил это решение тогдашний премьер-министр Дании О. Краг, назвав его «вехой на пути разрядки напряженности».

Сегодня мировая общественность с полным основанием отмечает, что у колыбели этих важнейших документов стояли Советский Союз, Польша, другие социалистические страны. Государства — участники Варшавского Договора последовательно осуществляют совместную Программу мира, провозглашенную XXIV съездом КПСС. Их согласованные усилия привели к созданию реальных возможностей для прочного мира. Именно в результате этой политики и стало возможным заключение и ратификация договоров.

Что касается Советского Союза, то его принципиальная позиция известна и ясна. Выступая на торжественном заседании, посвященном 50-летию создания СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Договоры между СССР и ФРГ, Польшей и ФРГ, зафиксировавшие нерушимость существующих европейских границ, комплекс соглашений по Западному Берлину, а также Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ... окончательный прорыв дипломатической блокады ГДР — все это крупнейшие шаги развития Европы по пути к миру и безопасности. И все это не чья-то односторонняя победа, а большая победа разума и реализма в международных отношениях».

Так постепенно, шаг за шагом, в соответствии с принципами, провозглашенными в Программе мира, устраняется с пути миролюбивых народов опасное наследие минувшей войны. И можно

без преувеличения сказать, что впервые, пожалуй, в Европе за всю ее историю сложилась такая ситуация, когда объединенными действиями всех миролюбивых сил можно добиться стабильного мира на континенте. В этих условиях государства — члены Варшавского Договора зовут всех идти еще дальше, вперед, предлагая всем заинтересованным правительствам встретиться и выработать систему обязательств, соблюдение которых обеспечило бы коллективную безопасность. Как это можно сделать?

Образцом для решения конфликтной ситуации является история так называемого берлинского вопроса. На протяжении четверти века проблема Западного Берлина не сходила со страниц мировой прессы. В первые же послевоенные годы поднявшие голову западногерманские реваншисты потребовали особых прав на Западный Берлин, с ведома и при попустительстве западных держав они саботировали выполнение Потсдамских соглашений.

В городе была проведена сепаратная валютная реформа. Она означала экономическое отделение западных секторов и искусственное присоединение их к трем оккупационным зонам. За валютной реформой в сочетании с множеством других маневров последовало и политическое отделение.

Западный Берлин был превращен в плацдарм борьбы против социалистических стран и прежде всего против первого немецкого государства рабочих и крестьян — Германской Демократической Республики.

В этом причина появления проблемы Западного Берлина со всеми известными конфликтами и возникшими из них опасностями для мира.

Именно тогда сторонники холодной войны провозгласили, что Западный Берлин должен быть «самой дешевой атомной бомбой», «стрелой в теле ГДР», «фронтным городом» по отношению к социалистическим странам Европы. Западногерманские реваншисты пытались расстроить экономику ГДР, подорвать финансы, создать кризисную ситуацию между Западным Берлином и столицей ГДР — Берлином. Только укрепление государственной границы между столицей ГДР и западными секторами Берлина пресекло эту шпионско-диверсионную деятельность. Но западногерманские реван-

шисты по-прежнему использовали Западный Берлин как аванпост в борьбе против стран социализма.

Показательно, что судьба самого города, как и участь его жителей, меньше всего беспокоила вдохновителей холодной войны. Искусственная изоляция города привела к резкому падению промышленного производства, массовой безработице, сокращению числа жителей.

Советский Союз, ГДР, все социалистические страны неоднократно выступали с предложением изменить судьбу Западного Берлина, превратить его в самостоятельный экономический и культурный центр. Для этого нужно было отказаться от политических притязаний на особую связь города с ФРГ, признать справедливые требования Германской Демократической Республики. Новое правительство в Бонне, сменившее у власти партии западногерманских монополий — ХДС/ХСС, реалистически подошло к действительности. В соответствии со своей политикой нормализации отношений со странами Восточной Европы коалиционное правительство канцлера В. Брандта поддержало усилия четырех союзных держав. Благодаря последовательной и принципиальной позиции ГДР планы раскольников в конечном итоге потерпели крах.

Соглашение, относящееся к Западному Берлину, примечательно прежде всего тем, что в нем подтверждено основное положение Потсдама. Западный Берлин не является составной частью Федеративной Республики, ее землей и не будет управляться ею. Соглашение предусматривает свертывание в этом городе ее политической деятельности, которая всегда влекла за собой серьезные осложнения, создавала трудности для западноберлинцев. Однако нормальные экономические, культурные и другие связи города с ФРГ по-прежнему остаются в силе.

Подписанное соглашение исходит из сложившихся в Европе после второй мировой войны реальностей. Оно исходит из признания прав суверенного миролюбивого государства — Германской Демократической Республики. Его подписание облегчит дальнейшие шаги по пути обеспечения европейской безопасности.

12

августа 1970 года федеральный канцлер Вилли Брандт обратился к западногерманскому населению по телевидению из Москвы. «Этот договор с Советским Союзом,— сказал он,— является успехом западногерманской послевоенной политики. Он представляет собой решающий шаг в улучшении наших отношений с Советским Союзом и нашими восточными соседями— четверть века спустя после катастрофы... Именно улучшение отношений с Советским Союзом отвечает интересам всего немецкого народа...»

Речь канцлера была внимательно выслушана в Западной Германии. Она никого не оставила равнодушным, внеся в политическую жизнь страны новый критерий: одобрение или отрицание договоров. В поддержку новой восточной политики правительства выступили не только депутаты бундестага от правящих партий, но и представители различных политических, деловых и общественных кругов. В ратификации договоров эти круги увидели путь для расширения «западногерманской политической инициативы» и для активизации торговых и деловых связей с социалистическими странами. По их собственному признанию, прежняя внешняя политика ФРГ, осуществлявшаяся христианскими демократами «от Аденауэра до Кизингера», окончилась тупиком.

Застрельщиками похода против восточной политики правительства выступили находящийся в оппозиции блок ХДС/ХСС. Вокруг него сплотились все, что есть «самого реакционного в ФРГ: от неонацистской НДП до всевозможных союзов и объединений изгнанных и перемещенных лиц. Их лозунгом стал призыв НДП: без «различия партий и мандатов» объединяться против политики «распродажи и подчинения», которую якобы проводит правительство.

Характеризуя советско-западногерманские отношения, Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС отметил, что вопрос о ратификации «восточных договоров» вызвал «резкое размежевание политических сил» в ФРГ.

Положение осложнялось еще тем, что приход к власти в 1969 году нового правительства не изменил традиционного чиновничьего аппарата в Бонне. Социал-демократы сохранили прежний состав министерства иностранных дел и ряда других важнейших министерств. Здесь работали не только приверженцы и члены ХДС/ХСС, но даже нацистские дипломаты, такие, например, как В. Грехе (посол ФРГ при НАТО). Получалась парадоксальная ситуация, когда правительство и министры провозглашали одну политику, а люди, которым надлежало разрабатывать и осуществлять ее, открыто противодействовали новому курсу.

На первый взгляд картина тогдашней политической жизни ФРГ носила хаотический характер. Казалось, что партии и организации по различным обстоятельствам выступают против ратификации договоров, следуя порой не только политическим, но и зачастую личным, мотивам. Оппозиция выглядела раздробленной, неорганизованной, действующей бессистемно.

Однако последующие события показали, что блок правых быстро сумел найти общий язык и начал действовать по единому, явно согласованному плану. Съезды ХДС в ноябре 1969 года и ХСС в апреле 1970 года прошли под лозунгами антикоммунизма и национализма. Был провозглашен «жесткий курс» по отношению к странам социалистического содружества, раздавались призывы к созданию блока европейских государств, обладающих так называемыми «многосторонними» ядерными силами. Все это сопровождалось провокационными заседаниями депутатов оппозиции в Западном Берлине, разжиганием нового психоза антикоммунизма.

Первый этап широко подготовленного и разработанного наступления реакции начался с тактических ходов в бундестаге. Оппозиция выдвинула предложения, чтобы «правительство представило для ратификации договоры, касающиеся его восточной политики, в виде «единого пакета». Речь шла о всех договорах, которые Бонн мог подписать с социалистическими странами. Как писал в то время журнал «Шпигель», такая тактика даст возможность не только затянуть ратификацию уже подписанных договоров, но и создать более широкий фронт противников Брандта. Оппозиция рассчитывала уловить голоса противников каждого из договоров

в отдельности и в то же время найти для всех одну общую платформу.

Как видно, в этом предложении ничего не говорится о самой сути договоров. Речь идет пока лишь о консолидации сил и организационном сплочении всех противников правительства на некоей «принципиальной» основе. Этот ход оппозиции был легко разгадан. Огульно отрицая содержание, писали западногерманские газеты, оппозиция захотела добиться отклонения договоров с помощью парламентских интриг. Для правительственных партий, обладавших в то время большинством в бундестаге, не составляло труда отвергнуть это провокационное предложение.

Однако весь дальнейший ход политического развития страны, оздоровление самой обстановки на континенте, наметившееся в связи с заключением договоров, требовали от оппозиционных партий ясной и четкой позиции. И по мере приближения решающих дебатов в бундестаге оппозиция попыталась выработать свое отношение к договорам. От огульного отрицания реакция перешла к программным заявлениям.

Требования ХДС/ХСС были заново сформулированы сразу же после окончившейся в декабре 1971 года поездки в Москву Р. Барцеля, сменившего Кизингера на посту председателя Христианско-демократического союза. Он выступил на заседании фракций в бундестаге с отчетом о своей поездке. Депутаты единогласно одобрили сообщение председателя, отметив, что Барцель пытался добиться в Москве, чтобы договоры были приемлемыми для ХДС/ХСС, но это ему не удалось. Оппозиция предложила дополнить договор тремя пунктами откровенно демагогического характера: положением о праве немцев на самоопределение; требованием достижения носящей обязательный характер договоренности о намерении ввести в Германии право свободного передвижения людей, обмена информацией и мнениями; позитивным отношением Советского Союза к ЕЭС.

«Три пункта оппозиции», как окрестила их западногерманская пресса, выдвинутые в ультимативной форме, подверглись резкой критике общественности. Единственно, кто безоговорочно взял под

защиту условия ХДС/ХСС, был реакционный газетно-журнальный концерн Шпрингера.

Западногерманская общественность справедливо указывала на то, что первые два пункта никакого отношения к договору не имеют. Действительно, они затрагивают отношения между двумя германскими государствами, но не отношения между СССР и ФРГ.

Что касается пункта относительно «позитивного отношения Советского Союза к ЕЭС», то он, по мнению многих, был единодушно признан «самым слабым аргументом». Никто из противников договоров толком так и не смог объяснить, почему же Советский Союз должен одобрять или отрицать политические факторы, которые не имеют никакого отношения к заключенному соглашению.

С нарастанием общественного мнения в поддержку ратификации договоров все яснее становилось стремление ХДС/ХСС не только провалить политику правительства, но и нанести общее стратегическое поражение коалиции социал-демократов и свободных демократов. Речь шла о власти, и, как всегда бывает в таких случаях, прожженные политики не останавливались ни перед чем. Поняв, что в рамках законной парламентской процедуры при существующем соотношении сил в бундестаге им не удастся отвергнуть договоры, они начали «размывать» правительственную коалицию. Правительство, располагая 254 голосами против 242, опиралось на большинство в 12 человек.

Первый удар направлялся против партии свободных демократов. Депутаты бундестага З. Цогльман, а позднее Э. Менде и Х. Штарке объявили о своем выходе из этой партии. Однако они и не подумали вернуть депутатские мандаты, что в свое время обещали в специальном письме на имя партии, а перешли в ряды фракции ХДС/ХСС в бундестаге.

Последующий ход событий показал, что ренегатам отводилась особая роль. Это стало ясно, когда в Дюссельдорфе на учредительном съезде было объявлено о создании новой партии «Дойче унион». Ее председателем и был объявлен перебежчик З. Цогльман. Биография нового фюрера во многом определила характер партии. Его карьера началась еще в «Гитлерюгенд», была продолжена

в правлении реваншистских союзов и привела его под крылышко ХДС. Его друзья-единомышленники — люди крайне реакционных националистических настроений, покинувшие ряды свободных демократов. Первоначально они образовали крикливую и шумную группу — «акцию национально-либерального действия», на базе которой и создана новая партия, поставившая своей целью устранение от власти существующего правительства ФРГ, борьбу против восточных договоров. «Дойче унион» с ее крайне реакционной политической ориентацией и неприкрытым национализмом заняла место в ряду организаций, выступающих против восточной политики правительства СДПГ — СвДП — прежде всего таких, как неофашистская НДП. Более того, «Дойче унион» была и задумана как резервная группировка для переманивания тех избирателей, которым претит явный неонацизм НДП.

Примечательно, что представитель ХДС, выступая на съезде в Дюссельдорфе, выразил сожаление по поводу создания новой партии. Но это был не более чем политический трюк. На самом деле за спиной Цогльмана и его партии стоял председатель ХСС Штраус, личный друг новоиспеченного фюрера. С новой партией оппозиция связывала определенные планы на будущих выборах. Но «Дойче унион» не оправдала этих надежд: западногерманский избиратель оказался достаточно искушенным, чтобы разобратся, кому служит партия. Денежки, и немалые, затраченные на ренегатов, пропали зря.

Во всех своих действиях, интригах и махинациях реакционный блок противников ратификации договоров имел безоговорочного союзника в лице западногерманского газетного короля А. Шпрингера.

Принадлежащий Шпрингеру самый крупный и самый реакционный в Европе концерн средств массовой информации ведет беспрецедентную кампанию против любых попыток наладить отношения между ФРГ и социалистическими странами, против политики мира и разрядки напряженности. «Враг восточных договоров», «Человек, готовый любыми средствами, вплоть до силы, «освободить» ГДР», «Разжигатель ненависти против бастующих» — так

называет Шпрингера прогрессивная западногерманская общественность.

Защищая обанкротившуюся политику времен «холодной войны», печать газетного короля не брезгует ложью, диффамацией, клеветой. «Пресса Шпрингера искажает намеренно», «Бильд-цайтунг» оглушает читателя» — к таким выводам не раз приходили исследователи общественного мнения.

Принадлежащие Шпрингеру средства массовой информации искажают смысл договоров, сеют сомнения и неуверенность среди граждан ФРГ. В газетах Шпрингера был опубликован ряд фальшивок. Не указывая источников, «Ди вельт», «Бильд-цайтунг» и другие газеты печатали якобы «секретные» документы, утаенные правительством от широкой общественности.

Конечно, в этих сфабрикованных фальшивках все изображалось так, будто интересы немецкого народа предаются, а страна приносится в жертву мифическому «коммунистическому заговору». Несмотря на неоднократные заявления правительства, разоблачавшие подобные «документы», пресса Шпрингера твердо придерживалась намеченного курса. «Спрашивается,— писала «Зюддойче цайтунг»,— что это за люди, которые не останавливаются даже перед подобными средствами с целью дискредитировать восточные договоры и тем самым — обе участвовавшие в переговорах стороны...»

Шпрингера одолевают заботы о судьбах грядущего мира вообще и Европы в частности. Однако прогрессивной общественности как в самой ФРГ, так и за ее пределами нетрудно установить смысл и истоки его «озабоченности». Как-никак он активно служил гитлеровскому рейху и в своей газете «Алтонар нахрихтен» не раз обсуждал проблемы «переустройства Европы» в соответствующем духе. Идеи Шпрингера о судьбах грядущего мира ведут свою родословную оттуда, из прошлого, и, как и раньше, густо замешаны на антикоммунизме.

Ход событий, вселяющий европейским народам надежду и уверенность на лучшее будущее, вызывает у Шпрингера ненависть и озлобление. И он тоскует о самых тяжелых временах «холодной войны»: «Где же тот новый Черчилль, который мог бы изменить события?»

С февраля 1970 до сентября 1971 года «Бильд-цайтунг» — наиболее массовая газета с тиражом около 4 млн. экземпляров — не опубликовала ни одного собственного одобрительного комментария в поддержку восточной политики правительства. Пресса Шпрингера не только фальсифицирует, но и активно борется со своими противниками. Так, стремление к признанию ГДР объявляется «симптомом серьезной болезни» и «следствием нарушений нервной системы». Странники мирного сосуществования, согласно шпрингеровской терминологии, находятся под «гипнозом разрядки напряженности». А противники агрессии США в Индокитае предстают в комментариях как «неврастеники» и «наркоманы».

Характеризуя позицию Шпрингера, газета «Нойес Дойчланд» писала: «Имея в своем распоряжении соответствующий механизм для формирования общественного мнения, Шпрингер упорно подогревает напряженность. Он непрерывно отравляет атмосферу. Он постоянно создает тот климат, в условиях которого обязательно должны процветать национализм и неонацизм».

Таковы были те силы, которые после 12 августа 1970 года двинулись в крестовый поход против восточной политики правительства, надеясь повернуть ход европейской истории вспять, к временам «холодной войны». Они были достаточно многочисленны и самоуверенны. Они опирались, как им казалось, на влиятельные круги в политике и экономике, тем не менее потерпели сокрушительное поражение и в результате новых выборов вынуждены были уйти в глухую оппозицию. Победу одержал реализм и здравый смысл.

Однако реакция не сложила оружия. В начале мая 1974 года под прикрытием клеветнической кампании против Вилли Брандта она начала новое массивное наступление на политику нормализации отношений в Европе. Воспользовавшись решением Брандта уйти в отставку, оппозиция, по словам председателя фракции СДПГ в бундестаге Герберта Венера, сделала попытку «холодного переворота», то есть расколоть коалицию правящих партий и задолго до новых выборов занять их место.

Эти расчеты не оправдались. Замена одного коалиционного правительства другим прошла почти без заминки. Канцлером ФРГ

стал социал-демократ Гельмут Шмидт, министром иностранных дел — свободный демократ Ганс-Дитрих Геншер.

Прогрессивные силы ФРГ надеются, что новое правительство сумеет сохранить преемственность политического курса и отразить наступление реакции.

ПАРТИЯ ДЕЙСТВИЯ

В нынешнем году Германская коммунистическая партия отметит свой пятилетний юбилей. Верная лучшим традициям немецкого рабочего класса, за эти годы она значительно укрепила свой авторитет, расширила свое влияние. В отчетах министерства внутренних дел ежегодно повторяется фраза, впервые появившаяся в 1969 году: «Леворадикальные силы значительно укрепили свои позиции...»

Оплот коммунистов — рабочие районы и прежде всего крупнейшая земля Северный Рейн-Вестфалия. Здесь работает более половины всех членов партии. Как сообщало министерство внутренних дел, число окружных и районных организаций партии перевалило здесь далеко за пятьдесят. В своей деятельности ГКП уделяет основное внимание работе на предприятиях. Число заводских ячеек в промышленном сердце ФРГ — Руре приближается к ста. Каждая из них насчитывает от пяти до пятидесяти членов. Большой популярностью среди рабочих пользуются коммунистические заводские газеты, которых здесь насчитывается 120 с общим тиражом в 120 тысяч. В целом же по стране регулярно распространяется 400 коммунистических газет-многотиражек. Причем число их непрерывно растет.

С коммунистами как влиятельной силой общества сотрудни-

чают сегодня многие прогрессивные организации страны: «Немецкий союз мира», «Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме», многие отраслевые профсоюзы. У германских коммунистов есть единомышленники среди подрастающего поколения. Они объединены в студенческий союз «Спартак» и в организацию «Социалистическая немецкая рабочая молодежь».

Поздней осенью 1969 года, оценивая результаты выборов, приведших к власти правительство СДПГ — СвДП, коммунисты заявили, что произошла лишь смена караула, а господство монополистического капитала по-прежнему осталось нетронутым. Время подтвердило верность коммунистической оценки выборов. Социал-демократы, объявив себя сторонниками частного предпринимательства и свободного рыночного хозяйства, не выполнили даже свои куцые предвыборные обещания. В частности, до сих пор остается благим пожеланием пресловутый *mitbestimmung*— принцип соучастия рабочих в управлении предприятиями.

Однако коммунисты подчеркивали, что новая коалиция отличается от прежнего правительства, во главе которого стояли откровенные партии западногерманских монополий. Исходя из марксистского анализа действительности, ГКП считает, что в интересах рабочего класса необходимо установление контактов и осуществление совместных действий партий рабочего класса.

И здесь следует оговориться сразу, что вновь созданной Германской коммунистической партии с самого начала приходилось не только бороться за демократическое обновление страны, но и одновременно активно разоблачать и обороняться против антикоммунизма правящих социал-демократов. Началось это еще в ходе избирательной кампании в 1969 году, когда СДПГ отвергла все предложения коммунистов о единстве действий.

Социал-демократические лидеры под фальшивым лозунгом «защиты западногерманской демократии справа и слева» в действительности основной свой удар направили против коммунистов. Уже одно то, что главным идеологом партии явился западноберлинский профессор Рихард Левенталь, известный антикоммунист, автор ряда антисоветских книг, говорит о многом. Именно ему была поручена по заданию президиума СДПГ разработка основ-

ного документа. После обсуждения в Мюнхене партийными органами было принято программное заявление «Социал-демократия и коммунизм».

Документ под страхом исключения из партии запрещает членам СДПГ сотрудничество с коммунистами. Не должно быть никакого «единства действий». Коммунисты характеризуются «в другой части и здесь, в этой части Германии», как главный враг социал-демократов. В последовавших потом разъяснениях руководство партии угрожало непослушным социал-демократам всевозможными санкциями.

Выступая сторонниками «законного социализма», социал-демократическое руководство защищает существующий в ФРГ порядок, иначе говоря бескомпромиссно поддерживает западногерманский империализм. Что касается социалистических стран, то оно ратует за их «демократизацию», за «изменение коммунистического строя изнутри». Выступая с позиций откровенного антикоммунизма, правые социал-демократы усматривают свою главную задачу в том, чтобы сделать его более изоциренным и утонченным.

В заявлении президиума ГКП указывалось, что новая волна антикоммунизма направлена против всех прогрессивных сил в стране. Недаром документы СДПГ были встречены с таким ликованием в лагере оппозиции. Штраус даже предложил правым социал-демократам сотрудничество в борьбе с левыми силами. «Эти действия явно играют на руку реакционерам, которым антикоммунизм необходим для торпедирования шагов, направленных на разрядку напряженности»,— говорилось в заявлении ГКП.

Оценивая место и характер деятельности ГКП в мобилизации общественного мнения ФРГ в поддержку ратификации восточных договоров, следует отметить, что своими успешными действиями партия обязана в первую очередь марксистскому анализу действительности. В феврале 1970 года был принят важнейший документ: «На пороге 70-х годов — за осуществление демократического прогресса». В ноябре 1971 года состоялся II съезд ГКП, утвердивший тезисы: «ГКП против крупного капитала. За мир, демократический прогресс и социализм». Проект тезисов предварительно обсуждался в местных организациях, на собраниях и конференциях.

В этом документе подтверждалось, что ГКП по-прежнему стремится к единству действий с социал-демократами в защиту интересов трудящихся; указывалось, что партия будет поддерживать любые шаги правительства в проведении подлинной политики мира. Одновременно коммунисты призывали правительство последовать примеру других европейских стран, подписать договор о нераспространении ядерного оружия и заявить о готовности принять участие в конференции за безопасность и сотрудничество. ГКП настойчиво разъясняла, что европейская безопасность невозможна без нормализации отношений между двумя германскими государствами.

По сути дела коммунисты возглавили вне стен бундестага борьбу западногерманской общественности против реакционного блока в поддержку ратификации восточных договоров и за созыв конференции по обеспечению европейской безопасности. Была проведена огромная организаторская работа не только самой партией, но и всеми сотрудничающими с ней организациями. Сразу после подписания Московского договора по инициативе коммунистов по всей стране прошли собрания, дискуссии, форумы, на которых разъяснялись смысл и значение принятых документов. Коммунисты выступили застрельщиками единства действий всех патриотических сил страны. Массовые митинги, демонстрации, манифестации состоялись в крупнейших городах страны. Был проведен ряд крупнейших симпозиумов и конференций, созданных совместно с профсоюзными и другими организациями трудящихся в поддержку восточных договоров и конференции по европейской безопасности.

Чем ближе к своему завершению подходил в бундестаге начатый правительством в декабре 1971 года процесс ратификации восточных договоров, тем сильнее и настоятельнее звучал голос западногерманской общественности. О размахе и характере движения в поддержку ратификации дает представление простое перечисление акций демократической общественности накануне 1 мая 1972 года, то есть перед решающим голосованием в бундестаге.

...Безотлагательно ратифицировать Московский и Варшавский Договоры! За созыв совещания по вопросам безопасности и со-

трудничества!— под такими лозунгами прогрессивная организация «Кампания за демократию и разоружение» начала «Неделю действий» в поддержку нормализации отношений ФРГ с социалистическими странами.

...Правление крупнейшего в стране профсоюза металлистов обратилось с письмом ко всем депутатам бундестага, являющимся членами западногерманских профсоюзов. Правление призвало их голосовать за ратификацию восточных договоров.

...Общественные и профсоюзные деятели Майнца обратились к земельному правлению ХДС, призывая его «не ставить преград на пути к миру и взаимопониманию между народами и поддерживать восточные договоры в бундестаге».

...Депутат бундестага социал-демократ Г. Батц, член производственного совета одного из предприятий крупнейшего концерна АЭГ в Нюрнберге, выступил с инициативой сбора подписей среди рабочих завода под обращением в поддержку скорейшей ратификации договоров.

...25 видных деятелей евангелической церкви ФРГ опубликовали заявление, в котором, в частности, говорится: «Мы убеждены, что договоры и соглашения, заключенные правительством, дают нам возможность внести вклад в дело мира, что вправе ожидать от нас соседи на Востоке и Западе... Именно такие перспективы открывают восточные договоры».

...Известный западногерманский ученый-атомник, директор научно-исследовательского института имени М. Планка, профессор фон Вейцеккер в интервью газете «Зюддойче цайтунг», заявил, что «договоры должны быть немедленно ратифицированы, так как они содействуют упрочению мира. ФРГ должна показать, что она действительно желает внести свой вклад в разрядку напряженности».

Политическая обстановка в стране в этот момент была сложной, как никогда: оппозиция всеми средствами пыталась воскресить националистические настроения, утопить процесс ратификации в механизме парламентских процедур. Не удалась ее очередная попытка доказать, что договоры являются антиконституционными и поэтому подлежат утверждению в конституционном суде. А за

стенами бундестага бушевало человеческое море, протестуя, требуя, настаивая. Как показали опросы общественного мнения, свыше 60 процентов опрошенных поддерживали восточную политику правительства.

В этих условиях обнаружился глубокий внутренний раскол в Христианско-демократическом союзе. Руководству оппозиции не удалось до конца осуществить свой непримиримый курс против ратификации. В зависимости от обстоятельств, вынужденное считаться с общими настроениями и требованиями избирателей, оно несколько разменяло свои установки. Однако в ХДС/ХСС по-прежнему действовала группа жестких противников договоров во главе со Штраусом и Шредером.

Бывший председатель партии Барцель занял центристскую позицию. Как известно, ХДС безоговорочно ориентируется в своей политике на США, и мнение американских правящих кругов явилось для них решающим.

После 21 месяца жесточайшей и бескомпромиссной борьбы депутаты ХДС/ХСС избрали путь, который в соответствии с правилами парламентской процедуры предотвратил отклонение бундестагом договоров ФРГ с СССР и ПНР. Против договора с Советским Союзом проголосовало 10, а против договора с Польшей — 17 человек, остальные депутаты оппозиции воздержались.

Восточные договоры стали реальностью.

* * *

Наступил поворот в отношениях между двумя странами, поворот к новым, нормальным для мирного времени связям и взаимовыгодному сотрудничеству. Особенно успешно развивались советско-западногерманские отношения в минувшем году, прошедшем под знаком претворения в жизнь заключенных договоров. Майский визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Федеративную Республику закрепил поворот в отношениях с государством, с которым Советский Союз еще в недавнем прошлом почти по всем международным вопросам стоял на противоположных позициях.

Жизнь показала, что при наличии доброй воли и реализма все завалы «холодной войны» могут быть расчищены. Переговоры, которые вел Л. И. Брежнев на берегах Рейна, были исключительно деловыми, рабочими и дали ощутимые практические результаты.

Как указывалось в Совместном заявлении, беседы проходили в откровенной и деловой атмосфере, в духе взаимопонимания, что соответствует характеру отношений между двумя странами. Стороны выразили решимость последовательно работать над улучшением и дальнейшим развитием связей, используя в будущем такую важную форму, как встречи и обмен мнениями между руководящими деятелями двух стран.

Целый комплекс важных соглашений. Совместное заявление об итогах переговоров знаменует устойчивый долговременный характер промышленных, технических, культурных связей, установившихся между двумя странами. Как заметил социал-демократический еженедельник «Форвертс», открываются новые перспективы для «десятилетий тесного сотрудничества». Горячо приветствуя советского руководителя, члены производственного совета металлургического предприятия «Кликнер хютте» писали в письме на имя Л. И. Брежнева: «Мы приветствуем, что отношения между нашими обеими странами развиваются на дружественной основе и они ведут к сотрудничеству, от которого будут в выгоде оба народа».

Установление взаимопонимания и сотрудничества между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии является важным фактором развития современного международного положения. Не случайно на переговорах важное место заняли проблемы подготовки и проведения общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Как сказал Л. И. Брежнев в Бонне, «речь идет о том, чтобы коллективными усилиями выработать общепризнанную надежную систему принципов, которая помогла бы создать по-настоящему спокойную обстановку на нашем континенте, позволила бы европейцам с уверенностью смотреть в будущее не на год, а на целую историческую эпоху вперед». СССР и ФРГ выразили решимость содействовать успеху этого совещания с целью создания прочной основы европейского мира.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, рассмотрев итоги визита, полностью одобрили деятельность товарища Л. И. Брежнева и политические результаты его визита в ФРГ, имеющие важное международное значение. Продолжая линию, определенную Московским договором 1970 года и договоренностью, достигнутой годом позже в Ореанде, переговоры Л. И. Брежнева с канцлером В. Брандтом, соглашения между СССР и ФРГ, Совместное заявление, подписанное во время визита, открывают новые перспективы хороших отношений и добрососедского сотрудничества в интересах мира. Визит Л. И. Брежнева представляет собой новое убедительное свидетельство торжества ленинской политики мирного сосуществования государств, независимо от их общественного строя, политики, которая на современном этапе нашла свое наиболее полное выражение в Программе мира, одобренной XXIV съездом партии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Запад есть Запад	5
Три цвета на пряжке	13
Затянувшаяся болезнь	21
Под звук олимпийских фанфар	26
Чего хотят студенты?	32
Телега застряла на полпути...	46
Отравлено у источника	51
Путь наверх	60
Танкисты у школьной доски	69
Сдвиг влево?	75
Орден на зеленом мундире	78
Боннская арифметика	91
Несостоявшееся интервью	100
Сказка на рождество	109
Политика разорения	117
Деньги — господа	124
В тени идола	128
Новая глава	138
Маневры оппозиции	143
Партия действия	150

СТРЖИЖОВСКИЙ ЛЕВ ФЕДОРОВИЧ

ДЕНЬГИ — ГОСПОДА

Редактор Н. Яснопольский

Художник Н. Гончаров

Худож. редактор В. Конюхов

Техн. редактор Т. Пичугина

Корректор А. Пузакова

А 09018. Сдано в набор 26/X 1973 г. Подписано к печати 20/V 1974 г. Формат бумаги 70 X 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Бум. л. 2,5, физ. печ. л. 5. Усл. печ. л. 7. Уч.-изд. л. 8,51. Тираж 100 000 экз. Цена 27 коп. Издательство «Знание», Москва, центр, проезд Серова, д. 3/4. Заказ 758. Киевская книжная фабрика Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, ул. Воровского, 24.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзыв об этой книге и свои пожелания присылать в издательство «Знание».

Наш адрес: 10100, Москва, Центр. Проезд Серова, дом 3/4.

27 коп.

